

БОЛЬШЕ
чем
ДРУЗЬЯ

ВЛЮБИТЬСЯ В МОЮ ЛУЧШУЮ ПОДРУГУ
НЕ ВХОДИЛО В МОИ ПЛАНЫ

Джиллиан Куинн

Я не должен был западать на свою лучшую подругу....

Кэт была единственной девушкой, с которой я мог разговаривать, не думая о сексе.

Единственный человек, которому я мог доверять.

Она даже была сестрой моих товарищей по команде.

Пока одна ночь пьяной страсти не изменила все.

Одна ошибка привела к разрыву, который продолжался несколько месяцев после того, как меня задрафтовали в НХЛ.

Она хранила от меня секрет, который мог бы снова свести нас вместе.

Ее секрет — это так же то, что разлучило нас.

Я просто не знал этого.

До этих пор.

Джиллиан Куинн
Больше, чем друзья
Серия: Больше, чем... — 1
(Разные герои)

Переводчик: *Lana.Pa*

Редактор: *Александрия*

Обложка: *Wolf A.*

Переведено для группы «Золочевская Ирина и её друзья» — vk.com/zolochevskaya_irina

Первый Курс

Дин

Впервые в своей жизни я боюсь заговорить с девушкой. И не просто какой-нибудь девушкой. Кэт — дочь Ника Болдуина, профессионального хоккеиста, которого я боготворил большую часть своей жизни. У меня дома в спальне до сих пор висят плакаты с изображением ее отца из НХЛ. Ее отец — причина, по которой я захотел стать хоккеистом, и теперь я следую за мечтой.

Мои товарищи по команде смеялись надо мной, говорили, что я сошел с ума, раз разыскиваю Кэт. Когда я услышал, что дочь Ника играет в женской хоккейной команде Университета Стрикленд, я должен был лично убедиться, соответствует ли она фамилии Болдуин. Она не разочаровывает, ни капельки. На самом деле, Кэт катается, возможно, даже быстрее своего отца.

Кэт катится по льду с несколькими девушками на хвосте, ведя шайбу справа от себя, в то время как вингер (прим. крайний нападающий) выходит к ней с левой стороны. Они сталкиваются у бортов, борясь за шайбу. Сидя в первом ряду, я встаю со своего места и прислоняюсь к плексигласу (прим. органическое стекло), наблюдая, как Кэт борется за то, чтобы удержать шайбу. Она бьет одну из девушек локтем в челюсть, но судья этого не замечает.

Я смеюсь. Кэт явно унаследовала способности своего отца к катанию и обращению с шайбой, но и не обошла стороной задиристость старшего брата. Дьюк и Остин Болдуин — два лучших игрока обороны в НХЛ. Я вижу в Кэт многое от ее братьев. Даже с трибун я испытываю перед ней благоговейный трепет и улыбаюсь при мысли о встрече с ней.

После окончания игры я жду Кэт у входа на каток, пока «Стрикленд Сенаторз» жмут руки своим соперникам. Кэт стала единственной причиной этой победы. Она доминировала каждую секунду, проведенную на льду.

Вытирая вспотевшие ладони о джинсы, я окликаю Кэт, которая, прищурившись, смотрит на меня. Я поднимаю указательный палец и жестом подзываю ее подойти ко мне.

Она закатывает глаза, но выполняет мою просьбу.

— Эй, привет, — успеваю сказать я, прежде чем она прерывает ход моих мыслей.

— Ты только что поманил меня пальцем? — она срывает перчатки и прижимает их к своей темно-синей с белым майке.

— Ммм... думаю, да, — я засовываю руки в карманы, чтобы вытереть их.

Почему она заставляет меня так чертовски нервничать? Я даже не нервничал так сильно, когда пробовался в университетскую хоккейную команду.

— Я не хоккейная зайка и не твоя девушка по вызову. Ты не должен заманивать меня пальцем и ожидать, что я прибегу (прим. хоккейные зайки — девушки, ярые фанатки игроков, а не самой игры).

Уголки моего рта приподнимаются в злой усмешке:

— Но ты прибежала.

— Нет, не смей этого делать, — она качает головой. — Эта ухмылочка обычно срабатывает?

Сбитый с толку ее вопросом и тем ужасным оборотом, который принимает разговор, я

понятия не имею, что ответить. Наблюдая за ее игрой, я знал, что она будет не из тех типичных девушек, кто занимается всякой ерундой, и все же я относился к ней так, как если бы она была какой-нибудь хоккейной зайкой, тусующейся после одной из моих игр.

Полный придурок.

— Да, наверное, так и есть, — признаю я, протягивая свою менее потную руку. — Я Дин Кроуфорд — стартовый центрровой мужской команды.

— Я знаю, кто ты, Дин. Твоя репутация опережает тебя.

— Это хорошо или плохо?

Она пожимает плечами:

— Зависит от того, говорим ли мы о хоккее или о твоих внеклассных занятиях.

— Я надеялся, что все пройдет совсем не так, — признаюсь я.

Она хихикает:

— Ты все это спланировал? Я думала, ты дамский угодник. Должна сказать, не очень впечатляюще.

— Ох, да. И почему это? — я пытаюсь скрыть свою улыбку, но у меня ничего не получается.

— Ты не такой техничный, как я думала.

— Ну по крайней мере, ты знаешь, кто я.

— Болдуин, — кричит ее тренер по пути в раздевалку, — давай пошевеливайся.

Кэт оглядывается через плечо и говорит «хорошо», прежде чем снова переключить свое внимание на меня:

— Мне нужно идти. Ты чего-то хотел?

У меня никогда не было таких проблем с девушками. Большинство девушек в кампусе сами набрасываются на меня и моих товарищей по команде.

— Я хотел с тобой познакомиться.

Она фыркает.

— Один из фанатов моего отца? У меня нет времени на это дерьмо. Знаешь, сколько парней разговаривают со мной каждую неделю из-за моего отца и братьев?

— Не буду врать. Твой отец — причина, по которой я пришел сюда сегодня, но твой талант — вот, что заставляло меня наблюдать за тобой.

Ее лицо озаряется искренней улыбкой:

— Сейчас ты просто пытаешься мне польстить.

— Это работает? — я приподнимаю брови, глядя на нее.

— Не знаю, — стонет она. — Может быть.

— Чем ты занимаешься позже?

— Я наверно потусуюсь со своей подругой в ЦСД (прим. центр студенческого досуга), — она прикусывает нижнюю губу, как будто это я заставляю ее нервничать. — Мы играем в аэрохоккей на третьем этаже, если хочешь приходи.

А затем до меня доходит, что она думает, будто я приглашаю ее на свидание, хотя это не входило в мои намерения. Кэт красива, насколько я могу судить под шлемом, скрывающим ее светлые волосы, и слоями снаряжения, облегающими ее фигуру. Но я даже и не думал так далеко вперед. Несмотря на мою репутацию, я не сплю с кем попало так часто, как все думают. Но я же и не исправляю людей, распространяющих слухи. Так что, полагаю, это моя вина.

— Что ж, думаю, увидимся в игровой комнате.

— Хорошо, — она улыбается в последний раз, прежде чем отвернуться от меня. — Увидимся позже, Дин. Ни на секунду не думай, что я позволю тебе победить только потому, что я девушка.

Я смеюсь в ответ:

— Девушка ты или нет, я бы не ожидал от Болдуин меньшего.

Она оглядывается на меня через плечо и подмигивает.

Кэт — это все, что я мог себе представить, и даже больше. Такие девушки, как она, встречаются не так уж часто. Она настолько заинтриговала меня, что я снова впадаю в панику при мысли о том, чтобы потусоваться с ней за пределами катка. Когда я смотрю, как Кэт уходит, мое сердце бешено колотится в груди. У меня неприятности.

Первый Курс

Кэт

— Дин Кроуфорд придет сюда, чтобы потусоваться с нами? — Бекка прижимает руку ко рту, ее глаза широко раскрыты от шока.

Я пожимаю плечами, оглядывая игровую комнату, чтобы убедиться, что никто не услышал ее возгласа.

— Перестань превращать это в важное событие.

— Но он же такой горячий. Он ждал тебя после нашей игры. Серьезно, Кэт, как тебе удалось уговорить его пригласить тебя на свидание?

— Дин не приглашал меня на свидание, — я вздыхаю от ее слов. — Он хотел знать, что я делаю сегодня вечером, и я сказала ему, что мы, вероятно, придем сюда, как обычно.

— Надеюсь, Дин приведет с собой кого-нибудь из своих товарищей по команде. Тогда мы сможем провести двойное свидание, — она заправляет свои темные локоны за уши и бросает на меня мечтательный взгляд.

Дин оказывает такое воздействие на всех девушек. Должно быть, я ввела его в заблуждение своим поведением. Я сделала это нарочно, чтобы испортить ему настроение. Всю свою жизнь я имела дело с пакостными зайками и потасканными девушками, испытывающими вождение к моему отцу, а теперь и к моим старшим братьям. Я не собиралась поступать так же с Дином.

— Это не свидание, — поправляю я её, кажется, в сотый раз с тех пор, как рассказала Бекке о том, что Дин подозвал меня ранее.

— Это не было приглашением на ужин, скорее, непринужденный знак внимания в кругу друзей. Дин никогда не увидел бы во мне ничего большего, чем друга.

— Брось это, Кэт, — Бекка зарывается в плюшевую ткань, которой застелена скамейка вдоль подоконника, и прислоняется к стене, чтобы устроиться поудобнее. — Он сделал первый шаг. Я бы не была так уверена в том, что вы двое друзья.

Даже если бы я хотела надеяться на нечто большее, я бы ни за что не стала встречаться с кем-то с его репутацией.

— О тебе бы говорил весь кампус, если бы ты встречалась с Дином Кроуфордом.

— Обо мне итак уже говорит весь кампус, — я сажусь рядом с ней и оглядываю комнату в поисках Дина. — По крайней мере раз в неделю кто-нибудь просит у меня автограф, как будто я являюсь продолжением своей знаменитой семьи. Ты бы видела, какие взгляды на меня бросают ребята в кампусе. Это жутко. Дин ничем не отличается. Еще один фанат.

— Ты этого не знаешь, — ее улыбка достигает глаз, привлекая мое внимание к причине ее реакции. Дин.

В сопровождении двух своих товарищей по команде Дин направляется к нам. Его широкие плечи и мощная грудь подчеркиваются черным свитером, плотно облегающим его мускулистое тело. Темные джинсы низко свисают с его узких бедер и облегают каждый изгиб его тела, как будто созданы специально для него.

У меня не должно быть таких мыслей о Дине. Он бабник нашего кампуса. Я намеренно избегаю таких парней, как он. Но по какой-то причине, не думаю, что он разбил бы мне сердце. Не то чтобы я хотела сблизиться с ним настолько сильно, но все же, я что-то увидела

в Дине раньше. И это что-то заставило меня ослабить бдительность и пригласить его сюда сегодня вечером.

— Ты пришел, — говорю я, спрыгивая с подоконника ему навстречу.

— Конечно, пришел, — он указывает на парня справа от себя, а затем слева. — Ты знаешь Райана и Киллиана?

Я протягиваю каждому из них руку для рукопожатия.

Райан Нэш и Киллиан Кейд столь же легендарны в университете Стрикленда, как и Дин. Райан и Киллиан — оба третьекурсники, у которых уже была серьезная репутация хоккейных кроликов еще до того, как Дин попал в университетскую команду. Думаю, парни-шлюхи путешествуют стаями. Дин, должно быть, их альфа.

— Эй, — говорит Дин, обхватывая меня за талию. Он притягивает меня к себе и целует в щеку.

А я думала, что мои братья были душечками. Тем не менее, они семья, а Дин — совершенно чужой человек. Может быть, Бекка права насчет того, что это свидание. Понятия не имею, как реагировать на Дина.

Мои братья были настолько гиперопекающими, что у меня никогда не было большого опыта в свиданиях. В основном я была погружена в книги и играла в хоккей. Любой шанс на социальную жизнь был уничтожен Дьюком или Остином в ту же секунду, как они узнавали, что мной интересуется парень. Но у меня всегда была Бекка. Мы вместе переехали из Чикаго в Филадельфию, чтобы играть за «Сенаторз». Универ — наше новое начало.

Как и у меня, у Бекки властная семья. Ее родители очень религиозны и никогда ничего ей не позволяют. Между ее родителями и моими братьями мы в основном держались сами по себе. Проводя так много времени вдали от мальчиков и всей драмы, которая с ними связана, мы обе смогли улучшить нашу игру. И кто сможет научить нас лучше, чем мой папа?

Взгляд Дина скользит по моему телу, когда он высвобождает меня из своей хватки. — Без формы ты выглядишь по-другому. Я почти не узнал тебя.

— Эм... окей.

— Я имею это в виду наилучшим образом, — добавляет он. — Предполагалось, что это комплимент.

— У тебя плохо получается, — говорю я ему со смехом в голосе.

Он усмехается:

— Раньше у меня никогда не было девушки-подруги. Это все для меня в новинку.

Мое сердце ухает в желудок. Но я быстро оправляюсь от комментария Дина. Ни за что не позволю ему увидеть, какой эффект производят на меня его слова.

— Рада, что буду у тебя первой, — говорю я.

— Я тоже, — уголки его рта приподнимаются в улыбке.

— А теперь, когда ты лишился своей подружковой девственности, не хочешь сыграть в аэрохоккей?

Он берет биты со свободного стола для аэрохоккея и протягивает один мне: — Я не буду к тебе снисходительным, Котенок (прим. имя главной героини Кат созвучно с англ. словом cat — кошка).

Уже много лет никто не называл меня Котенком. Мне нравится, как это звучит в устах Дина. Между нами проходит мгновение, пока я смотрю в его глаза цвета джинсы, изучая его оливковую кожу и безупречные черты лица. Если не обращать внимания на шрам у него под правой бровью, Дин идеален во всем.

Дин проводит рукой по своим коротким черным волосам, слегка завивающимся на концах, и ждет моего ответа. Потерявшись в его внешности, я забыла, что мы должны были играть в аэрохоккей. Моя способность стать его другом уменьшается с каждой минутой. У меня было много друзей-парней, большинство из них были связаны с моими братьями.

Мы занимаем свои места на разных концах стола, глядя друг на друга сверху вниз. Между нами ощущается энергия, электрический импульс, который пробирает меня до костей с каждым украденным взглядом в сторону Дина. Но он хочет быть другом.

Второй Курс

Кэт

В подвале дома братства «Дельта Сигма Фи» я сижу рядом с Дином на диване и съезживаюсь. Почти уверена, что кого-то стошнило на этот диван ранее. Даже несмотря на весь алкоголь в моем организме, эта мысль заставляет меня придвинуться поближе к Дину.

— Тебе не обязательно играть, Котенок, — Дин хлопает меня по руке. — Я знаю, что это не твое.

— Все в порядке, — невнятно произношу я. — Я хочу сыграть в эту игру.

Все стаканчики, которые мы распили во время игры в пиво-понг, подействовали минут десять назад, и мне уже становится все равно.

Один из братьев по братству предложил нам поиграть в «Семь минут на небесах». Я подумала, что это тупо, учитывая, что мы больше не в начальной школе. Но это более продвинутая версия «Семи минут на небесах», или, по крайней мере, так он утверждал. Предполагаю, что именно так они заставляют девушек подчиняться их желаниям.

У Дина больше опыта, чем у меня. На самом деле, я до сих пор не целовала парня больше, чем несколько секунд в губы. Был один раз, который, я думаю, можно считать моим первым поцелуем с языком, но он был таким коротким, что трудно вообще считать это поцелуем.

Если бы не жидкая храбрость, сейчас я бы была в ужасе. Но когда Дин рядом со мной, я не боюсь. У него есть способность успокоить меня, не говоря ни слова. Достаточно просто знать, что он здесь, со мной.

— Не хочу смотреть, как ты целуешься со случайным парнем из братства, — говорит Дин, понижая голос.

Окруженная моими младшими братьями, которые живут в этом братстве, и их следующими жертвами, я еще раз обдумываю эту глупую игру. Мы переходим к игре в русскую рулетку с рюмками водки и воды. За каждую рюмку водки, которую выпьем, мы должны выполнить задание. Конечно, все они связаны с чем-то грязным.

Дин прижимает меня к себе, пока пьет пиво и наблюдает, как остальные играют в игру. Начиная переосмысливать эту идею, я хочу отказаться от нее. После того, как Дин пообещал моим младшим братьям не трогать меня, он захочет сдержать свое слово. Но давление со стороны сверстников — это жуткая дрянь.

После того, как мы выпиваем по рюмке, обе с водкой, один из членов братства предлагает нам выбрать, на что мы решимся. Я пожимаю плечами, не зная, что выбрать. Дин смотрит на меня так, словно понятия не имеет, что делать, и с грохотом ставит пустую рюмку на стол перед собой.

Парень, сидящий на диване напротив нас, бросает ключ Дину на колени: — Верхний этаж, последняя дверь направо.

Дин берет ключ и растерянно смотрит на парня, но он я понял его намерения. Он хочет, чтобы Дин отвел меня наверх.

Неловко.

— Мы друзья, — говорит ему Дин, бросая ключ обратно.

Тот ловит ключ и бросает его обратно, и на этот раз он приземляется мне на колени. Я

поднимаю его, ощущая пальцами тупые выступы, и наклоняюсь к Дину.

— Давай просто выполнил наше задание и вернемся.

Дин прищуривается, глядя на меня:

— Котенок, ты же не серьезно. Я не собираюсь трахать тебя в какой-то грязной комнате в студенческом братстве.

— Мы можем притвориться, — выдыхаю я ему в ухо.

Он видит, что я утопаю в диване, и помогает мне подняться с него. И хотя Дин даже близко не соответствует своей репутации в кампусе, люди, сидящие с нами в одной комнате, ожидают от него явно большего. Мне все равно, что кто-либо из них подумает обо мне. Я никогда раньше не отказывалась от вызова и не планирую начинать сейчас, когда на нас все смотрят. Кэт Болдуин — не трусиха.

Дин ведет меня за руку вверх по лестнице из подвала на верхний этаж старого викторианского дома. Мы делаем это для вида. Никто даже не обратит внимания, как долго нас не будет и потрудимся ли мы вернуться.

Оказавшись внутри комнаты, Дин закрывает за нами дверь и запирает ее на ключ. Я ожидала увидеть кровать, но вместо этого здесь два дивана, журнальный столик и телевизор с плоским экраном, висящий на стене. Я сажусь и беру со стола пульт, чтобы включить телек. Если нам приходится притворяться, мы могли бы с таким же успехом развлечь себя.

— Мне жаль, Котенок, — Дин кладет свою большую руку мне на колено и сжимает его. — Мне стоило быть поумнее, и не тащить тебя в подвал. Вот где в этом доме происходит все самое странное дерьмо.

Я откидываюсь на подушку и прижимаюсь к его массивному телу:

— Не беспокойся. Они же понятия не имеют, что мы здесь делаем. Никто не узнает, поцелуемся мы или нет. Давай побудем здесь минут двадцать, вернем ключ и уберемся отсюда.

— Стоило захватить пива, — говорит он, откидывая голову на подушку.

— К черту все, — я забираюсь к нему на колени и седлаю его, опуская ладони ему на плечи. — Что такое один поцелуй между друзьями, правда?

Он протягивает руку, чтобы провести мозолистым большим пальцем по моему подбородку и проложить путь к губам:

— Ты прекрасна, Кэт, но я не хочу, чтобы ты делала это из-за того, что какой-то мудака дал нам такое задание.

Я наклоняюсь, чтобы коснуться своими губами его губ:

— Мы можем целоваться и все еще быть друзьями.

Он опускает руки мне на талию и крепко прижимает к себе:

— Как только мы это сделаем, мы не сможем вернуться назад.

— Это всего лишь поцелуй, Дин.

— Это сейчас ты так говоришь, но что, если завтра все между нами изменится? Я не позволю себе потерять тебя, Котенок. Ты слишком много для меня значишь.

— Ты никогда не задумывался, на что это было бы похоже? — я перемещаю его руки со своей талии на задницу, глядя ему в глаза. — Разве мы не должны посмотреть, есть ли между нами нечто большее?

— Откуда все это взялось? Не позволяй этим идиотам влиять на тебя.

— Они и не влияют, — я беру в рот его нижнюю губу и посасываю ее. — Я подумала, ты пригласил меня на свидание в тот день, когда мы познакомились.

— А ты бы сказала «да»? — он выдыхает эти слова мне в губы.

— Без малейших раздумий, — признаюсь я.

С этими словами Дин обхватывает мою задницу руками, сжимая меня с такой силой, что я издаю тихий стон.

— Это то, чего ты хочешь, Котенок?

— Угу, — я прижимаюсь к нему, чувствуя, как он твердеет подо мной. — Я знаю, что ты тоже этого хочешь.

— Ты пьяна, — ворчит он. — Я чувствую, что использую тебя. Я пообещал Тео и Такеру, что позабочусь о тебе. Я нарушаю их доверие и злоупотребляю ситуацией.

— Ты не сможешь воспользоваться мной, если я хочу, чтобы это произошло, Дин. А теперь заткнись и поцелуй меня. Перестань слишком много думать о задании. Мы даже не вспомним об этом утром.

Как только наши губы соприкасаются, Дин просовывает свой язык мне в рот, сначала не торопясь. Это не должно быть так приятно — целовать своего лучшего друга. Но будь я проклята за то, что хочу от него большего. Я хочу его всего. Если бы мы были не в этой комнатухе, я бы позволила Дину исследовать гораздо большее.

Тепло разливается от моих щек вниз к груди, согревая мои внутренности. Когда Дин проводит по моему телу своими сильными руками, он демонстрирует свое господство надо мной, мое лоно сжимается от каждого прикосновения. Его нежные поцелуи становятся все более страстными и грубыми с каждым движением его языка. Он кладет ладони мне на затылок, запуская пальцы в мои волосы, чтобы углубить поцелуй.

Никто из нас не хочет останавливаться. Плохиш Дин, которого я знаю, полностью бы подключился к игре. Но вместо этого мне приходится наблюдать за ним с другими девушками и притворяться, будто я втайне не хотела бы быть на их месте.

Дин никогда ничего не делает с девушками в моем присутствии. Но знание того, что у него время от времени бывают связи, иногда выводит меня из себя. Теперь у меня есть шанс побыть той девушкой на ночь. Следующие двадцать минут мы проводим, целуясь и водя руками по телам друг друга, не переходя границы дозволенного настолько, чтобы не иметь возможности вернуться назад.

Секс — это тонкая грань, которая может стоять нам всего.

Второй курс

Дин

— Ты трахнулся с нашей сестрой? — Тео заходит в мою спальню, бросая на меня полный отвращения взгляд. Он плюхается на кровать рядом со мной и ждет моего ответа.

— Это было ради игры, — признаю я, прислоняясь спиной к стене. — Кэт и я — друзья. Не придавай этому лишнего значения, — правда в том, что я наслаждался каждой секундой поцелуя, который разделил с Кэт. Не хотел, чтобы он вообще заканчивался. Но мы друзья. Во всяком случае, поцелуй только усложнил наши отношения.

— Не позволяй этому повториться, — говорит Такер, садясь напротив Тео.

Я смеюсь над ним:

— А что же ты собираешься с этим сделать, крутой парень?

Он сжимает кулак, его лицо искажается в притворном гневе, и бьет меня по руке.

Думаю, я заслужил это за то поцелуй с Кэт. Когда я был с ней, то получил наихудший опыт синих яиц. После того как я проводил Кэт до ее общежития, я простоял под холодным душем не меньше часа. Ничто из того, что я пробовал, не помогло.

Хуже всего то, что я не могу перестать думать о ней и ее сочных губах. Я вижу сны о том, какой она была бы на вкус и как хорошо она бы ощущалась подо мной. Я хочу всю ее. Но ее дружба нужна мне больше.

С тех пор как братья-близнецы Кэт присоединились к «Сенаторз» в этом году, я стал им так же близок, как и Кэт. Она не шутила по поводу того, что они чересчур заботливы. Братья Кэт убили бы за нее.

Выросший без братьев и сестер и с матерью-одиночкой, которая работала на трех работах, чтобы я мог кататься на коньках, я никогда не знал, каково это — иметь большую семью. Большую часть своего времени я проводил в домах других людей или играл в видеоигры, чтобы развлечь себя. Моя мама делала все, что могла, и она до сих пор надрыгается, чтобы воплотить мои мечты о профессиональном хоккее в реальность.

Но, видя, как живет дружная семья, я хотел бы тоже стать ее частью. Вот почему я не могу испортить отношения с Кэт, несмотря на свои чувства. Кэт стала для меня семьей, и, соответственно, ее братья тоже.

— Кэт написала мне, — Такер садится, чтобы прочитать сообщение. — Она хочет встретиться в ЦСД, чтобы поиграть в аэрохоккей.

— Кэт любит аэрохоккей, — невозмутимо отвечаю я.

Он пожимает плечами:

— Мы все время играли в него дома, когда были детьми. Это наша тема.

— Я заметил. Кэт заставляет меня играть с ней почти каждый вечер, когда у нас нет ни игр, ни тренировок.

— Я голоден, — говорит Тео Такеру. — Скажи Кэт, чтобы сначала встретилась с нами в кафетерии. И проследи, чтобы она взяла с собой немного наличных. Я без денег.

— Ты богат, — говорю я, констатируя очевидное. — Почему у тебя закончились деньги?

— Я поставил остаток денег на то, что мы выиграем игру завтра вечером. Мне нужно всего лишь одолжить немного наличных для ужина.

— Если папа узнает, что ты делаешь ставки, он надерет тебе задницу, — Такер, старший

из близнецов на две минуты, встает с кровати и смотрит на своего брата сверху вниз. Он более ответственный из них двоих. — Ты тупой осел. Не трать свой трастовый фонд на ставки. Помнишь, что случилось с дядей Стивом?

Тео разочарованно кивает:

— Да, папочка. Больше так не буду.

Такер фыркает:

— Ты знаешь, что я прав. Перестань маяться херней и сосредоточься на том, чтобы остаться в команде.

Тео закатывает глаза, глядя на брата:

— Я хорошо играю, спасибо большое, но место в команде мне обеспечено.

— Как думаешь, Тео, что происходит с игроками, которые делают ставки на свою команду? — Такер указывает пальцем себе на голову. — Хоть раз подумай своей головой. Если тебя вышвырнут из команды, шанс попасть в НХЛ пропадет, и папа тебя убьет, если ты упустишь свой шанс из-за тупой ставки.

— Ладно, хватит ссориться, мальчики, — я поднимаюсь с кровати и встаю на ноги, протягивая руку, чтобы помочь Тео подняться.

Он со вздохом берет меня за руку. Близнецы Болдуин могут препираться друг с другом часами. Иногда кому-нибудь из наших товарищей по команде, которые живут с нами в братстве, приходится прекращать их споры. Единственное, что объединяет всех членов семьи Болдуин — это их темперамент, включая Кэт.

После тридцати минут непрерывной перепалки я заставляю Тео и Такера перестать орать друг на друга достаточно надолго, чтобы притащить наши задницы в центр студенческого досуга на встречу с Кэт. Ароматы трав и жареной пищи ударяют мне в нос, когда мы проходим мимо разных точек. Я и не осознавал, насколько проголодался, пока мы не добрались сюда.

Мы торопливо наполняем наши подносы и направляемся к столику в глубине зала, за которым обычно встречаемся с нашими друзьями. Кэт поднимает взгляд от своей тарелки и смотрит на меня. Она похлопывает по сиденью рядом с собой.

Теперь она манит меня. Мы до сих пор шутим о том дне, когда познакомились. Тогда я применял к ней свои обычные уловки, даже не думая, что они не сработают с такой девушкой, как Кэт. Она так действует на меня, что иногда даже я удивляюсь, почему мы никогда не переходили в наших отношениях к следующему шагу. До прошлой ночи.

Но я должен отбросить эти чувства в сторону ради нашей дружбы. Как бы мне ни хотелось побольше исследовать в наших отношениях с Кэт, это никогда не сработает, если ее братья будут мешать нам на каждом шагу. Из-за них у нее даже никогда не было парня.

Я сажусь рядом с Кэт и придвигаю свой стул к столу.

— Что ты взял? — Кэт осматривает мою тарелку. — Я все еще не наелась.

— Бифштекс с сыром и картошкой фри. Хочешь половинку?

Она берет с моей тарелки кусочек картошки фри и отправляет его в рот, говоря между жеванием:

— Может, просто откушу от твоего стейка.

— Ты должна мне бабки за этого шута, — говорит Такер Кэт, указывая на Тео с глупой улыбкой.

Она достает двадцатку из заднего кармана и бросает ее через стол Такеру. Он

поднимает его с победоносным видом.

— Я не шут, — говорит Тео, защищаясь, но он слишком занят едой, чтобы спорить.

У Кэт и ее младших братьев разница в возрасте всего один год, но по их поведению можно предположить, что близнецов отделяют от Кэт многие годы. В то время как она зрелая и разумная, они оба необузданные и думают лишь после того, как действуют. Такер иногда удивляет меня, но это случается не так часто.

А еще, есть Дьюк и Остин, которые более чем на пять лет старше Кэт и грубоваты по своей натуре. Болдуины — динамичная компания. Ни с кем из них никогда не бывает скучно.

Я разрезаю свой стейк пополам и отдаю часть Кэт. Вместо того, чтобы взять его у меня, она хватается за руку и впивается в него зубами. Она пригвоздила меня к месту пристальным взглядом, из-за чего мне стало сложно сосредоточиться на чем-либо, кроме ее лица. Я наблюдаю за каждым движением ее рта, думая о том, как ее губы прижимались к моим. Я уже скучаю по тому, чтобы быть так близко к ней.

Она тоже это чувствует?

Сможем ли мы обернуть это в нашу пользу?

К лучшему это или к худшему, но между нами все изменилось. Я не могу отрицать ту связь, которая есть у меня с Кэт. Она всегда была. Но как нам двигаться дальше?

Третий Курс

Дин

Сидя рядом со мной на кровати, прислонившись спиной к стене и подтянув ноги к груди, Кэт тянется к пульту, лежащему между нами. Она выключает телевизор, оставляя комнату в тишине. Мы были в разгаре очередного нашего киномарафона дерьмовых фильмов.

Она берет меня за руку и тянет достаточно сильно, чтобы привлечь мое внимание к ее прекрасному лицу:

— Дин, ты станешь моим первым?

Мое сердце учащенно бьется, выпрыгивая из груди. Я понятия не имею, как ответить Кэт. После нескольких месяцев, потраченных на то, чтобы разобраться в своих чувствах к ней, все, наконец, вернулось на круги своя. Я думал, что лето врозь залечило старые раны, но лишь для того, чтобы она снова их разбередила.

— Ты имеешь в виду секс? — я должен уточнить на случай, если меня занесло не в ту степь.

Она кивает:

— Ага. Это странно, что я прошу тебя об этом?

— Откуда взялась эта идея?

— Я много думала о сексе, и, ну знаешь, я хочу это сделать.

— И ты хочешь, чтобы это было со мной? Ты уверена, Котенок? Это огромная ответственность. Тебе следует заняться сексом с кем-нибудь, кого ты любишь.

Она, улыбаясь, качает головой:

— Я люблю тебя, глупыш. Вот почему я хочу, чтобы это было с тобой. Если я совершу ошибку, занявшись сексом с каким-нибудь случайным чуваком, я пожалею об этом. Но я бы никогда не пожалела о своем выборе, если бы это было с тобой.

Я должен быть доволен сложившейся ситуацией. После того, как я запал на свою лучшую подругу, как мне кажется, целую вечность назад, это то, чего я хочу. Но у меня есть опасения по поводу того, что секс разрушит наши отношения. Мне потребовалось достаточно много времени, чтобы прийти в себя после нашего поцелуя. Но я хочу ее. Никогда не переставал хотеть.

Одним быстрым движением я хватаю ее за бедра и сажаю к себе на колени. Она сжимает мои ноги между своими бедрами и смотрит на меня сверху вниз, облизывая губы.

Начиная с ее бедер, я провожу руками вниз по ее ногам, ощущая ее нежную кожу:

— Как только мы пойдем по этому пути, дороги назад уже не будет. Мы не сможем начать все с начала.

Я должен признаться в своих чувствах к ней, чтобы все было ясно, но я не хочу испортить момент. Кэт попросила меня сделать для нее кое-что, с чем следует обращаться осторожно.

— Не в моей комнате, — говорю я ей. — Если это то, чего ты хочешь, нам следует все запланировать. Я хочу, чтобы это стало особенным для тебя. Твой первый раз не должен быть в доме, который я делю со своими товарищами по команде. К тому же, твои братья находятся по другую сторону этой стены. Черт, у нас даже общая ванная. Как это будет

выглядеть, если они застукают нас вместе?

Она сияет от восторга.

— Итак, ты сделаешь это. Я так боялась просить тебя.

— Котенок, первый секс — это не пластырь, который нужно срывать. Если ты хочешь этого только потому, что считаешь, будто это правильно, то ты делаешь это по неправильной причине.

Она заправляет волосы за уши, приподнимаясь ровно настолько, чтобы я мог прекрасно видеть ее подтянутое тело. Из-за ее полной груди, выглядывающей из облегающего синего топа, мне и так было трудно сосредоточиться на фильме, а сейчас я и вовсе не могу ясно мыслить.

— У тебя больше опыта, чем у меня, и ты знаешь, что делать. Я хочу, чтобы ты лишил меня девственности, Дин. Это должен быть ты.

— Ты даже не представляешь, как сильно мне нравится это слышать, Котенок, — я просовываю руки ей под топ и прижимаю ее к своей груди. — Но я боюсь того, что произойдет, если мы пересечем эту черту.

— Я по-прежнему останусь собой, а ты по-прежнему будешь моим лучшим другом. Между нами ничего не изменится. Мы целовались и вроде как обжимались в прошлом году. Не то что бы мы раньше не были друг с другом в определенном смысле.

— Не думаю, что ты понимаешь то, что я пытаюсь сказать.

— Я понимаю, Дин, поверь мне, я понимаю. Ты заботишься обо мне и хочешь, чтобы у меня был волшебный опыт. Так и будет. Вот почему я попросила тебя.

— Не сегодня, ладно? Я серьезно говорил о том, чтобы все было спланировано заранее, — я закрываю глаза и вздыхаю, ненавидя себя.

Такер и Тео убили бы меня, если бы узнали, что я даже подумываю лишить Кэт девственности. Сложность этой ситуации приводит меня в такое противоречивое состояние. Сможет ли мое сердце пережить это? Я едва пережил прошлый год. Я так долго мечтал об этом моменте, и теперь, когда он настал, я чувствую себя недостойным ее.

Кэт прижимается своими губами к моим, заставляя меня открыть глаза на несколько секунд, прежде чем я снова закрываю их, позволяя себе раствориться в ней. Целоваться с моей лучшей подругой не должно быть так приятно. Но это так.

Я пожираю ее, мои поцелуи голодные и страстные, мы так глубоко погружаемся друг в друга, что ни один из нас не хочет выныривать, чтобы глотнуть воздуха. Чем больше я целую ее, тем сильнее чувствую, что влюбляюсь в нее, сильно и быстро, когда наши тела сливаются воедино. У меня никогда ни с кем не было такой связи.

С каждым поцелуем я становлюсь тверже, натягивая спортивные штаны до такой степени, что испытываю физическую боль от нарастающего давления. Я не хочу ее такой. Кэт приличная, в каком-то смысле, обычная девчонка. Но не сейчас, не тогда, когда она срывает с меня одежду, умоляя взять ее прямо здесь, в моей спальне.

Моя рука снова скользит под ее топ, и я становлюсь еще тверже, когда обнаруживаю, что на ней нет лифчика, что облегчает мне доступ. Массируя ее полные, упругие сиськи, я отрываю свои губы от ее и смотрю ей в глаза. Она так чертовски красива, так чиста и не похожа на тех хоккейных заек, которые набрасываются на меня в кампусе.

Я задираю ее топ еще выше, чтобы подставить кожу холодному воздуху, и ее соски твердеют под подушечкой моего большого пальца. Она шипит, прикусывая нижнюю губу, когда я нежно провожу языком по набухшему бутону.

Запуская пальцы мне в волосы, Кэт стонет мое имя, заставляя работать быстрее. Каждый стон удовольствия, срывающийся с ее губ, выводит меня из себя. Я слишком долго ждал этого момента.

Но что произойдет после того, как мы займемся сексом? Будет ли она смотреть на меня так же? Я просто тот, кто поможет ей чувствовать себя увереннее перед другими мужчинами?

Я никогда не говорю с Кэт о девушках, а она никогда не упоминает ни о каких парнях из кампуса. Она знает про девушек, но я никогда не вдаюсь в подробности, чтобы избавить ее от боли, через которую прохожу я, притворяясь, что не влюблен в нее.

Она мурлычет мое имя. Хороший Котенок.

Я прижимаю ее губы к своим и проскальзываю языком к ней в рот, разделяя и покоряя ее тело, в то время как мои руки блуждают по ее телу. Только когда я слышу, как хлопает дверь в ванной, которую я делю с Тео и Такером, я понимаю, что моя дверь, вероятно, открыта.

— Блядь, — я перебрасываю Кэт на другую сторону от себя, просто на случай, если близнецы ввалятся к нам в комнату.

Кэт одергивает топ и поправляет прическу и одежду.

— Мы были на волосок от гибели.

Я указываю на дверь ванной справа от моей спальни:

— Если бы мы зашли дальше, твои братья испортили бы тебе первый раз. Вот почему я хочу сделать это правильно. Мы можем снять номер в отеле или где-нибудь еще за пределами кампуса. Где угодно, но только не здесь.

Она переворачивается на бок, лицом ко мне, и утыкается локтем в стопку подушек позади себя:

— Спасибо тебе, Дин. Нет никого, кроме тебя, с кем бы я хотела разделить этот момент.

Я должен признаться. Кэт должна знать, что я к ней чувствую. Она начинает думать, что мы просто друзья, в то время как мы стали гораздо большим. Но я снова струсил. Каждый раз, когда я близок к тому, чтобы рассказать ей о своих чувствах, ничего не получается. Накатывает страх потерять ее, заставляя меня оцепенеть изнутри.

Будет ли когда-нибудь подходящее время сказать своей лучшей подруге, что ты в нее влюблен? Скорее всего, нет.

Третий Курс

Кэт

Из-за наших хоккейных расписаний и школьных занятий нам пришлось ждать три недели, чтобы спланировать наше сексуальное свидание. До сих пор не могу поверить, что у меня хватило наглости попросить Дина лишить меня девственности. Но это должен быть Дин. Когда я хотела задать ему этот вопрос, он сам сорвался у меня с языка, подтверждая, что я принимаю правильное решение. И все же я так чертовски нервничаю, что у меня потеют ладони.

Подъем на лифте в наш гостиничный номер был тихим и неловким. Долгие периоды молчания между нами никогда ничего не значили — до сегодняшнего дня. Даже Дин выглядел встревоженным с того момента, как мы припарковались в гараже. На самом деле, он все еще так выглядит. Знаю, что у него есть сомнения по поводу того, что секс повлияет на наши отношения. Я тоже так думаю.

У Дина возникли проблемы с карточкой-ключом от нашего номера, он несколько раз вставил его в считывающее устройство, прежде чем загорелся зеленый. Он толкает дверь, и мы заходим внутрь.

— Это конечно не «Пенинсула» (прим. сеть дорогих отелей), — говорит он, ставя наши сумки на пол, — но сойдет. Жаль, что я не могу позволить себе отель получше, что-нибудь более похожее на то, к чему ты привыкла.

Дин отработал дополнительные смены в пиццерии на территории кампуса, чтобы позволить себе этот отель. Он использовал свою мать как предлог для сверхурочных, но я знаю, что причиной была я. И я чувствую себя плохо, потому что у меня есть средства. Мне все дается так легко, в то время как Дину приходится надрывать задницу, чтобы добиться этого. Он никогда не позволяет мне платить за что-либо, просто из принципа. Мама хорошо его воспитала.

Я кладу ладони ему на грудь:

— Из нашего окна открывается вид на набережную Камдена. Место не имеет значения. Все, что меня волнует — это то, что я здесь, с тобой.

Он заправляет прядь волос мне за ухо и улыбается:

— Я рад, что ты попросила меня, а не какого-нибудь незнакомца. Ты была права насчет того, что я жалел о своем первом разе. Моим первым разом была девушка старше меня, и я едва её знал. Я бы хотел, чтобы это было с кем-то, кого я люблю. Я бы хотел, чтобы это было с тобой, Котенок.

От его слов у меня на глазах наворачиваются слезы, которые я отчаянно пытаюсь сдержать. Он вытирает их большим пальцем, прежде чем наклониться и запечатлеть поцелуй на моих губах.

Нервничая из-за того, что раздеваюсь перед Дином, я внезапно чувствую себя уязвимой. Но это приятные нервы, которые заставляют кровь течь быстрее, а сердце бешено колотиться. Его поцелуй в губы превращается в то, что он поднимает меня и прижимает спиной к стене. Я обхватываю его ногами и обвиваю руками за шею.

Пока Дин исследует мой рот своим языком, его руки блуждают, обводя каждый изгиб моего тела. От каждого поцелуя я становлюсь влажной от предвкушения, его прикосновения

заставляют мое тело дрожать от желания. Я никогда в жизни ничего так сильно не хотела.

На долю секунды я пожалела, что попросила Дина заняться со мной сексом, в основном из страха, что он мне откажет. Но, по сути, это лучшее решение, которое я когда-либо принимала. Мы делимся всем, так почему бы не нашими телами? За последние несколько лет у меня с Дином установилась связь, которую никто не сможет разорвать.

Как только наши губы разъединяются, мне становится трудно дышать. У меня гудит в голове от того, что со мной делает Дин. Между нами проскальзывает мгновение, во время которого Дин изучает мое лицо, прежде чем опустить меня обратно на землю. Он дергает за застежку моей рубашки, и я поднимаю руки, когда он стягивает ее через голову, бросая на пол позади себя.

Дин не торопится раздевать меня, и с каждым снимаемым предметом одежды он целует каждый дюйм моей кожи. К тому времени, как я обнажаюсь, мое тело горит, подпитываемое нервами и адреналином. Дин не тратит время впустую, снимая джинсы и свитер. Я пристально наблюдаю за ним, пока он стягивает боксеры с бедер. Он первый обнаженный мужчина, которого я вижу вживую.

Я делаю глубокий вдох, слишком хорошо осознавая, как его тело заставляет реагировать мое. Его точеными руками, четко очерченными плечами и массивным членом, Дин заставляет меня задыхаться и отчаянно желать того, что должно произойти.

Я прикусываю нижнюю губу, когда он встает передо мной и кладет руки мне на талию, с жадностью заглядывая в мои глаза.

— Дин, — стону я.

Он отвечает мне своими действиями. Как только наши языки соприкасаются, в глубине души я понимаю, что выбрать Дина было лучшим решением. Потерявшись в моменте, я провожу руками по его груди, пробираясь к остальной части его тела. Между нами столько страсти, подпитываемой сексуальным напряжением и жаждой друг друга.

Когда он отодвигается от меня, чтобы глотнуть воздуха, я не хочу, чтобы наши губы разлучались. Дин отодвигается от меня, запыхавшись. Переполненная эмоциями, я чувствую стеснение в груди. Я долгое время нервничала из-за этого момента. Но Дин делает все проще. Быть с ним — это правильно.

Я смотрю ему в глаза, и мой рот широко открывается, когда он протягивает руку мне между ног. Он проводит подушечкой большого пальца по моему клитору, прежде чем скользнуть пальцами внутрь моей влажности. Оставляя дорожку из поцелуев от моей шеи к груди, Дин не торопясь исследует мое тело.

Он посасывает мой сосок и прикусывает его зубами, заставляя меня стонать от удовольствия. Когда я кончаю, я хватаюсь за его плечи, чтобы удержать себя на ногах, мое тело извивается под ним. Мне требуется несколько секунд, прежде чем я снова могу функционировать.

Я наблюдаю, как Дин подносит пальцы ко рту и слизывает мои соки со своей кожи.

— Ты такая вкусная, Котенок, — говорит он с озорной ухмылкой, которая доходит до его глаз цвета джинсы. Затем он делает то, чего я меньше всего ожидаю, и подается вперед, чтобы поднять меня и заключить в свои объятия.

Дин относит меня на кровать и целует, на его губах все еще ощущается мой вкус.

— Ты такая красивая, Кэт, — говорит он. — Я так чертовски сильно тебя люблю.

Дин иногда говорит мне, что любит меня. Но, услышав это сегодня вечером, из всех вечеров, я испытываю так много эмоций в своей груди.

— Я тоже люблю тебя, Дин, — шепчу я.

Положив руку мне на спину, он опускает меня на матрас, ведя себя так, словно я вот-вот сломаюсь. Мне нравится, как Дин осторожен со мной. После того, как я увидела его вблизи, у меня появились опасения по поводу боли. Часть меня в ужасе, в то время как другая часть рада разделить это со своим лучшим другом. Надеюсь, это не разрушит нашу дружбу. Кроме моей семьи, Дин значит для меня больше, чем кто-либо другой.

Он устраивается между моих ног, и я делаю глубокий вдох, готовясь к его размерам. Увидев, как он голышом бегал по коридорам универа, я сразу поняла, что Дин хорошо одарен. Но это мой первый раз. Нервозность возвращается.

Он покрывает мягкими поцелуями мою челюсть, пробираясь к моему рту?

— Ты все еще принимаешь противозачаточные?

— Да, — бормочу я.

— Хорошо, — я чувствую улыбку на его губах.

Мы говорили об этой ночи неделями. Несмотря на свою репутацию бабника в кампусе, Дин был всего с несколькими девушками, и со всеми из них он использовал защиту. Он проводит со мной больше времени, чем с кем-либо другим. Я знаю о Дине все. И я хочу пережить свой первый раз без каких-либо барьеров между нами.

Я закрываю глаза и жду, надеясь, что будет лучше, прежде чем думаю, что станет хуже, поскольку я понятия не имею, чего ожидать.

Дин проводит большим пальцем по моей челюсти, заставляя меня открыть глаза:

— Котенок, я не буду торопиться. Я не хочу причинять тебе боль.

— Я доверяю тебе, Дин.

Он протягивает руку между нами, делая несколько поглаживаний, прежде чем провести головкой по моим складочкам, покрывая свой член моими соками. Мое тело загорается от адреналина, который бежит по моим венам.

Как только Дин входит в меня, в голове у меня становится пусто, а тело немеет от боли. Я наклоняю голову набок и закрываю глаза, но только до тех пор, пока не закончится самое сложное.

Как и обещал, Дин двигается медленно, напряжение спадает с каждым движением. Он заполняет меня полностью, заставляя кричать. Я впиваюсь ногтями в его плечи и прикусываю нижнюю губу, мое тело покалывает от всех точек удовольствия, которые Дин одновременно затрагивает.

— Ты в порядке, Котенок? — он замирает, ожидая моего ответа.

— Лучше не бывает, — хриплю я. — Продолжай двигаться.

Он ускоряет темп, мои стоны переходят в крики. По-прежнему нежный, он стал чуть грубее, чем раньше, но я призываю его продолжать. Когда мое тело расслабляется, двигаясь в ритме вместе с его, Дин закидывает мою правую ногу себе на плечо, проникая в меня еще глубже.

Глядя на него снизу вверх, я сильнее прикусываю губу, чтобы отвлечься от боли. Мы попадаем в единый ритм, мое тело расслаблено и более подвластно ему. Он делает глубокий вдох, его грудь поднимается и опускается с каждым стоном, срывающимся с его губ. Я никогда раньше не видела его таким сосредоточенным, его глаза полны голода и решимости.

Мои мышцы напрягаются вокруг него, как раз в тот момент, когда Дин набирает темп. Я кончаю, отрываясь от реальности. Озноб пробегает прямо по моему телу, сопровождаемый волной жара, которая распространяется от моих щек к пальцам ног.

После того, как я кончаю снова, Дин падает на меня сверху. Он целует меня в губы, прежде чем перекатиться на матрас рядом со мной. Ни один из нас не может вымолвить ни слова, все еще задыхаясь. Я кладу голову ему на грудь, и Дин обнимает меня одной рукой. Как мы обычно делаем, за исключением того, что прижимаемся друг к другу в одежде.

— Как ты себя чувствуешь? — он гладит меня пальцами по волосам.

— По-другому, — шучу я.

— Надеюсь, я не сделал тебе больно.

— Я подстроилась к тебе, — признаюсь я.

Он приподнимается достаточно, чтобы обхватить мое лицо своей большой рукой:

— Как насчет того, чтобы принять душ вместе?

— Хорошая идея, — я улыбаюсь. — А еще мы можем заняться там сексом.

Он смеется:

— Уже прирастилась, да?

Я киваю:

— Угу.

Дин помогает мне подняться с кровати. Он хватается за талию, перекидывает через плечо и несет в ванную, шлепая по заднице. Я визжу от дрожи, которая пробегает по моей ноге.

Ночь только началась, и она была идеальной. Дин не соврал, когда говорил, что это будет нечто особенное. Сегодня вечером мы перешли черту. Так много чувств затуманивают мой рассудок, что мне трудно различить их.

Наш первый поцелуй был только началом. Секс был началом чего-то еще, хотя понятия не имею, как ориентироваться в новом аспекте наших отношений. И как Дин отнесется к нам утром? Делает ли это меня хоккейной зайкой? Эта мысль заставляет меня съежиться.

Дин опускает меня на пол в ванной, чтобы включить душ. Проверяет температуру рукой.

Как только руки Дина скользят по моим бедрам, а его язык проникает в мой рот, я забываю обо всех вопросах, крутящихся у меня в голове. Они больше не настолько значимы, чтобы меня волноваться по этому поводу. Потеряться в моменте с Дином — вот все, что имеет значение.

Четвертый Курс

Дин

Победа у нас в кармане. Как только моя команда вышла сегодня на лед, у меня не было ни малейших сомнений.

Сохраняя контроль над шайбой в течение последних нескольких секунд игры, я двигаюсь влево и обхожу своего соперника, переходя на их слабый фланг. Мои товарищи по команде стучат клюшками по скамейке запасных, звуки разносятся эхом издалека. Проходит мгновение, и я фиксирую свое окружение в стоп-кадре, мысленно зарисовывая картинку, чтобы я всегда мог пережить эту победу.

Десять, девять, восемь секунд.

Я уворачиваюсь от игрока справа от меня и передаю шайбу Тео, чтобы он нанес удар. Он успеваает вовремя, сигнал о взятии ворот сигнализирует о завершении игры. В очередной раз «Стрикленд Сенаторз» стали чемпионами первого дивизиона НАСС (прим. национальная ассоциация студенческого спорта) по хоккею с среди мужчин. На протяжении всего года моя команда готовится к «Замерзшей четверке» (прим. турнир, где встречаются победители четырех групп, разбитых на дивизионы), и за последние три года мы заслужили право хвастаться, которое приходит, когда мы побеждаем всех в лиге.

Я подъезжаю к своим товарищам по команде, чтобы отпраздновать очередной титул. Хлопая их по спине, я заключаю каждого игрока в объятия и наслаждаюсь этим моментом.

До окончания университета Стрикленд осталось меньше месяца, это мой последний год в качестве капитана команды, и я на шаг ближе к тому, чтобы стать профессионалом. До драфта НХЛ (прим. драфт — отбор игроков в проф. команды) осталось несколько месяцев. Несколько скаутов уже присутствовали на трибунах во время моего сегодняшнего выступления. После очередного убойного сезона они должны найти для меня место в своих списках.

Я по очереди поздравляю каждого игрока своей команды, оставляя Такера и Тео напоследок. Мы не смогли бы выигрывать несколько лет подряд без их таланта.

Такер кладет руку мне на плечо, в то время как Тео приветствует меня с другой стороны, хлопая по моему шлему.

— Мы сделали это, братан. Еще один чемпионат, — Тео одаривает меня улыбкой и вытирает пот, стекающий со лба тыльной стороной ладони.

— Этот гол от стойки войдет в книгу рекордов как один из самых охрененных в истории НАСС, — добавляет Такер.

Я качаю головой, смеясь:

— Сомневаюсь. Посмотришь, как я сделаю что-то подобное в НХЛ (прим. национальная хоккейная лига), и может тогда, люди заговорят об этом.

— Перестань быть таким скромником. Ты — явный победитель на драфте, — говорит Такер, выпуская меня из своей хватки. — Папа даже упоминал о тебе на прошлой неделе.

Его комментарий привлекает мое внимание. Теперь, когда их отец, Ник Болдуин, является комментатором «НХЛ Нетворк», у него больше информации о внутренней жизни хоккея, чем когда он был игроком. Слова Такера вызывают глупую улыбку на моих губах. Надеяться, что у тебя есть шанс попасть в НХЛ — это одно, но то, что Ник подтверждает эти

убеждения — совсем другое. А слышать подобные новости в такой день, как сегодня, становится еще приятнее.

— Здорово, — говорю я беспечно, хотя внутри весь сияю.

После того, как мне удалось повзрослеть, мне нужен перерыв. И моей маме тоже. Ей бы уже пригодился бонус за регистрацию (прим. денежная сумма, которую выплачивает компания за подписание контракта с новым игроком). Стоимость обучения в Университете Стрикленда находится на одном уровне с большинством престижных школ, но немного дешевле, чем в Лиге Плюща. Даже с моими хоккейными и академическими стипендиями проживание в Филадельфии обходится недешево. Надеюсь, скоро у меня будет достаточно денег, чтобы моя мама могла перестать работать, и нам больше никогда не пришлось иметь дело с еще одним взыскателем долгов.

Другая команда собирается в центре льда, выстраиваясь в очередь, чтобы пожать руки, и мои ребята следуют ее примеру. Я киваю в сторону игроков, и Такер с Тео становятся по бокам от меня, когда мы подъезжаем, чтобы поздравить наших соперников с хорошо сыгранной игрой. Хотя я и знал, что мы победим, было несколько розыгрышей, сделанных другой командой, которые заставили меня усомниться в третьей победе подряд. Но лишь на долю секунды.

Достаточно сложно выиграть чемпионат один раз, не говоря уже о трех годах подряд. В последний раз наша команда одерживала столько побед подряд, когда Ник Болдуин был её капитаном. Уже тогда тренер Брайант был здесь.

После того, как я жму руку последнего игрока, я подкатываюсь к скамейке запасных, где нахожу Кэт, ожидающую меня. Кэт заправляет свои светлые волосы за уши и подходит ко мне, протягивая руки, чтобы обвить их вокруг моей шеи.

Она целует меня в щеку:

— Ты сделал это, Дин. Поздравляю! Я так горжусь тобой. Сегодня ты был невероятен.

Я снимаю перчатки с рук и бросаю их на лед, чтобы большим пальцем погладить ее подбородок:

— Спасибо, Котенок. Я бы не смог этого сделать, если бы вы не подбадривали меня на трибунах.

Кэт скользит ладонями по моим рукам, отступает на шаг и пригвозждает меня к месту своими ярко-голубыми глазами, которые выделяются на фоне ее бледной кожи. — Я посылала тебе позитивные флюиды на протяжении всей игры.

Улыбка приподнимает уголки моего рта:

— Ну, я их почувствовал.

Кэт была моей опорой на протяжении многих лет. Всякий раз, когда в мой разум закрадывается сомнение, Кэт надирает ему задницу. Если я хочу выполнить несколько упражнений по катанию перед большой игрой, Кэт встречает меня на катке. То же самое касается и меня. Я бы сделал все, что угодно, ради Кэт. Она — моя единственная слабость.

Но у меня все еще есть проблема. Моя любовь к ней с годами только возросла. Она ведет себя так, как будто редкий причинно-следственный секс между нами является нормальным, когда я хочу ее всю. Я хочу, чтобы она была моей девушкой. Но скоро наши пути разойдутся. Когда университет закончится, Кэт вернется в Чикаго на работу, а я перееду в любой город, где буду играть в хоккей.

— Папа хочет пригласить всех на ужин сегодня вечером. Хочешь пойти с нами?

— Нет, я не хочу мешать семейному времяпрепровождению. Ты почти не видишь своего

отца из-за того, как часто он уезжает на работу.

— Нет, ты должен прийти, — она тянет меня за руку и трясет. — Даже Дьюк и Остин приехали, чтобы отпраздновать это событие.

Дьюк и Остин — старшие из братьев Болдуин и оба игроки НХЛ. А еще чертовски пугающие. Между Дьюком и Остином, не знаю, кто из них больше и полон большей ярости. Из них двоих Остин более приземленный, но так же чрезмерно опекает Кэт, как и Дьюк. Ее братья — причина, по которой мы не вместе. Тео и Такер убили бы меня, если бы узнали, что я занимался сексом с Кэт чаще, чем от случая к случаю.

Смеясь, я снимаю шлем:

— И это должно стать главным аргументом в твою пользу? Дьюк — самый недружелюбный человек, которого я когда-либо встречал.

Она толкает меня локтем в плечо, на ее лице широкая ухмылка «пошел ты»:

— Мои братья могут быть немного...

— Властными, — заканчиваю я за нее. — Сумасшедшими.

— Нет, глупыш, — она смеется. — Они не так уж плохи. Дьюк и Остин заставили бы большинство парней сверкать пятками, но ты не большинство парней. К тому же, папа настоял, чтобы ты поехал с нами, так как твоя мама не смогла приехать.

Как бы сильно моя мама не хотела лично посмотреть, как я играю, она не могла позволить себе эту поездку. Один только перелет обошелся бы ей почти в месячную арендную плату, не включая гостиницу и другие расходы. Я работал в пиццерии столько часов, сколько мог, между хоккеем и учебой, но денег не хватало.

Я вздыхаю от ее слов.

— Эй, я не это имела в виду, — Кэт берет меня под руку и притягивает ближе. — Если кто и должен был быть здесь, так это твоя мама. Но посмотри на это с другой стороны. Ты сможешь позволить себе возить ее на каждую игру, в которую когда-либо сыграешь, как только попадешь в НХЛ.

Прижимая ее к себе, я наклоняюсь, чтобы поцеловать ее в лоб:

— По крайней мере, у меня был один из моих талисманов на удачу.

— Иногда ты бываешь таким занудой, — она одаривает меня кривой усмешкой, которая доходит до ее глаз.

— Могло быть и хуже, — возражаю я.

— Верно, я могла бы получить Плохиша Дина, а мы оба знаем, что он мне ни капельки не нравится.

Я фыркаю:

— Я не Плохиш. Тот, кто придумал это имя — придурок, и я должен надрать ему задницу.

— Мне неприятно тебя огорчать, но ты вроде как заслужил это прозвище, Плохиш Дин, — она говорит это снова, чтобы подразнить меня.

— Просто будь благодарна, что тебе не удастся видеть его так часто.

— Слава богу, только когда ты пьян. Я бы не справилась, если бы ты был таким все время. Ты такой обидчивый, когда твое альтер-эго выходит поиграть. И тебе нравится быть слишком... обнаженным, — она оглядывает меня с ног до головы, как будто ей нравится то, что она видит, — потому что я знаю, что это так, — но ее лицо ничего не выдает.

Я прижимаю руку к сердцу, делая печальное лицо:

— Ты ранишь меня.

Кэт хихикает и тянет меня за руку, увлекая к выходу с катка:

— Ты не ранен. Перестань вести себя как ребенок и прими душ. От тебя ужасно воняет, а через час уходим в ресторан. Папа не будет тебя ждать, так что пошевеливайся.

— Ты такая властная кошечка, — шучу я, используя свое прозвище против нее.

Она, как обычно, мурлычет мне, и мы оба смеемся.

По крайней мере, одна из дорогих мне женщин была здесь, чтобы посмотреть, как я выигрываю очередной чемпионат. Кэт идет со мной до раздевалки, где мы расстаемся, обещая встретиться позже. Жаль, что я не могу присутствовать на ужине в качестве ее парня, а не лучшего друга.

Четвертый Курс

Кэт

После того, как я слишком долго провозилась со своими волосами, я отказываюсь от локонов, которые не хотят держаться на месте, и спешу вниз, в вестибюль, чтобы встретиться с Дином. Он остановился со своей командой в нескольких кварталах отсюда, в недорогом отеле. Я планировала сделать то же самое, но мой отец настоял на том, чтобы забронировать мне номер люкс в отеле «Пенинсула», что было абсолютным перебором на выходные.

Двери лифта открываются, и через несколько секунд я выхожу и вижу Дина, одетого в черные оксфорды и слаксы, которые идеально сочетаются с его смуглыми чертами лица. Даже зимой на его оливковой коже все еще остается легкий загар. Ожидая, прислонившись ладонью к стене, как будто он держит эту чертову штуку, Дин выглядит как греческий бог, со своими короткими волнистыми уложенными волосами, и мускулистым телом, доведенным до совершенства.

У моего лучшего друга нет недостатка в женщинах, которые бросаются на него — и не без оснований. Трудно не испытывать влечения к Дину. Но мне нравится, что он мой друг. Наша ситуация слишком сложна. Иногда я задаюсь вопросом, не разрушила ли я нашу дружбу, попросив его лишиться меня девственности. Но как бы то ни было, я ни о чем не жалею. Он обыграл меня в аэрохоккей, и с тех пор мы были неразлучны.

— А ты прихорошилась, — говорит мне Дин, подмигивая и как обычно самоуверенно ухмыляясь.

Он разглядывает каждый изгиб моего тела, от ног до лица, заставляя меня чувствовать себя несколько неловко в облегающем красном платье, которое подчеркивает мои светлые волосы и светлый цвет лица. Хорошо, что на мне зимнее пальто, прикрывающее наиболее открытые части моего тела.

— В кои-то веки ты выглядишь как девчонка.

Если бы он не был моим лучшим другом, мой кулак прямо сейчас врезался бы ему в челюсть. Дину сходят с рук вещи, которые я не позволяю никому другому. Это был его способ сделать мне комплимент, не делая отношения между нами слишком странными.

Я смеюсь над его глупым комментарием и качаю головой:

— Спасибо, придурок. Ты и сам не так уж плох.

Он протягивает мне руку, улыбаясь как идиот и совершенно не обращая внимания на мой выпад в его сторону:

— Готова к ужину, Котенок?

— Да, умираю с голоду, и мне не терпится увидеть своего отца и братьев. Я не видела их больше месяца.

— По крайней мере, у тебя будет с ними все лето.

Я улыбаюсь при мысли о наших ежегодных традициях в поместье Болдуин, доме моего детства недалеко от Чикаго, всего в сорока минутах езды от того места, где мы сейчас находимся.

— Папа хочет, чтобы ты приехал этим летом. Вчера вечером он спросил меня по телефону, присоединишься ли ты к нам.

— Я бы ни за что на свете это не пропустил. Где бы ты ни была, я хочу быть там, но я не могу оставить свою маму совсем одну. Ей нужно, чтобы я помог ей со счетами.

Как только я приближаюсь к нему, Дин притягивает меня к себе, прижимая к себе. Мои младшие братья любят Дина за то, как он заботится обо мне. Такер и Тео также являются причиной того, что мы никогда не развивали наши отношения дальше.

— Твоя мама тоже приглашена. Чем больше, тем веселее. У нас достаточно места для вас обоих.

— Ей бы понравилось, но сомневаюсь, что она поедет со мной, учитывая ее рабочий график.

Крепко схватив меня за руку, Дин выводит меня на улицу, холод от воздуха проникает мне под кожу. Дин проводит рукой по моей спине и рукам, чтобы согреть меня, в то время как его зубы стучат.

— Почему на тебе нет куртки?

Он пожимает плечами, подзывая нам такси:

— Не знаю. Все, о чем я мог думать — это добраться сюда вовремя, чтобы забрать тебя на ужин. Куртка была последней вещью, о которой я волновался.

Я качаю головой, хотя этот жест согревает мое сердце. Дин всегда ставит меня на первое место.

— Сейчас слишком холодно, чтобы забыть о такой простой вещи, как куртка. Ты можешь заболеть.

— Я играю в хоккей, Котенок. Для меня нет слишком холодной погоды.

— Я тоже играю, но это не значит, что мне нужно отмораживать задницу еще и за пределами катка.

— Ты должна бы привыкнуть к этому, особенно после того, как выросла в холодном климате и большую часть своей жизни путешествовала с катка на каток.

К тротуару подъезжает такси, и Дин отпускает меня, чтобы открыть дверцу и помочь мне забраться внутрь. Как только я прижимаюсь к нему, и мы направляемся в стейк-хаус, он берет мои руки в свои и потирает их друг о друга. Затем он подносит их ко рту, чтобы подышать на мою кожу, согревая ее своим прикосновением.

— А как сейчас? Лучше? — он смотрит на меня своими синими радужками, которые пронзают мою душу насквозь.

На секунду у меня перехватывает дыхание, и я понятия не имею, что сказать, потому что мне не хватает слов. Жест Дина такой интимный и любящий. В такие времена, как сейчас, я хотела бы, чтобы мы могли стать чем-то большим, чем просто друзьями.

— Э-э-э, а-га, — бормочу я. Жар, исходящий от его рта, разжигает огонь под моей кожей. Я поворачиваю голову, чтобы выглянуть в окно, отчаянно желая отвлечься от эмоций, которые Дин всколыхнул в моей груди.

Ненавижу, когда у меня возникают вспышки влечения к Дину. Из-за него трудно не испытывать к нему никаких чувств, даже если это всего лишь сексуальное напряжение. Большинство девушек спрашивают меня, как я могу оставаться с Дином друзьями, не набрасываясь на него каждый день. Это нелегко.

Мы не разговариваем по дороге в ресторан, что меня вполне устраивает. Такая дружба, как наша, не требует слов.

Дин держит мою руку на своем бедре, пока камердинеры не открывают наши двери. Я даю водителю деньги прежде, чем Дин успевает открыть свой бумажник, что, не

сомневаюсь, разозлит его. Он ненавидит, когда я за что-либо плачу, несмотря на то, что он знает, сколько денег у меня в трастовом фонде.

Я выскальзываю из машины, и Дин берет меня под руку, таща к тротуару.

— Ты должна была позволить мне заплатить, — рычит он.

— Он провез нас всего улицу. Стоило всего десять долларов. Я от этого не обеднею.

Он хмурится:

— Дело не в этом, Кэт.

Я дергаю его за руку, чтобы потащить к входной двери, и он подчиняется.

— Перестань делать из мухи слона из-за денег. Через несколько месяцев ты получишь свой бонус и достаточно денег, чтобы тебе больше никогда не пришлось о них думать.

— Будет не так уж и много денег, — говорит он, и его дыхание создает перед нами белое облачко. — Я играю в хоккей, а не в футбол или баскетбол.

— Твоей маме будет достаточно, чтобы перестать работать в закусочной, а тебе — купить машину и переехать в квартиру.

— Эй, может быть, мне нравится ездить на общественном транспорте. Ты когда-нибудь думала об этом?

— Никому не нравится ездить в автобусе с чуваком, который поздно ночью дронит на заднем сиденье. Так что даже не пытайся убедить меня, что тебе нравится возвращаться домой, когда там этот чудак, занимающий все свободное место.

— Придурок Джерри — главный атрибут в автобусе шестьдесят седьмого маршрута, — ему трудно произносить эти слова без смеха.

Я хихикаю:

— Ты такой смешной.

— Тебе было бы без меня скучно, — он понижает свой глубокий голос до более чувственного тона.

Мы заходим в ресторан, украшенный деревянными вставками, и запах стейка наполняет мои ноздри, заставляя мой желудок урчать.

— Здравствуйте, — говорю я администратору, стоящей за большим дубовым столом. — Мы ищем вечеринку Болдуин.

— Вечеринку? — Дин приподнимает бровь, глядя на меня.

— Папа снял нам комнату для ужина, — говорю я ему, не желая раздувать из мухи слона.

Я выросла с большим количеством денег, чем вообще могла представить, что с ними делать, в то время как Дин и его мать трудились всю свою жизнь. Я часто чувствую себя виноватой за то, что у меня есть так многое, в то время как у них нет. Вот почему я хотела сделать что-то особенное для них обоих, хотя Дин понятия не имеет, что я для него запланировала.

Красивая брюнетка, одетая в цветастое платье до пола, окидывает Дина оценивающим взглядом, прежде чем сделать жест, похожий на приглашение к сексу. Он игнорирует ее, как обычно делает, когда мы вместе. Дин всегда вел себя так, как будто с нами в комнате никого нет.

Администратор ведет нас наверх, в отдельную комнату, где я нахожу трех из четырех своих братьев. Такер и Тео болтают между собой в углу комнаты, склонившись над одним из своих мобильных телефонов, и смеются. Близнецы большую часть времени пропадают в своем мире, полностью отгораживаясь от нас. У них есть то, что я считаю их языком-

близнецов, потому что их внутренние шутки, как правило, ничего не значат ни для кого из нас.

Дьюк, мой старший брат, закинул ботинок на колени и пьет виски из бокала. Они с папой разделяют свою любовь к спиртному, в то время как я даже не выношу его запаха.

— Мы здесь, — объявляю я, когда мы входим в комнату.

— Чертовски вовремя, — говорит Дьюк со своим обычным хмурым видом. Он встает со стула и ставит бокал, который держал в руке, на стол. Обхватив мою голову своей большой рукой, Дьюк ослабляет хватку, которой я держалась за Дина, и заключает меня в медвежьи объятия, от которых у меня сжимаются внутренности.

— Дэнни, — говорю я, целуя его в щеку.

Он стирает помаду со своего лица, делая вид, что ему противно его прозвище: — Тебе повезло, что ты мне нравишься, Кит-Кэт.

С тех пор как мы были детьми, наш папа называл его Деннис Дьюк, в честь своего любимого киноактера Джона Уэйна. Мой папа и Дьюк вместе смотрели старые вестерны, причем Дьюк притворялся, что он в кино, воспроизводя сцены с моим отцом. Он знал каждый фильм наизусть и по сей день может дословно процитировать «Истинную выдержку». Это то, что они с папой часто делали вместе, и еще чаще после смерти нашей мамы.

У нас у всех есть особые традиции с папой. Он так мало бывал рядом из-за всех этих поездок, которые он совершал ради хоккея, что мой отец взял за правило, чтобы у каждого из нас было что-то, чего можно было бы с нетерпением ждать, когда он вернется домой.

Для Дьюка это были старые фильмы. Вместе с Остином, вторым по старшинству, они собирали крышки от бутылок и хранили коллекцию в подвале. Близнецам нравились комиксы, так что с нашим отцом они всегда занимались этим.

Поскольку я была средним ребенком и единственной девочкой, мой папа всегда относился ко мне по-другому. У нас тоже были свои традиции, хотя они и не были очень девчачьими. Я хотела научиться играть в хоккей. С моими братьями это было само собой разумеющимся, но моему отцу такая мысль даже в голову не приходила, пока я не попросила его научить меня как забрасывать шайбу.

Он понятия не имел, как воспитывать восьмилетнюю девочку, так что его это вполне устраивало. Хоккей он знал как свои пять пальцев, но менструальные циклы и макияж были для него чем-то из «Сумеречной зоны». Он даже не знал, как заплести мне косичку.

Дьюк был тем, кто разобрался, как сделать меня презентабельной для школы, и, скорее всего, все еще может заплести хотя бы половину приличной косы, хотя он никогда бы никому в этом не признался — даже мне. Остин сидел со мной каждый вечер, проверял мою домашнюю работу и готовил меня к тестам, так как он всегда был самым умным. Дьюк и Остин, с помощью персонала поместья Болдуинов, наши старшие братья растили близнецов и меня, пока папа был в разъездах со своей командой.

— Посмотрите-ка, кого Кит-Кэт привела с собой, — говорит Дьюк Дину через мое плечо, заставляя меня съежиться. — Все еще приударяешь за моей сестренкой?

— Прекрати это, — я шлепаю Дьюка по его толстой, мускулистой руке и вырываюсь из его хватки, прежде чем толкнуть его локтем в плечо. — Мы с Дином друзья.

Дьюк качает головой и опускает руки на талию, выпячивая свою массивную грудь:

— Нет, вы двое больше, чем друзья.

Я раздраженно закатываю глаза. Мы миллион раз обсуждали мою дружбу с Дином.

— И как обычно, ты ошибаешься, старший братик.

Он ухмыляется:

— У мужчин не бывает подруг-девушек.

— У этого мужчины бывает, — добавляет Дин, прерывая этот глупый разговор.

— Конечно, — Дьюк прищуривается, глядя на меня.

— Потому что мы бы надрали ему задницу, — подхватывают Тео и Такер одновременно, их голоса сливаются в один.

Дин ухмыляется им:

— Вы хотели бы надрать мне задницу.

Я хочу поблагодарить ребят за то, что они выползли из своего подпространства, чтобы положить конец этой дискуссии. Временами Такер и Тео могут вести себя скорее неуместно, чем правильно. К счастью, это был не один из тех случаев. Дьюку стоит поучиться у них и прекратить привычную великую инквизицию. Ненавижу, когда он делает это в присутствии Дина.

Отношений Дина с моими младшими братьями всегда было достаточно, чтобы удержать нас от чего-либо, что могло бы поставить под угрозу нашу дружбу. Хоккей для нас обоих на первом месте. Как и семья.

— Мои мальчики, — папа заходит в комнату, раскинув руки, чтобы обнять Тео и Такера.

Как всегда, он выглядит на миллион долларов в темно-синем костюме в тонкую полоску и коричневых брогах. Он всегда прекрасно выглядит, когда работает. В остальное время папа щеголяет в типичной футболке и спортивных штанах, которые обычно носят мои братья и Дин.

Такер и Тео подходят к папе, и он обнимает их:

— Я так горжусь вами обоими. Продолжайте в том же духе, и довольно скоро вы присоединитесь к своим братьям в лиге.

Близнецы на год младше и учатся на третьем курсе университета Стрикленда. Я всегда напоминаю им об этом факте. Дьюк играет в НХЛ пятый год, а Остин — третий.

— Кто впустил сюда этот сброд, — говорит Дьюк моему отцу с редкой улыбкой, которую он приберегает для того времени, когда он с семьей. У моего брата проблемы с гневом. С тех пор как умерла наша мама, он стал совсем другим. Никто из нас не остался прежним, но поскольку Дьюк был самым старшим и близким человеком для нашей мамы, он воспринял ее смерть тяжелее всех.

Дьюк берет со стола два бокала и протягивает один папе. Я закатываю глаза при мысли о том, как я знаю, произойдет. Еще до того, как это происходит.

— Надеюсь, ты не думаешь, что я собираюсь угощать тебя на виски, — говорит папа Дьюку, забирая бокал у него из рук.

— Я его не покупаю, я его конфискую, — говорит Дьюк, цитируя Джона Уэйна, с его акцентом и всем прочим. — И немного виски не повредит вам на ночном воздухе!

Они чокаются бокалами и откидывают головы назад от смеха.

Когда Дьюк рядом с нами, особенно с папой, это один из немногих моментов, когда он выглядит по-настоящему счастливым. В другое же время, я представляю, как он томится в своем пентхаусе, который делит с товарищами по команде в Вашингтоне, округе Колумбия. Он играет за «Кэпиталз», одну из моих наименее любимых команд. Но теперь, когда мой брат является их защитником и одним из лучших в лиге, мое уважение к ним стало больше.

После того, как мой отец заканчивает с Дьюком, он встречается со мной взглядом, приберегая меня напоследок. Он обнимает меня так крепко, что отрывает мои ноги от земли.

— Кэт, — шепчет он. — Я скучал по тебе, малышка.

— Я тоже скучала по тебе, папа, — я высвобождаюсь из его крепкой хватки. — Но думаю, ты меня раздавишь, если не отпустишь.

Он отпускает меня и кладет руки мне на плечи, удерживая на расстоянии вытянутой руки, чтобы изучить мое лицо:

— Ты так похожа на свою мать, даже больше, чем когда я видел тебя в последний раз.

У моих братьев темные волосы, как у моего отца, и карие глаза с золотыми искорками. Но я их полная противоположность, со своими светлыми волосами и голубыми глазами, я — точная копия своей матери. Когда я была ребенком, она называла меня своим близнецом.

Я улыбаюсь его комментарию:

— А где Остин?

— Он уже в пути, — папа подмигивает мне, потому что я знаю, из-за чего Остин опаздывает, хотя надеялась, что он будет здесь раньше. На самом деле, я думала, что он будет вовремя, чтобы успеть, хотя бы, к концу игры. Это было частью плана, который, по-видимому, пошел насмарку.

— Отличная игра, сынок, — говорит папа Дину. Он заключает Дина в объятия, которые, как я знаю, должно быть станут самым ярким событием в его жизни. Он любит моего папу почти так же сильно, как и я.

Дин улыбается:

— Спасибо, Ник.

— Продолжай в том же духе, и довольно скоро ты будешь зарабатывать большие деньги.

— Надеюсь на это, — Дин так восхищается моим отцом, что это даже мило.

Мой папа хлопает Дина по плечу:

— Ты голоден?

— Умираю с голоду, — говорит Дин.

— Хорошо, — папа улыбается, переводя взгляд с Дина на меня, а затем на моих братьев. — Давайте поедим.

Мы занимаем свои места за столом, папа садится во главе, а Дьюк рядом с ним. Я проскакиваю на следующий стул с другой стороны от отца, оставляя его свободным для Остина. Несмотря на то, что в детстве нам не хватало стабильности, в нашей семье всегда была своя внутренняя организация.

— Сегодня вы провели адскую игру, мальчики, — говорит папа, пристально глядя на Дина и моих братьев. — Я рад, что мы все можем собраться вместе и отпраздновать это без каких-либо помех в нашем расписании.

У Дина такое мальчишеское выражение лица, когда он рядом с моим отцом. Он был одним из игроков, на которых Дин равнялся, когда был младше, и именно из-за него он захотел стать хоккеистом.

Мой отец был одним из лучших пакмуверов (прим. игрок на которого возлагаются обязанности по перемещению шайбы) и координатор в пору своего расцвета, что принесло ему заслуженное место в «Зале хоккейной славы» и четыре победы в «Кубке Стэнли».

Пока мужчины обмениваются любезностями и обсуждают победу «Стрикленд Сенаторз» в «Замерзшей четверке», в зал входит официантка, чтобы принять наши заказы. Я

достаю сотовый из сумочки, собираясь отправить Остину текстовое сообщение, когда слышу его голос, прерывающий разговор.

— Смотрите, кого я встретил по дороге, — говорит Остин с широкой улыбкой, которая доходит до его глаз.

Эмма Кроуфорд смотрит в мою сторону, одетая в длинное платье, которое облегает ее миниатюрную фигуру, и с теплой улыбкой. Мой сюрприз наконец-то здесь. Жаль, что она не смогла посмотреть игру.

Привлеченный звуком ее певучего голоса, Дин недоверчиво оглядывается через плечо на свою мать.

— Мама, — шепчет он, вставая из-за стола.

Он практически подбегает к ней и обнимает ее одной рукой, зарываясь лицом в ее шею.

— Привет, малыш, — говорит она, проводя рукой по его спине. — Мне жаль, что я пропустила игру.

— Но... — он изо всех сил пытается подобрать нужные слова, а затем его взгляд перемещается с матери на меня. — Мы же не можем себе этого позволить. — Дин понижает голос, хотя его нетрудно расслышать в тишине, воцарившейся в комнате.

— Я ни за что не платила, милый, — она протягивает руку, чтобы коснуться его щеки, и улыбается, а он немедленно отвечает на этот жест.

Дин поворачивает голову ко мне:

— Ты это сделала?

Я киваю и выдвигаю свой стул из-за стола:

— Я хотела, чтобы твоя мама была на игре, так как это была твоя последняя игра.

— Я когда-нибудь говорил тебе, как сильно я тебя люблю, Котенок?

Я смеюсь над его словами:

— Все время.

— Видите, я же говорил. Больше, чем друзья, — говорит Дюк, и вся комната взрывается смехом.

Четвертый Курс

Дин

— Я все еще не могу поверить, что ты здесь, — говорю я маме по дороге обратно в отель, в шоке от того, что Кэт сделала это для нас. — А что насчет закуской?

— Сьюзи подменяет меня в эти выходные. Не волнуйся, детка. У нас и без этого все будет хорошо.

— А как же Гэри? Он злится, когда ты берешь отгулы. У меня есть немного денег, которые я могу тебе выслать. Мне заплатили как раз перед нашим отъездом в Чикаго.

Она проводит рукой по моей руке, чтобы заставить меня замолчать:

— Перестань волноваться, Дин. Все будет хорошо. Давай просто наслаждаться временем, которое мы проводим вместе.

— Чем ты хочешь заняться? Есть ли что-нибудь особенное, что ты хотела бы увидеть? — я смотрю на Кэт. — Куда нам отвезти мою маму?

— Парк Миллениум открыт еще несколько часов, — добавляет Кэт. — Мы можем пойти туда, если хочешь. Ты умеешь кататься на коньках, Эмма?

— А как ты думаешь, кто учил Дина? — она улыбается Кэт, прежде чем перевести взгляд на меня. — Раньше ты засовывал руку мне в карман, чтобы держаться за меня, а теперь посмотри на себя. Мой мальчик вот-вот станет хоккейной звездой.

— Скрестим пальцы, — я не хочу обнадеживать ее. До драфта НХЛ еще несколько месяцев. За это время многое может произойти.

— Это должно случиться. Я это чувствую. Материнская интуиция.

Она проработала всю свою жизнь, чтобы поддержать мои мечты, я должен получить место в профессиональной команде ради своей матери. Ей нужен отдых как для ее физического, так и для психического благополучия. Работать так много, как она, вредно для здоровья, и я безостановочно беспокоюсь о ней, пока я так далеко в университете. Моя мать — самый сильный человек, которого я знаю, и она же, причина, по которой я никогда не сдавался, даже когда были тяжелые времена, и я играл как дерьмо.

— Я немного устала от долгой поездки и от того, что сидела в аэропорту с этой пересадкой. Мне бы не помешала горячая ванна и чашка чая.

— Делай, что хочешь, мам.

— Вы остановитесь этажом ниже меня, — говорит Кэт. — В люксе есть гидромассажная ванна, которая вам понравится. Мы можем зайти на стойку регистрации и попросить, чтобы обслуживание номеров принесло вам чай. Ромашка подойдет?

— Это было бы идеально, — говорит моя мама, касаясь руки Кэт.

После того, как мы добираемся до отеля и Кэт заказывает доставку еды и напитков в номер на стойке регистрации, мы поднимаемся на лифте. «Пенинсула» официально является самым красивым местом, куда я когда-либо заходил, а комната, которую моя мать снимает на ночь, выглядит как гребаный дворец.

— Я никогда раньше не останавливалась в пятизвездочном отеле, — говорит мама Кэт, с благоговением оглядывая комнату. Даже я поражен шикарными номерами. — Спасибо. Я понятия не имею, как я когда-нибудь отблагодарю тебя за этот продуманный и щедрый подарок.

— Это не доставило мне никаких хлопот, Эмма. Не за что, — Кэт обхватывает мою маму рукой и притягивает ее к себе, улыбаясь мне.

Я одними губами говорю Кэт «спасибо», потому что понятия не имею, что еще сказать. Нет слов, чтобы передать, что я чувствую к ней прямо сейчас.

— Какой же длинный день. Я очень устала, — Мама садится на роскошный диван и проводит рукой по шелковистой ткани, откидывая голову на подушки. Она такая крошечная, что диван практически поглощает ее, когда она глубже погружается в слой декоративных подушек.

Кэт подходит к моей маме сзади и обхватывает ее плечи руками:

— Я приготовлю вам ванну, Эмма. Обслуживание номеров должно прибыть с минуты на минуту, — она указывает на кофейный столик перед моей мамой. — У вас должны быть практически все каналы, какие только могут прийти в голову, если хотите посмотреть телевизор. Заказывайте все, что пожелаете. По запросу есть несколько фильмов, которые могут вам понравиться.

Моя мама тянется за спину, чтобы коснуться руки Кэт, и одаривает ее улыбкой с закрытыми губами:

— Спасибо тебе, милая. Ты слишком добра ко мне.

Кэт трогает ее за плечо в знак признательности и делает несколько шагов назад, чтобы уйти от нас. Я следую за Кэт, когда она направляется в ванную, достойную короля. Оказавшись внутри, она встает спиной ко мне, наклоняется над мраморной ванной, чтобы пощупать воду рукой, регулируя ручки, чтобы получить нужную температуру.

— Официально — ты самый лучший друг, который только может быть у мужчины, — признаюсь я, переполненный эмоциями.

— Я рада, что ты так думаешь. Увидеть выражение лица твоей мамы и тебя стоило того, — Кэт садится на край и хлопывает по нему, жестом приглашая меня сесть рядом с ней.

Между нами проходит мгновение, и единственные звуки в комнате — это журчание воды позади нас. Я смотрю Кэт в глаза и протягиваю руку, чтобы обхватить ее лицо ладонями. Она делает глубокий вдох и закрывает глаза, когда я провожу большим пальцем по ее подбородку.

На долю секунды я думаю о том, чтобы наклониться и поцеловать ее, потому что момент кажется подходящим. Но я подавляю чувства, бурлящие внутри меня, потому что это не более чем эмоции, всплывшие на поверхность благодаря бескорыстному подарку, который она сделала моей матери и мне. *Все ложь.* Я люблю Кэт, коротко и ясно. Она должна быть моей.

— Дин, — говорит она, наконец открывая глаза. — Клянусь Богом, если ты поцелуешь меня, я ударю тебя и испорчу твое миленькое личико.

Я смеюсь:

— Я не миленький.

— Ты выглядишь как чертова модель, и ты это знаешь.

— Неважно, — я закатываю глаза, глядя на нее. — Я не миленький. Это то, что ты можешь сказать о женщине.

Она прикасается своим плечом к моему:

— Отлично, ты горячий. Так лучше?

— Ты не должна была говорить такие вещи после того, как сказала мне не целовать

тебя.

Я смотрю ей за спину, вижу, что вода поднимается слишком высоко, и встаю с края ванной. Когда я наклоняюсь над ней, чтобы выключить воду, моя рука касается ее груди.

— Дин, — шипит она.

— Это был несчастный случай, — выплевываю я в ответ. — Если бы я хотел тебя пощупать, я бы просто сделал это.

Она смеется, потому что знает, что это правда. Иногда я ничего не могу с собой поделаться. Хотя секс с Кэт и редок, бывают моменты, когда мне нужно быть с ней. Я знаю, что это чувство взаимно, даже если она пытается скрыть это от меня. Кэт слишком сильно беспокоится о своих братьях и о том, что они подумают о нас.

Я хотел бы, чтобы мы могли признаться им во всем и выложить это в открытую. *Хотя какой в этом смысл?* Через месяц мы даже не будем жить в одном городе.

Пар наполняет ванную комнату, нагревая открытое пространство.

— Мы должны дать моей маме немного побыть одной.

Кэт кивает, но ее улыбка сменяется хмурым выражением лица, что удивляет меня.

Я приподнимаю пальцем ее подбородок так, чтобы наши глаза встретились.

— Эй, что случилось?

— Мне не очень хорошо, — она отворачивается от меня и прикрывает рот рукой.

Я опускаюсь перед ней на одно колено и кладу руку ей на бедро:

— Чем я могу помочь?

— Можешь подержать мои волосы, пока меня тошнит.

Я поднимаю Кэт с края ванной, помогаю ей дойти до унитаза и поднимаю крышку.

Она опускается на пол, держась за мою ногу:

— Мне не следовало смешивать яблочный мартини с тем японским пивом, которое пил Остин. Фу, почему ты позволил мне это сделать?

— Я пытался остановить тебя. И ты выпила только одно пиво и два мартини.

Она хмыкает, склоняясь над унитазом:

— Это была плохая комбинация. Ты не захочешь на это смотреть, Дин. Может быть, отверни голову или что-нибудь такое.

Я хватаю ее за длинные светлые волосы и держу их, пока она выплескивает содержимое своего желудка. После того, как Кэт заканчивает, я протягиваю ей салфетку, чтобы вытереть рот, и сажусь на пол рядом с ней.

— Ненавижу, что тебе приходится видеть меня такой, — шепчет она.

— Ты видела меня в некоторые из моих худших моментов. Это ерунда.

Она закрывает крышку и, оттолкнувшись от пола, садится на нее верхом:

— Мне нужно почистить зубы. Ты умрешь, если я дыхну на тебя.

Мы оба смеемся над ее театральностью.

— Как насчет того, чтобы я отвел тебя обратно в твою комнату, чтобы ты могла почистить зубы?

— А это звучит как хороший план. Сначала нам нужно помочь устроиться твоей маме.

— Я тебя не заслуживаю, — признаюсь я и говорю это искренне. Девушка, которая заботится о моей матери так же сильно, как и обо мне — редкость. Я протягиваю Кэт руку, чтобы она взяла ее и помогаю ей подняться с унитаза.

— Да, знаешь, ты заслуживаешь гораздо большего, — она кладет голову мне на грудь, когда мы выходим из ванной.

После того, как мы завариваем маме чашку чая и желаем спокойной ночи, обещая вернуться утром, я поднимаюсь на лифте еще на один этаж в комнату Кэт. Люкс больше, чем у моей мамы, с еще большим количеством окон, из которых открывается вид на город, и просторной обеденной зоной. Я провожаю Кэт в спальню и поворачиваюсь к ней спиной, пока она переодевается. Даже после стольких раз, когда я видел ее обнаженной, мне все еще нравится оставлять ей немного личного пространства.

— Ладно, можешь поворачиваться. Я одета, — объявляет Кэт, и ее голос звучит намного лучше, чем внизу.

— Пора спать, — я откидываю одеяло, чтобы Кэт могла забраться в постель, и она выполняет мой приказ.

Она закидывает руки за голову и зевает, прежде чем похлопать по свободному месту рядом с собой на матрасе:

— Залезай. Мне нужно, чтобы ты пообнимался со мной.

Каждый раз, когда Кэт болеет, она просит этого. У нее есть традиции со своими братьями и папой. А я отвечаю за продолжение их ритуалов. Перед смертью мама Кэт держала ее на руках, свернувшись калачиком в постели, и пела ей перед сном. Я не умею петь, поэтому и не пою. Остин и Дьюк продолжали делать это вместо своей матери, и, как ее лучший друг, я унаследовала эту работу.

Я раздеваюсь до боксеров и опускаюсь на матрас. Кэт переворачивается на бок и кладет мою руку себе на живот, переплетая наши пальцы.

В ту секунду, когда моя голова касается подушки, я закрываю глаза и вдыхаю ванильный аромат ее кожи. Она пахнет так вкусно, что ее хочется съесть. Моя реакция на то, что я нахожусь так близко к Кэт после такой насыщенной событиями ночи, заставляет меня пожалеть о своем решении раздеться. У нас почти никогда не возникало таких проблем, хотя иногда я становился твердым рядом с Кэт, когда это чувство не было взаимным.

Быть ее другом никогда не было легко. Любой парень в кампусе ухватился бы за шанс заполучить девушку с ее красотой, умом и талантом. Но большинство парней слабаки и слишком боятся девушек, которые могут играть в хоккей и при этом надрать им задницы.

— Дин, — шепчет она.

— Да, Котенок.

— Пожалуйста, скажи, что это пульт от телевизора или что-то такое, что тыкается мне в задницу.

— Это пульт, — вру я, но смех в моем голосе выдает меня.

— Нет, это не он, идиот. Я знаю каждую твою частичку.

— Я ничего не могу с собой поделать, ясно? Время отхода ко сну — это своего рода... Просто закрой глаза и засыпай.

Она смеется:

— Если тебе нужно позаботиться об этом, я не возражаю. Иди прими душ.

— Вот почему ты моя лучшая подруга, — говорю я, смеясь ей в шею. — Я останусь, пока ты не заснешь, а потом вернусь в свой отель.

— Нет, твоя мама здесь, и я тоже. Проведи ночь со мной.

В ее словах есть смысл. Нет смысла ехать в мой дерьмовый отель только для того, чтобы вернуться утром и отвезти маму в аэропорт.

— Как пожелаешь, — шепчу я.

Вскоре мое тело приходит в норму, и я засыпаю, а Кэт храпит у меня на руках, и мне хочется, чтобы мы были больше, чем друзьями.

Четвертый Курс

Кэт

Музыка разносится по дому, вибрируя у меня под ногами. В воздухе воняет сексом и потом, тошнотворная смесь, от которой у меня сводит желудок, как будто в обычный день в этом доме недостаточно плохо пахнет. Каждый год «Стрикленд Сенаторз» устраивают вечеринку в доме, который мои братья и Дин делят со своими товарищами по команде. Они собирают всех вместе, чтобы отпраздновать окончание своего сезона, не жалея средств на это мероприятие. После очередного чемпионата атмосфера становится наэлектризованной, что делает обычную вечеринку за пределами кампуса еще более насыщенной.

Дин и близнецы собрали вокруг себя толпу, состоящую из их товарищей по команде и девушек, которые хотят получить шанс переспать с ними. Я думаю, это снова делает меня обломщицей. Я вечная обломщица, которой приходится отбивать шлюх у моих мужчин. Большую часть времени я делаю это, зная, что им нужна моя помощь. Но Такер, похоже, заинтересовался брюнеткой, повисшей у него на руке, хотя я не уверена, решила ли она, кого хочет — Такера или Тео.

Они играют в свои грязные игры близнецов, как я их называю, когда речь заходит о девочках и учебе. Трудно отличить близнецов друг от друга, если вы не знаете различий в их характерах, и они в полной мере пользуются этой ситуацией. Я все время ругаюсь на них за то, что они обманывают людей, заставляя их верить, что они — это другие они. *Идиоты*.

Окруженная стайкой хоккейных заек, хлопающих ресницами, я замечаю, как Дин наливает себе еще пива. С сегодняшнего дня он отрывается на полную катушку, чтобы наверстать упущенное во время хоккейного сезона. Дин так же строг к своим тренировкам и диете, как и я и моя семья. Но после окончания каждого сезона мы даем себе небольшой перерыв, который длится недолго, прежде чем мы возвращаемся к усердной работе.

Но моя хоккейная карьера окончена. В этом году моя команда не попала в финальный раунд женской «Замерзшей четверки», завершив мой последний сезон на менее захватывающей ноте, чем мужская хоккейная команды. В отличие от Дина и моих братьев, я должна вступить в реальный мир после окончания учебы.

Дин отрывает взгляд от толпы вокруг, и наши взгляды встречаются. Он улыбается и машет мне рукой, двигая людей вокруг себя в сторону. Девушки, которых он оттолкнул, оглядываются на меня через плечо и бросают на меня привычный злобный взгляд, который я получаю всякий раз, когда нахожусь с Дином. Наличие четырех братьев сделало меня более выносливой, когда дело доходит до общения с ехидными девчонками, поэтому я не обращаю на них внимания, проталкиваясь локтями сквозь толпу, чтобы добраться до Дина.

— Котенок, — Дин невнятно произносит слова, когда берет прядь моих волос и заправляет ее мне за ухо.

— Ты пьян в стельку, — говорю я ему.

— Это же вечеринка, — он касается дна чашки в моей руке и подносит ее к моим губам. — Пей до дна.

Я запрокидываю голову и допиваю остатки пива в пластиковом стаканчике, а затем хватаю Дина за руку:

— Мне нужно еще. Ты идешь со мной.

Направляя Дина на кухню, я смеюсь про себя, когда девушки бормочут себе под нос грубые комментарии:

— Ты им отказал, да?

— Кому? — Дин прищуривается, глядя на меня.

— Тем девушкам.

— Я даже не обращал на них внимания. Единственная девушка, которую я вижу в этом доме — это ты, Котенок.

Я улыбаюсь ему с закрытыми губами:

— Такой неженка.

Он кладет руку мне на затылок, пригибая меня к земле:

— Я не обязан быть нежным. У меня большой член, и я имею забрасывать шайбу.

Его глупый комментарий заставляет меня рассмеяться:

— Я не хочу думать о твоём члене. Перестань говорить как Плохиш Дин. Я ненавижу, когда ты становишься таким.

— Не похоже, что ты его не видела, — он поднимает брови, глядя на меня. — Могу показать еще раз, если тебе нужно освежить его в памяти.

Я закатываю глаза, глядя на него:

— Держи его у себя в штанах. Нам не нужен еще один инцидент, подобный вчерашнему.

Он хватает меня за плечо прежде, чем мы добираемся до кухни, и отводит в сторону:

— Я ничего такого не планировал, Кэт. Это ни в коем случае не значит, что наблюдение за тем, как тебя тошнит, возбудило меня. Иногда у моего члена есть собственное мнение. Мы были в постели, ты была практически голой под той рубашкой, и что ж, я мужчина.

— Ты когда-нибудь думал обо мне больше, чем как о подруге? — я выпаливаю эти слова прежде, чем успеваю остановиться. Прошлой ночью Дьюк проник ко мне в голову со своим обычным допросом о наших отношениях.

— Да. Все время, — он отворачивает от меня голову, чтобы окинуть взглядом длинный коридор справа от нас, прежде чем снова посмотреть на меня. Дин берет мое лицо в ладони и наклоняет голову так близко, что я чувствую его дыхание на своих губах. — Ты значишь для меня все.

Все мое тело оживает от его прикосновений, посылая мурашки по спине, от которых у меня поджимаются пальцы на ногах. Я не должна испытывать таких чувств к Дину, но чем ближе мы подходим к выпускному, тем больше я цепляюсь за него изо всех сил. Я не хочу, чтобы это заканчивалось. Я не хочу терять своего лучшего друга из-за того, что жизнь встала у нас на пути.

Я запускаю руку в его темные волнистые волосы и удерживаю его на месте:

— Я не могу выбросить из головы то, что сказал Дьюк прошлым вечером.

Он поглаживает мою челюсть большим пальцем, его голубые глаза прожигают во мне дыру:

— Если бы я поцеловал тебя прямо сейчас, ты бы мне позволила?

— Думаешь, это хорошая идея?

— Я немного пьян, Котенок. Моя способность обдумывать это исчезает с каждой минутой. Чего ты хочешь?

Я хочу тебя, кричит мое сердце, но мой разум предатель:

— Я больше не знаю, чего я хочу. Я боюсь, что после окончания университета между нами все будет по-другому.

— То же самое, — он отпускает мое лицо и отступает от меня на шаг. — Давай возьмем еще пива.

— Я бы не отказалась от выпивки, — бормочу я.

Он просовывает свои пальцы в мои и тащит меня на кухню. Мы натыкаемся на моих братьев и их девушек на час, которые опрокидывают по стопке водки. Брюнетка делает быстрый жест рукой в сторону парня за стойкой. Он возвращается с четырьмя рюмками и ставит их на стойку перед ними. Девушки перекрикивают музыку, перекрикивая друг друга, и я наблюдаю, как близнецы странно переглядываются, как будто хотят либо отказаться от своих партнерш, либо поменяться местами.

— Посмотри на это, — Дин указывает на близнецов, которые меняются местами, пока девушки не видят.

— Меня это всегда поражает. Как девушки не замечают, что на Такере красная рубашка поло, а на Тео темно-синяя?

— Им все равно, — говорит Дин мне на ухо. — Такие девушки приходят на вечеринки, чтобы выпить и трахнуть одного из моих товарищей по команде. Кого и где — не имеет значения.

— Потому что ты говоришь, основываясь на собственном опыте, — мой желудок переворачивается при этой мысли.

— У меня более высокие стандарты, чем у твоих братьев, — возражает он.

Мы смеемся, когда блондинка качает головой, ее волосы развеваются вокруг лица, когда она прижимается к Тео в такт песне. Она бросает взгляд на свою подругу и пожимает плечами, как будто поняла, что сделали парни, и не возражает.

— Теперь я готова выпить, — говорю я Дину.

Он поднимает руку для бармена и поднимает два пальца в воздух. Несколько секунд спустя тот двигает по стойке в нашем направлении две кружки.

— Спорим, я тебе перегоню, — подмигнув, Дин протягивает мне пиво.

— Если бы я не знала тебя лучше, я бы подумала, что ты пытаешься меня напоить.

— Тебе бы не помешала хорошая встряска, — он делает глоток из своей кружки, оставляя след пены на верхней губе.

Во мне просыпается материнский инстинкт, и я вытираю ее пальцем. Дин хватается за руку и слизывает пену с моего пальца с чувственным выражением в глазах.

— Так вот что ты имел в виду?

Он делает это нарочно, все это часть его ментального траха, чтобы заставить меня понять, что нам хорошо вместе, даже несмотря на то, что у нас нет будущего. Нам лучше быть друзьями. Но будь проклято мое тело за то, что оно так реагирует на него.

Как только он вынимает мой палец изо рта и ослабляет хватку, я отворачиваюсь от него и допиваю свое пиво. Я залпом выпиваю рюмку водки, которую бармен поставил перед Такером, и после этого выпиваю стопку Тео.

— Эй, Кит-Кэт, — говорит Тео. — Как ты думаешь, что ты творишь?

— У меня есть привилегии старшей сестры. А это значит, что я могу красть ваши напитки.

Тео качает головой, глядя на меня. Такер улыбается и заказывает по новой порции шотов для всех. В течение следующих десяти минут мы выпиваем значительное количество алкоголя. Жжение в моем горле соответствует повышению температуры в желудке.

— За еще одно звание чемпионов! — Дин поднимает свою рюмку за моих братьев,

прежде чем стукнуть своей рюмкой по моей.

Еще спустя два выпитых пива, я тяну Дина в гостиную потанцевать. С затуманенной головой и затуманенными суждениями я перестаю думать обо всем, включая свои нежелательные чувства к Дину.

Я вскидываю руки в воздух, покачивая бедрами взад-вперед в такт музыке. Дин впивается пальцами в мои бедра. Ослабшая, я кладу голову ему на плечо, чтобы отдышаться. Мы остаемся в таком положении на протяжении следующих трех песен, мой разум ускользает из сознания, пока его руки не скользят под мою рубашку и по животу. Мне нравится ощущать прикосновение Дина к своей коже. И я ненавижу себя за то, что хочу от него большего сегодня вечером.

Потираясь задом о его бедро, я не упускаю из виду реакцию, которую вызываю у Дина. Когда его рука опускается ниже, Дин кладет ее чуть ниже пояса моих джинсов, заставляя меня намочить в предвкушении. Зажатые по меньшей мере сотней человек, никто не видит, как я проталкиваю его руку дальше, приказывая продолжать. Но как много мы могли бы себе позволить со зрителями?

— Уверена, что это то, чего ты хочешь, Котенок? — Дин шепчет мне на ухо, одновременно посасывая его.

Я пьяна и возбуждена — смесь, которая плохо сочетается с Дином. Он как ходячий оргазм. Одного взгляда на него достаточно, чтобы пополнить копилку моих дамских фантазий на год. Я должна знать, существует ли между нами нечто большее. До окончания универа остался всего один месяц, и время, которое я провожу с Дином, может исчезнуть в одно мгновение. Его отправят в любой город, в которые его распределят, а я пойду по стопам своего отца и продолжу карьеру в сфере спортивного вещания.

— Я хочу тебя, Дин, — я мурлычу эти слова.

Он обнимает меня за спину и ведет через переполненную гостиную. Мы поднимаемся на два лестничных пролета, проходя мимо нескольких его товарищей по команде, и крадемся в его спальню. В конце длинного коридора мы останавливаемся перед его дверью, и Дин вставляет ключ. Оказавшись внутри, он запирает дверь и бросает ключ на комод.

Он обхватывает мое лицо ладонями, а другим проводит мозолистым большим пальцем по моей челюсти.

— Я солгал тебе, — говорит он приглушенным тоном.

— О чем ты солгал?

— О том, что произошло прошлой ночью. То, что ты сделала для меня и моей мамы, значит для меня больше, чем ты можешь себе представить. Мне трудно разделить нашу дружбу. Когда я обнимаю тебя, все, о чем я могу думать — это секс.

Я поворачиваюсь так, чтобы наши глаза встретились. Наши лица так близко, что от теплого дыхания Дина по моему телу пробегают мурашки. Не знаю, что я хочу сделать. Мы должны оставаться друзьями и продолжать жить по плану, но я должна знать, есть ли у нас что-то большее. Прежде чем я успеваю принять решение, Дин запускает пальцы в мои волосы и притягивает меня к себе.

Его мягкие губы скользят по моим.

Я обвиваю руками его шею и наклоняюсь к нему, раздвигая его губы своим языком. То, что начинается как медленный и страстный поцелуй, становится более интенсивным, когда он кладет ладони мне на затылок, чтобы углубить поцелуй. Теперь, когда мои руки на нем, я не могу устоять перед желанием исследовать каждый дюйм его подтянутого тела.

Я кладу руки ему на грудь, чтобы задрать рубашку, и провожу пальцами по его шести кубикам. Не в силах оторваться от Дина, я продолжаю идти и расстегиваю пуговицу на его джинсах. Он стонет мне в рот, когда я просовываю руку ему под боксеры.

— Плохой Котенок, — шепчет он.

Дин хватается меня за бедра, приподнимая, чтобы опустить на матрас. Он падает на меня сверху, его губы касаются моих, когда он стягивает с меня одежду. Мое тело замирает, когда он посасывает мою нижнюю губу, снова скользит языком мне в рот.

Не хочу, чтобы его руки покидали мое тело, а его язык прекращал делать то, что он делает, чтобы заставить ожить все мои нервные окончания одновременно. С каждым новым поцелуем наша дружба разлетается в клочья. Животная страсть, которой я жажду, поглощает меня. Когда его рука скользит вверх по моему бедру, жар волнами разливается по моему телу, еще больше усиливаясь, когда Дин снимает с меня джинсы.

Оставив мои трусики напоследок, он снимает мою рубашку через голову и бросает ее на пол. Дин несколько секунд смотрит на меня сверху вниз, прежде чем протянуть руку мне за спину, чтобы расстегнуть лифчик. Медленно он спускает бретельки с моих плеч, обнажая грудь.

— Котенок, — произносит он с вождением в голосе. — Ты такая чертовски красивая. Я улыбаюсь ему.

Он не теряет времени даром и наклоняется, чтобы помассировать мою грудь, не торопиво посасывает мой сосок, нежно покусывая его зубами. Крошечный бутон становится тверже с каждым движением его языка. Несмотря на голод в его глазах, Дин умело управляет моим телом, одаривая каждую частичку меня равной любовью.

— Сними это, — хнычу я, дергая его за рубашку. — Я хочу тебя обнаженным.

Он поднимает на меня взгляд и сверкает своей обычной сжигающей трусики ухмылкой, которая отдается прямо мне между бедер.

Приподнявшись ровно настолько, чтобы расстегнуть свою рубашку, Дин прижимается ко мне. Его голубые глаза пригвозждают меня к месту, обладают надо мной властью. Я хочу его каждой клеточкой своего существа.

Поцелуи с Дином не ощущались бы такими правильными, если бы этому не суждено было случиться. Может быть, нам суждено быть вместе. Может быть, мы сможем превратить нашу дружбу во что-то большее. А не только секс.

Мы разделяем глубокую связь, которую я никогда не чувствовала ни к кому другому, кроме Дина. Он понимает меня так, как я никогда не думала, что это возможно. Дин заставляет меня чувствовать, будто его мир начинается и заканчивается со мной, как будто других женщин вообще не существует.

Дин спрыгивает с кровати, чтобы сбросить джинсы и стянуть боксеры с бедер. Я задыхаюсь при виде него, длинного и твердого, и такого готового для меня. Его тело — настоящий шедевр, как будто кто-то вылепил его вручную и потратил немало времени на создание каждой его части.

Благодаря тому, что пространство освещается лишь тусклым светом с прикроватной тумбочки, обстановка идеальна. Дин забирается обратно в постель и устраивается у меня между ног. Тонкое кружево моих трусиков рвется, когда он тянет их.

— Будь аккуратнее, — предупреждаю я его. — Они мне еще понадобятся.

Он качает головой с хитрым выражением на своем красивом лице:

— Нет, не понадобятся. Я планирую держать тебя в таком положении до конца ночи.

Захваченная врасплох, я говорю:

— Тогда действуй.

Дин воспринимает это как приказ, и ткань отлетает в сторону, теперь совершенно бесполезная для меня. Я приподнимаю бедра настолько, чтобы он мог снять оставшееся кружево с моего тела. Он дышит мне в шею и своей огромной рукой раздвигает мои ноги пошире, прежде чем засунуть в меня два пальца.

— Я делаю это с тобой, Котенок. Помни об этом, когда кончишь для меня, — он подчеркивает это, как будто хочет, чтобы я остановилась и подумала о том, что мы делаем.

Я становлюсь влажной из-за моего лучшего друга. Он также единственный мужчина, с которым у меня когда-либо были сексуальные отношения.

К тому времени, как Дин опускает голову мне между ног, творя своим языком волшебство с моим телом, мой мозг перестает работать. Я стону в подушку, пахнущую его цитрусовым шампунем, провожу рукой по его волосам, в то время как мое тело сотрясается от оргазма, который разрывает меня на части.

Он выглядывает между моих ног и слизывает мои соки со своих губ и пальцев. Затем он садится и берет меня за руку, помогая мне поглаживать его член. Он накрывает мою крошечную ручку своей и смотрит на меня сверху вниз с голодом в глазах.

— Вот что ты со мной делаешь, Котенок.

Четвертый Курс

Дин

Кэт стонет, когда я помогаю ей поглаживать мой член. Я не хотел торопиться и планировал поглотить каждый дюйм ее безупречного тела, что я и сделал. Все еще не могу поверить, что Кэт хочет вывести нашу дружбу на такой уровень. Единственное, что меня беспокоит, это то, что между нами все станет странным, но тяжело думать из-за алкоголя, затуманивающего мои суждения, и ее рук на моей чувствительной коже.

Значит ли это для нее то же самое, что и для меня? Это вопрос, на который мне нужно, чтобы она ответила. Я все время говорю Кэт, что люблю ее, потому что это действительно так. Но она понятия не имеет, что я *влюблен* в нее. У меня уже много лет не было другой девушки, и все из-за Кэт. Я продолжал лелеять надежду, что она наконец увидит, что мужчина ее мечты находится прямо перед ней.

Если бы она была любой другой девушкой, я бы перегнул Кэт через стул в углу моей комнаты и оттрахал ее до потери сознания. Вместо этого я целовал ее, опуская на матрас, наши губы все еще соединенными воедино.

Она приподнимается ровно настолько, чтобы высунуть язык и провести им по кончику моего члена. Я делаю глубокий вдох и закрываю глаза, опуская руку, чтобы она могла взять контроль.

Схватив Кэт за волосы, я смотрю на нее сверху вниз, пока она берет меня всего в рот. Никогда не думал, что этот день настанет. Она хочет большего, или, по крайней мере, думаю, что именно на это она намекала. Я так близок к своему освобождению, что беру ее голову в ладони и отодвигаюсь назад, потому что предпочел бы кончить в нее.

Не обменявшись ни словом, она понимает, чего я хочу, отпускает меня и снова ложится на матрас. Расположившись над ней, я провожу своим членом по ее складочкам, и с ее губ срывается тихое мурлыканье. Тепло, разливающееся между ее ног, сводит меня с ума.

Поставив локти по обе стороны от ее головы, я наклоняюсь вперед, чтобы поцеловать ее в шею, прежде чем добраться до губ. Ее бедра выгибаются, когда она целует меня, ее рука скользит вниз по моей спине. Я не тороплюсь, стараясь не наполнить ее сразу. Стон удовольствия, а может быть, боли, заставляет ее закрыть глаза, и я напрягаюсь, не уверенный, стоит ли мне остановиться.

— Не останавливайся, Дин, — она обхватывает ногами мою спину. — Перестань думать, что сломаешь меня.

Хотя это может быть правдой, у Кэт всегда была сила сломать меня. Я теряюсь внутри нее, ожидая, пока ее тело расслабится, прежде чем ее тело начнет ритмично двигаться вместе с моим. Я закидываю ногу Кэт себе на плечо, чтобы скользнуть глубже, и она вскрикивает, мое имя срывается с ее губ шепотом.

Когда я набираю темп, она делает глубокий вдох, ее грудь поднимается и опускается с каждым стоном. Ее глаза, наконец, открываются и встречаются с моими, в них выражение чистого экстаза. Я вгоняюсь в нее сильнее, быстрее. Ее тело сотрясается в конвульсиях, хватка, которой она сжимает меня, усиливается. Она кричит так громко, что мне приходится сосредоточиться на том, чтобы не кончить раньше нее.

Она испускает последний вздох, наблюдая за мной, когда я теряю контроль. Я падаю на

нее сверху и целую в губы, прежде чем перекатиться на матрас рядом с ней. Мне требуется несколько минут, чтобы сориентироваться, прежде чем я смогу двигаться.

Неужели мы только что навсегда разрушили нашу дружбу? Каждый раз, когда мы занимаемся сексом, я задаюсь одним и тем же вопросом. Мы должны посвятить себя одному или другому. Так много неопределенности затуманивает мой мозг. Но в одном я уверен — это в моей любви к Кэт.

Она сворачивается калачиком в укромном уголке между моей рукой и плечом, кладя голову мне на грудь.

— Почему бы нам не делать это почаще? — ее дыхание поверхностное, голос низкий. — Это было... — слова Кэт застревают у нее в горле.

Я целую ее в лоб, не зная, что ответить. Мои чувства к Кэт всегда всплывают на поверхность после секса. Мне нужно время, чтобы обработать их. Также я знаю, что мы должны прекратить этот фарс. Она должна знать, что я влюблен в нее.

Кэт обводит контур моей челюсти большим пальцем, глядя на меня:

— Я люблю тебя, Дин.

Не уверен, что она имеет в виду под этими словами, но я должен сказать их в ответ, потому что я люблю ее:

— Я тоже люблю тебя, Котенок.

— Прими со мной душ, — говорит она.

У Кэт есть ночной ритуал, который она почти никогда не нарушает. Я знаю ее привычки так, как если бы они были моими собственными. Теперь я также знаю каждый изгиб ее тела и звуки, которые она издает, когда кончает.

Я целую ее в губы и шепчу:

— Я только снова тебя испачкаю.

Она одаривает меня коварной улыбкой:

— Это было частью плана.

— Мне нравится ход твоих мыслей, женщина, — я соскальзываю с кровати, жестом приглашая ее следовать за мной в ванную, которая отделяет мою комнату от комнаты близнецов.

— Как ты собираешься уходить утром?

Она хмурится, складывая руки на груди, при этом приподнимая свои упругие сиськи:

— Уже думаешь о том, чтобы избавиться от меня? Большое спасибо, придурок.

— Я не это имел в виду, и ты это знаешь, — я понижаю голос до шепота и указываю на дверь, разделяющую спальни. — Твои братья спят по другую сторону этой двери. Что мы им скажем?

Ее руки опускаются по бокам, как только она понимает, что я не имел в виду ничего плохого под своими словами:

— Я уже и раньше спала здесь. С чего бы им что-то об этом думать?

— Ты выкрикивала мое имя, Котенок. Кто-то должен был тебя услышать. Ты приходишь сюда достаточно часто, чтобы мои товарищи по команде, вероятно, узнали твой голос. И если Такер или Тео отвели тех девочек в их комнату, они тоже могли бы тебя услышать.

Она прикрывает рот рукой, румянец заливаает ее щеки, когда она медленно опускает ее, чтобы заговорить:

— Я была такой громкой?

— Эй, я не жалуясь. Но твои братья могут быть немного сбиты с толку, когда увидят,

как ты выбираешься из дома после такого представления.

Когда ее сиськи выставлены напоказ, мне трудно сосредоточиться на чем-либо, кроме ее груди, когда она кладет руки на свои узкие бедра. У меня снова встает при мысли о том, чтобы просунуть свой член между ними. Но я должен успокоиться. Теперь, когда все прояснилось, мы должны подумать о нашем следующем шаге.

— Как насчет того, чтобы принять душ и побеспокоиться о моих братьях позже? Давай не будем портить момент глупой ерундой, с которой мы сможем разобраться утром.

Она заходит в выложенный плиткой душ и поворачивает ручку, пробуя рукой воду, пока регулирует температуру. Как только я забираюсь к ней, Кэт прижимает ладонь к моей груди, толкая меня под воду. Она втирает шампунь в мои волосы и размазывает немного по щеке.

Я хватаю ее за обе руки, чтобы удержать на месте:

— О, думаешь, что ты забавная, да? — беря каплю пены со своей щеки, я оставляю полоску вдоль ее щеки, проводя пальцем вниз к соску. Крошечный бутон твердеет, когда я хорошенько его закручиваю.

— Дин, я снова становлюсь из-за тебя мокрой, и не в этом смысле, — она показывает на воду, стекающую по ее лицу, и хихикает.

Ее смех заразителен, потому что мы вдвоем стоим здесь, глядя друг на друга, смеясь над глупостью этого момента. В конце концов она откидывает голову назад, позволяя воде омыть ее. Я помогаю Кэт вымыть голову, а затем намыливаю мочалку, чтобы протереть ею ее грудь.

— Не могу поверить, что тебе потребовалось почти три года, чтобы раздеть меня, — говорит она, пристально глядя на меня. — Это, должно быть твой антирекорд.

Она произносит эти слова, чтобы подразнить меня, поэтому я даю отпор ей в ответ:

— Это потому, что я думал, что ты лесбиянка.

Мы оба смеемся, зная, что я ни на секунду не думал так о Кэт.

— Уверен, что если бы я попытался, ты была бы в моей постели на первом курсе, но я слишком сильно уважал тебя.

Она закатывает глаза:

— Приятно это знать. Я рада, что мы подождали до прошлого года. Мы, вероятно, даже не были бы друзьями, если бы переспали при первой встрече.

— Сомневаюсь.

Прижимая ладонь к стене, я позволяю воде стекать по моей спине. Кэт подходит сзади и обнимает меня. Она проводит рукой по моему животу и целует мою кожу. Я боялся, что между нами что-то будет не так. Но я доверяю ей. Я знаю, что она никогда бы не сделала ничего, что могло бы причинить мне боль, и то же самое касается меня.

Я убираю ее руки со своего живота, поворачиваясь так, чтобы мы были лицом друг к другу. Она красивая, обнаженная и насквозь мокрая. Вода стекает с ее лба и струится по лицу. Мне повезло, что Кэт была моей лучшей подругой.

Я заправляю мокрые пряди волос ей за уши, чтобы убрать их с ее лица. Она кладет руку мне на грудь, и я наклоняюсь, чтобы поцеловать ее в губы, одновременно приподнимая ее. Когда ее спина ударяется о плитку, Кэт обхватывает меня ногами за талию и упирается пятками в поясницу. Но звук чьего-то стука в дверь ванной вырывает нас из нашего наполненного похотью транса.

Когда наши лбы соприкасаются, Кэт шепчет:

— Что мы будем делать?

— Я занят, — кричу я достаточно громко, чтобы близнецы услышали.

— Поторопись там, — говорит Тео.

— Мы в полной заднице, — говорит Кэт. — Как мы собираемся объяснить им, почему мы вместе принимали душ?

— Я никому не обязан ничего объяснять, и ты тоже, — я опускаю ее на пол, теперь, когда близнецы испортили момент.

— Я выйду, а ты можешь впустить Тео. Он даже не узнает, что я была с тобой.

Мои щеки болят от того, что я так много улыбаюсь. Кэт всегда была моей сообщницей в преступлениях. По крайней мере, эта часть наших отношений осталась прежней, даже если мне нужна путеводная нить, чтобы найти путь к следующему этапу.

Четвертый Курс

Кэт

Я просыпаюсь от того, что солнце бьет мне в глаза, а в голове стучит, как отбойным молотком. Каждая косточка и мышца в моем теле болят. Мое горло горит от шотов, которые я выпила прошлой ночью, каждый вдох разжигает огонь в моем животе. Я несколько раз моргаю, чтобы прогнать сонливость из глаз, и смотрю на белые стены, которые по большей части пусты, за исключением нескольких хоккейных наград и плакатов.

Прошлой ночью я была пьян, но не настолько, чтобы не помнить, что я делала с Дином. Помнить то, что я сказала Дину. Я сказала ему, что люблю его, и это действительно так. Но как он это воспринял? Что это значит для него? Все еще лежа на боку, спиной к Дину, он обхватывает рукой мой живот, дыша мне в кожу.

Я поднимаю его руку и кладу ее на кровать, чтобы дать себе достаточно места встать и убежать в ванную. И одеться. Теперь, когда солнце освещает его лицо и идеально подтянутое тело, я подсознательно чувствую себя обнаженной рядом с ним. Он великолепен — если я вообще могу так сказать о мужчине. Ничто в нем никогда не бывает неуместным, даже во сне.

На секунду я начинаю паниковать, нервная энергия разливается по моему телу. Тео и Такер спят по другую сторону этой стены. Мои братья любят Дина. Они думают о нем как о еще одном члене клана Болдуинов. Как они отреагируют, если увидят нас вместе и в таком компрометирующем положении? *Блядь.*

И все потому, что я должна была вести себя как типичная девчонка и задаваться вопросом, каково это — быть с Дином. Снова. Мы никогда не занимаемся сексом у него дома — и на то есть веская причина. Как будто я думала, что этого последнего усилия перед выпуском будет достаточно, чтобы удержать его в моей жизни. Правда в том, что Дин не может контролировать, где он будет жить, как только его задрафтуют в НХЛ, а дома, в Чикаго, меня ждет работа. Итак, почему я вообще решила, что это и есть решение? Во всяком случае, я могла еще больше разрушить нашу дружбу из-за любопытства, может быть, даже из страха.

— Возвращайся в постель, Котенок, — голос Дина звучит более хрипло, чем обычно. Он похлопывает по месту на матрасе, где я спала, приоткрыв один глаз и уткнувшись лицом в подушку.

Я сажусь на край кровати, смотрю на него, скрестив руки на груди. Он переворачивается на спину, демонстрируя точеный пресс и свою идеальную улыбку, которые отвлекают меня. Так же как и его утренний стояк, который укрывает одеяло.

Как бы сильно я ни хотела признать, что прошлая ночь была ошибкой или что любое из наших занятий сексом были ошибкой, он делает это невозможным. В тот момент, когда Дин одаривает меня одной из своих мальчишеских улыбок, я снова таю. Я никогда не пожалею о том, что попросила его лишиться меня девственности. Но о чем я действительно сожалею, так это о том, что не довела до конца наши сексуальные чувства.

Он потирает мое бедро с соблазнительным выражением в глазах:

— Это все еще я, Котенок. Ничего не изменилось. Хорошо?

Дин всегда говорит правильные вещи, и именно в то время, когда мне нужно это

услышать. Я боялась, что он отдалится от меня после того, как мы занялись сексом в первый раз. Как ни странно, я была той самой, кто чувствовал себя по-другому. Каждый раз, когда мы становимся ближе, я отстраняюсь. И я понятия не имею почему. Секс с Дином был всем, что я когда-либо могла представить, и даже больше. Он заставляет меня каждый раз испытывать абсолютно новый опыт. Но он по-прежнему мой лучший друг.

Я улыбаюсь Дину через плечо, и он воспринимает это как сигнал к тому, чтобы обнять меня и опустить на матрас. Простыни Дина такие мягкие, что я заворачиваюсь в них и прижимаюсь к нему, как и всегда. Эта часть наших отношений ничем не отличается от прежней.

Я поворачиваюсь к нему лицом, кутаясь в одеяла:

— Утречко.

Дин прислоняется спиной к деревянной спинке кровати:

— Доброе утро, красавица, — он убирает волосы с моего лица и заправляет их мне за ухо.

— Не хочешь позавтракать? Мы могли бы сходить в «Бобы на Брод-стрит».

— Ага, звучит заманчиво. Мне бы не помешало немного жирной пищи, чтобы впитать весь алкоголь.

— У тебя такой слабый желудок, — шутит он.

— Ничего не могу с собой поделать. Наверное, я не создана для того, чтобы заглатывать шоты, как ты.

Он садится и устраивается поудобнее, опираясь локтем о край моей подушки так, что мы делим ее. Наши глаза встречаются, и напряжение между нами разгорается, как зажженная спичка. Нам никогда не нужны были слова для общения. Но близость к Дину никогда раньше не производила на меня такого впечатления. Теперь я слишком остро ощущаю его близость и то, как мое тело реагирует на него.

Каждое его движение заставляет меня каким-то образом реагировать. Мое сердце бьется немного быстрее, когда он откидывает одеяло, подставляя мою обнаженную грудь холодному воздуху. Дин наблюдает за мной, пока я делаю глубокий вдох, который мне еще предстоит выдохнуть, и зажимает мой сосок между пальцами. Я закрываю глаза, которые он заставляет меня открыть, как только его рука опускается вниз по моему животу и между ног.

— Дин, — бормочу я.

Он тяжело дышит мне в ухо, ускоряя темп, и шепчет:

— Кончи для меня, Котенок.

Я стону в ответ. У меня голова идет кругом от чистого удовольствия, которое Дин доставляет каждым движением своих пальцев. Мой оргазм прямо здесь, на грани, чтобы отправить меня за грань, когда стук в дверь заставляет Дина остановиться, а меня запаниковать.

Он убирает пальцы и спрыгивает с кровати, чтобы найти свои боксеры на полу. Он влезает в них как раз в тот момент, когда Тео снова колотит в дверь и кричит:

— Эй, придурок, ты там?

Звук голоса моего брата приводит меня в состояние полномасштабной паники. Я заворачиваюсь в простыню и соскальзываю с матраса.

Смотрю на Дина, адреналин бурлит в моем теле, и поднимаю руки:

— Что мне делать?

Он осматривает пол и в спешке поднимает мою одежду и обувь, передавая их мне

вместе с сумочкой:

— Побудь немного в ванной, — говорит он себе под нос.

Я иду в ванную с полными руками и горящим от страха телом, но обнаруживаю, что дверь заперта.

— Здесь кто-то есть, — одними губами говорю я Дину.

Он склоняет голову набок и почесывает челюсть, как будто обдумывая наш следующий шаг. Еще один стук в дверь заставляет нас обоих подпрыгнуть.

— Я знаю, что ты там, Дин, — говорит Тео. — Открывай.

Неуверенный в том, что делать, Дин указывает на шкаф и кивком головы показывает мне залезать. Как будто эта ситуация и без того не достаточно неловкая, мне приходится прятаться в гребаном шкафу, который, вероятно, воняет потом. Что ж, зная Дина, это не так уж плохо, поскольку он помешан на чистоте. И все же вся эта ситуация нелепа.

Больше не раздумывая, я спешу через комнату и открываю дверь в шкаф. *Какой у меня выбор?* После вчерашней ночи у меня легкая паранойя по поводу того, что кто-нибудь увидит меня в комнате Дина. В кампусе уже итак достаточно людей, которые говорят о наших отношениях. Слухи о том, что мы занимаемся сексом — это осложнение, которое нам не нужно, особенно когда на мне и без того достаточно внимания из-за моей знаменитой семьи. Все взгляды всегда прикованы к Болдуинам. Люди следят за нами, как ястребы, надеясь раздобыть на нас какой-нибудь компромат, который они смогут продать средствам массовой информации.

Мне достаточно места, чтобы нырнуть под одежду Дина и сесть на пол. Делить пространство с хоккейной сумкой «Бауэр» (прим. популярная фирма разных сумок и чехлов для хоккейной экипировки), которая воняет как раздевалка, было не тем, о чем я думала, когда набросилась на Дина прошлой ночью. Я надеялась на что-нибудь более романтическое. Завтрак, который он мне обещал, был бы хорошим началом.

— Самое, блядь, время, — говорит Тео, врываясь в комнату Дина. — Ты один? Похоже, он сбит с толку.

— А что случилось с хоккейной зайкой, которую ты трахал? Прошлой ночью она задала жару моей девочке.

О. Боже. Мой. Я могу умереть в этом шкафу от стыда. Кто бы мог подумать, мой брат, слышал, как я занималась сексом с Дином. А Тео был в соседней комнате с девушкой, которая пыталась превзойти меня? *Мерзость.*

— Я вышвырнул ее задницу несколько часов назад, — говорит Дин своим обычным самоуверенным тоном.

Фу, я ненавижу, когда он ведет себя как Плохиш Дин. В то время как его голос чертовски сексуален и звучит музыкой для моих ушей, его слова поражают меня, как удар под дых. *Он что, вышвырнул меня?* Думаю, можно и так сказать. *Но разве он поступил бы так со мной?* Нет. Я так не думаю. *Поступил бы?* Я стала для него больше, чем просто лучшей подругой. Теперь я один из хоккейных заек Дина. *Дерьмо.*

Дин не такой, как мои братья. Он не трахается с каждой девушкой, которая одаривает его улыбкой и парой красивых сисек. В отличие от близнецов, у него есть стандарты, что странно для такого красивого человека, как Дин.

Я знаю Дина лучше, чем кто-либо другой, и из-за этого я доверяю ему. У него нет причин лгать мне. Я знаю его привычки, что он ненавидит, со сколькими девушками он был, и почти все подробности его жизни. Теперь я ничем не отличаюсь от зайки, свернувшейся

калачиком на полу с его ебанной хоккейной сумкой.

Проходит еще десять минут, пока Дин и Тео обсуждают мои стоны порнозвезды и то, что их девушки делали с ними в постели, у меня сводит живот от их разговора. Хотя я знаю, что Дин играет роль, якобы я была какой-то случайной хоккейной шлюшкой, мне хочется наблевать ему в кроссовки только за то, что он так говорит обо мне.

Какой мудака.

Дверь за Тео захлопывается, и несколько секунд спустя Дин подходит, чтобы помочь мне подняться с пола. Он обхватывает меня рукой за спину, притягивая к своей груди. Я не осознавала, что плачу, пока Дин не вытер слезы с моих щек большими пальцами.

— Мне жаль, Котенок. Пожалуйста, не плачь. Мне пришлось солгать и вести себя так, будто ты была какой-то случайной девушкой, с которой я познакомился на вечеринке.

— Вот почему мы никогда этого не делали, Дин, — выдыхаю я между всхлипываниями. — Мы даже не можем быть вместе в традиционном смысле этого слова. Я должна тайком встречаться с тобой, пока мы не закончим универ? Мне пришлось прятаться в чертовом шкафу, пока ты с Тео говорил обо мне, как будто я была порнозвездой, с которой ты проводил кастинг прошлой ночью.

— Ну ты была громкой, детка, — уголки его рта приподнимаются в злой усмешке. — Если у тебя не выйдет со спортивным вещанием...

— Даже не смей заканчивать свою тупую мысль, — говорю я, прерывая ход его мыслей. — Сейчас не время для шуток.

Начав с моего лба, он запечатлевает поцелуй на моей коже, спускаясь к щекам. Он поцелуями стирает мои слезы вместе с моим гневом. Я растворяюсь в нем, наши тела сливаются воедино, когда он скользит вниз по моей челюсти к губам.

— Прости меня, Котенок, — шепчет он между поцелуями. — Я не знал, что еще сделать.

Как только его язык вторгается в мой рот, я теряюсь в нем, почти забывая о ярости, которая бурлила во мне всего несколько минут назад. Но между этими поцелуями на меня наступает реальность. Мне все еще предстоит пройти свой путь позора из этого дома.

Как, черт возьми, я выберусь отсюда так, чтобы Тео и Такер меня не увидели? Они никогда не поверят, что я была в одной комнате с Дином и хоккейной зайкой. К тому же, они знают, что Дин никогда бы не подверг меня чему-то настолько ужасному.

Если близнецы увидят, как я выбираюсь из этой комнаты, после всего, что Дин только что сказал Тео, не сомневаюсь, что начнется драка. Которую мне придется разнимать. Я не могу стать причиной того, что Дин потеряет своих самых близких друзей. У него так мало людей, которым он может доверять.

Как только наши губы разнимаются, я хочу большего, хотя и знаю, что мы должны остановиться.

— Помоги мне выбраться отсюда.

— А как насчет завтрака?

— Ты правда думаешь, что мы можем выйти отсюда, поздороваться с Тео и Такером после всего, что ты наговорил обо мне?

— Я говорил это не о тебе. Я бы никогда не стал говорить о тебе как о хоккейной шлюхе.

— Ну, ты это сделал. Но дело не в этом, Дин.

— Тебя волнует, что Такер и Тео думают о нас? — он обхватывает мое лицо ладонями,

пригвождая меня к месту своими синими глазами. — Ты мой лучший друг, Котенок. Нет ничего плохого в том, что мы вместе.

— Когда ты говоришь «вместе», что это значит для тебя? Как будто начнём ходить на свидания?

Он пожимает плечами.

— Вот о чем я и говорю. Мы даже не знаем, что это значит для нас. Я не собираюсь идти и говорить своим братьям, что мы вместе.

— Ты значишь для меня все, — он проводит мозолистым большим пальцем по моей челюсти, отчего у меня перехватывает дыхание. — Ты уже должна была это понять.

— Но это не значит, что ты хочешь быть со мной, «сердечки, цветочки и прочее романтическое дерьмо».

— Я не из категории «сердечки и цветочка», — он открывает рот, как будто собирается заговорить, и колеблется. — Но я мог бы сделать это для тебя. Если это то, чего ты хочешь.

— Я не знаю, чего я хочу, Дин. Как обычно, ты пиздец как меня путаешь.

Он отворачивается от меня, медленно отпуская хватку на моем лице:

— Мы должны придумать способ незаметно вывести тебя через заднюю дверь.

Внезапная перемена в его поведении пугает меня.

Что я только что наделала?

Я сказала ему правду, и это имело неприятные последствия. Сейчас все усложнилось, даже больше, чем я когда-либо думала. Я хотела бы повернуть время вспять и не дать себе разрушить нашу дружбу.

Четвертый Курс

Дин

Кэт вела себя странно последние две недели. С тех пор как мы снова занялись сексом, все изменилось. Что-то в ней было не так. В прошлом она никогда не была такой эмоциональной. Я всегда был тем, кто больше вкладывался в наши отношения. Теперь она ведет себя как девушка, у которой разбито сердце. Но это у меня разбитое сердце.

Сначала Кэт перестала встречаться со мной в «Бобы на Брод-Стрит», чтобы выпить кофе перед занятиями. Потом у нее появились оправдания, почему она не могла прийти в ЦСД поиграть в аэрохоккей со своими братьями и со мной. Как будто она дистанцировалась от всех. Кэт должна знать меня достаточно хорошо, чтобы понимать, что я всего лишь даю ей пространство.

Это не навсегда. Я не позволю Кэт уйти от меня. Секс всегда все усложняет, вот почему я так придирчив, когда дело касается девушек. Кэт тоже это знает. Она знает обо мне все. Я бы не переспал с ней, если бы думал, что это разрушит нашу дружбу и все шансы на то, что мы когда-нибудь будем вместе. Теперь я не знаю, что делать. Мне нужно, чтобы она вернулась в мою жизнь.

В сопровождении Тео и Такера я прохожу мимо библиотеки, надеясь увидеть Кэт. У нее занятия через дорогу, на втором этаже бизнес центра. Сейчас у нее заканчиваются занятия, и я привел ее братьев в качестве тяжелой артиллерии. Даже если она злится на меня, она не прогонит близнецов. Ненавижу, что мне приходится использовать их, чтобы добраться до Кэт, но она не оставила мне выбора.

Тео плюхается на бетонный выступ перед библиотекой. Такер и я следуем его примеру.

— Что в последнее время творится с задницей Кэт? — говорит Такер, откручивая крышку с бутылки «Гаторейда», которую держит в руке. — Я начинаю чувствовать себя сталкером.

— Это все Дин виноват, — говорит Тео.

— Нет, это не так, — выплевываю я в ответ, защищаясь. — В отличие от вас, придурков, Кэт готовится к выпускным экзаменам.

Тео машет рукой, не воспринимая меня всерьез:

— Тебе легко говорить. Ты хорош в учебе. Это дерьмо получается у тебя само собой.

— Мне все еще приходится учиться.

— Да, но ты такой же умник, как и Кэт, — говорит Такер. — Вот почему вы двое так хорошо ладите. Она всегда говорит: Дин такой умный, Дин такой забавный, и бла-бла-бла.

Я закатываю глаза, глядя на Такера:

— Ты говоришь так, будто Кэт влюблена в меня.

Тео ухмыляется мне:

— А вот о Бекке она так не говорит.

— С чего бы это?

— Просто говорю.

Мы ждем несколько минут в тишине, что является долгожданным облегчением после очередного неловкого разговора с близнецами о Кэт. Несмотря на мою дружбу с ее братьями, я не могу сказать им, что мы переспали. Это было бы поводом для драки, и я

заслужил бы любой пинок под зад, который получил бы от них.

Не то чтобы они бы победили, но у них, по крайней мере, было бы право нанести мне несколько ударов, учитывая, что я предал их доверие. Мои отношения с близнецами все усложняют. Если бы они были моими товарищами по команде и никем больше, мне было бы легче открыться им. Вместо этого я должен держать всю боль и вину, которые я испытываю из-за потери Кэт, внутри.

Одним быстрым движением Такер запрыгивает на выступ и подносит пальцы ко рту, чтобы свистнуть:

— Эй, Кит-Кэт, иди сюда.

Мой взгляд перемещается с Такера на другую сторону улицы, где я нахожу Кэт с Беккой и несколькими ее однокурсницами. Она заправляет свои светлые волосы за уши, а затем подносит руку ко лбу, чтобы заслонить глаза от солнца. Все, чем она удостаивает нас — это небольшой взмах руки, на который мы отвечаем, разочарование оказывает эффект домино на всех нас.

— В чем, блядь, ее проблема? — Тео соскальзывает с выступа. Не говоря больше ни слова, он переходит улицу и бежит к Кэт.

Конечно, Такер спрыгивает вниз и следует за ним, не оставляя мне другого выбора, кроме как присоединиться к ним. К тому времени, как я подхожу к группе, Тео уже болтает с Кэт и Беккой.

— Пойдем с нами в ЦСД, — говорит Тео, дергая Кэт за руку. — Мы зависаем там сегодня с несколькими парнями.

— Мне нужно учиться, — бормочет она.

— Всего на час или два, а потом сможешь вернуться к зубрежке, — говорит Такер, надеясь, что она придет хотя бы на этот раз.

Кэт смотрит на меня из-под светлых бровей, ее голубые глаза прожигают во мне дыру. Она великолепна, на ее лице нет ни единого следа от макияжа, а кожа естественно сияет. Почему я должен был все испортить? Почему я не мог сказать, что я чувствовал? Это могло бы все изменить.

Наш эксперимент дал обратный результат, послужив не более чем доказательством того, что я никогда не буду нравиться Кэт больше, чем как друг. Это чувство было всегда, только теперь оно умножилось. У меня щемит в груди от печали в ее глазах. Она сожалеет о том, что мы сделали. Я уже знал это, когда она начала отдаляться от меня. Не то чтобы мы не занимались сексом раньше, несколько раз. Так что изменилось?

Я отодвигаю Тео в сторону и оттаскиваю Кэт подальше от группы:

— Мы можем поговорить?

Она делает глубокий вдох и выдыхает, отводя от меня взгляд. Едва заметная улыбка трогает ее губы, которую она дарит своим братьям. Как только наши глаза снова встречаются, она говорит:

— Мне нужно подготовиться к завтрашнему экзамену.

— Котенок, ну давай, — я крепче сжимаю ее руку, потому что боюсь, что если отпущу, то потеряю ее навсегда. — Пожалуйста, не делай этого.

— Я ничего не делаю, Дин. Я должна сдать свои экзамены. В отличие от тебя, меня не ждет профессиональная хоккейная карьера. Я должна зарабатывать на жизнь, и если хочу пройти стажировку, я должна поддерживать свои оценки на высоком уровне.

— Ты лучшая на нашем курсе. Вероятность того, что ты провалишь выпускной экзамен, примерно так же мала, как у «Флайерз» на выигрыш Кубка Стэнли.

Она смеется над моим комментарием:

— Ты обязательно должен был приплести сюда хоккей.

Я пожимаю плечами:

— А почему нет? Мне показалось, что подходит.

Склонив голову набок, она придает своему прекрасному лицу сексуальное выражение, которое напоминает мне о той ночи, когда мы были вместе. Я так сильно скучаю по ней, что у меня болит живот от вонзающегося в него ножа. Жить без Кэт было ужасно. Она — весь мой мир. Я просто не осознавал этого до тех пор, пока она больше не стала его частью.

— Пожалуйста, Котенок, — умоляю я, сжимая ее руку. — Пойдем с нами на один час. Я скучал по тебе. Твои братья тоже по тебе скучали.

— Ладно. Один час, а потом мне нужно возвращаться к учебе.

Я так чертовски сильно хочу поцеловать ее. Но я напоминаю себе, что Такер и Тео наблюдают за нами, вместе с Беккой, и уверен, что кто бы ни проходил мимо нас тоже смотрят.

— Я лично провожу тебя обратно в общежитие через час.

Один час — это все, что мне нужно, но этого никогда не будет достаточно.

Тридцать минут спустя Кэт с Тео участвуют в турнире по аэрохоккею. При равном счете 6:6 выигрывает тот, кто забьет следующий. Одна вещь, которую я узнал о Болдуинах за эти годы — это их соревновательный характер. Никто из них не может смириться с поражением, но, по крайней мере, Кэт относится к этому немного более грациозно, чем ее братья.

Когда Тео отбивает шайбу справа от руки Кэт в ее ворота, он бросает свой бит на стол, привлекая внимание всех вокруг нас. Болдуины так же любят показушничать. Как и их отец, все они чрезвычайно талантливы. И они не возражают ткнуть тебя этим в лицо.

Тео вскидывает руки в воздух и делает глупое лицо, глядя на Кэт:

— Вот как это делается, Кит-Кэт.

Она закатывает глаза, глядя на Тео:

— Я позволила тебе победить. Я почувствовал себя плохо после того, как три раза подряд забила по твоим воротам.

— Ага, точно. Я победил, все по честному.

Зная Кэт, она, вероятно, позволила ему победить. Из всех ребят, окружающих нас, Кэт — одна из лучших в аэрохоккее. Она выросла, играя в него с Остином и Дьюком, задолго до того, как научилась играть в хоккей на льду. Нет ничего, в чем Кэт не была бы хороша, особенно когда дело касается спорта.

Я протягиваю Кэт руку, и она без боя берет ее. Доставить ее в ЦСД было нелегкой задачей. Не думал, что она когда-либо отпустит то, что ее так расстроило. Не то чтобы я сделал что-то не так. Я бы никогда не причинил ей вреда, по крайней мере, намеренно.

— Мне нужно попить. Давай прогуляемся до кафетерия.

Она бросает взгляд на часы, чтобы проверить время.

— У нас есть еще тридцать минут, — говорю я, вытаскивая ее из комнаты. — Я даже поставил будильник на телефоне, чтобы успеть отвезти тебя обратно вовремя.

— Ты серьезно относишься к этому обещанию, да?

— Я человек слова.

— Так и есть, — бормочет она.

— Мне все еще нужно поговорить с тобой, Котенок.

— Мы можем сделать это позже? Я хорошо провожу время. Давай не будем все портить.

Сбитый с толку, я качаю головой:

— Портить что? Я просто хочу поговорить с тобой.

— Я знаю, что ты собираешься сказать.

— Если только у тебя не развилась способность читать мысли за те две недели, что ты меня игнорировал, тогда я сомневаюсь, что ты знаешь, что я хочу сказать.

— Две недели назад. Это было ошибкой. Мне не следовало просить тебя... — ее голос затихает, слова застревают у нее в горле.

— Я хотел быть с тобой, Кэт. Я не жалею ни о чем из того, что мы сделали.

Она прищуривает глаза, глядя на меня:

— Нет?

— Нет, вовсе нет. О чем я сожалею, так это о том, что потерял тебя из-за секса. Ты знаешь меня лучше, чем кто-либо другой. Я не хожу по кампусу и не трахаю любую девушку, которая заговорит со мной.

— Главное не позволяй никому услышать, как ты это говоришь. Это может подорвать твою репутацию, — она смеется.

— Пусть люди думают, что хотят. Мне все равно, что они говорят обо мне за моей спиной. Единственное мнение, которое меня волнует — это твое.

Как только мы добираемся до кафетерия, я беру несколько стаканов из подставок и протягиваю одну Кэт.

— Не уверена, что и сказать, Дин. Я отношусь к тебе по-другому, и я понятия не имею, как ко всему этому относиться.

Она наполняет свой стакан всеми видами газировки, которые у них есть на разлив.

— Отвратительно, — говорю я ей, по очереди наливая три колы близнецам и себе. — Почему ты не можешь выбрать одну марку газировки, как нормальный человек?

— Потому что я никогда не могу принять решение, — она поворачивается со стаканом в руке и делает глоток через соломинку. — Может быть, тебе бы понравилось. Ты не узнаешь наверняка, пока не попробуешь.

— Я не знал, как сильно ты мне понравишься, пока мы не попробовали.

Румянец поднимается по ее шее и щекам.

— Дин, — шепчет она, когда я провожу кончиками пальцев по ее руке и придвигаюсь ближе, — мы заканчиваем универ через две недели. Уже слишком поздно.

— Нам следовало поговорить об этом раньше, Котенок. Пожалуйста, не отгораживайся от меня. Я не какой-то случайный парень, которого ты подцепила на вечеринке.

— Вот что я тебе скажу, — говорит она, наши лица всего в нескольких дюймах друг от друга, — Если мы окажемся в одном городе после драфта НХЛ, тогда посмотрим, что произойдет. Я выросла с отцом, который путешествовал из города в город и никогда не был дома. Я не могу справиться с постоянным разочарованием, которое будет возникать из-за того, что тебя никогда не будет рядом.

— Мы даже не знаем, выберут ли меня. Хорошие ли у меня шансы? Да, конечно, я это знаю. Но на это нет никакой гарантии.

— Это определенно, Дин. Мой папа сказал, что тебя ни за что не оставят. Есть несколько команд, которые хотят тебя к себе. Ты можешь оказаться где угодно.

— У нас все еще есть лето, проведенное вместе.

— Нет, его нет. Ты должен вернуться домой, чтобы помочь своей маме, а меня ждет стажировка.

Когда очередь к автоматам с газировкой становится длиннее, я ставлю стаканчики в тележку и тяну Кэт к кассе. Она берет с прилавка несколько пакетов с закусками и пирожными и добавляет их к нашему заказу.

— Мы все еще можем быть друзьями, Котенок. Не позволяй сексу изменить нашу дружбу. Ты нужна мне в моей жизни.

— Ты тоже мне нужен, — шепчет она на выдохе. — Но я хочу тебя по-другому, так, как никогда не хотела раньше. Я не вынесу смотреть на тебя с другими девушка. В этом плане наши отношения изменились.

— Тогда я даже не заговорю с другой девушкой, — я отдаю кассиру деньги за нашу газировку, все еще не сводя глаз с Кэт. — Проблема решена.

Улыбка приподнимает уголки ее рта:

— Ты милый.

— А ты прекрасна. Я так сильно скучал по тебе, Котенок. Меня не волнует, даже если мне придется соблюдать целибат до конца своей жизни, если это означает, что ты можешь быть в моей жизни. Мы можем снова стать друзьями.

— Я не заслуживаю тебя, Дин, — она наклоняется ко мне, и я обнимаю ее за спину, удерживая газировку в другой руке.

Я наклоняюсь, чтобы поцеловать ее в лоб:

— Ты заслуживаешь лучшего, чем я.

— Перестань так говорить, Дин, — она смотрит на меня с грустью в глазах. — Ты невероятен. Я бы не стала с тобой дружить, если бы ты не был достоин моего времени.

— Ты дочь кумира моего детства. Сомневаюсь, что когда-нибудь почувствую себя достойным тебя, Котенок, но я бы провел остаток всей своей жизни, пытаясь быть тем мужчиной, который тебе нужен.

— Мой отец не имеет никакого отношения к нашей дружбе.

— Вроде как имеет. Если бы кто-то не сказал мне, что дочь Ника Болдуина играет в женской хоккейной команде, я бы никогда с тобой не познакомился, ведь я должен был увидеть, как ты играешь.

— И...

— Ты меня не разочаровала. Я бы узнал этот удар где угодно.

Она смеется:

— Это одна из немногих вещей, которые я унаследовала от своего отца. Чертовски уверена, что не унаследовал его внешность.

— И это хорошая новость, — говорю я с улыбкой.

Она толкает меня локтем в плечо:

— Я тоже скучал по тебе, Дин. Прости меня за то, что я была стервой.

— Не беспокойся об этом. Я прощаю тебя, Котенок.

Как только мы возвращаемся в комнату отдыха, все вокруг гудит от последнего турнира по аэрохоккею. Как обычно, Тео и Такер приковывают к себе внимание всех окружающих. Болдуины обладают природным магнетизмом, который притягивает к ним людей, точно так же, как Кэт привлекла меня к себе много лет назад.

Наблюдение за ней на льду произвело на меня странное впечатление. Сначала она меня

привлекла, потому что, ну какой мужчина не захотел бы Кэт? Затем наши отношения перешли в нечто большее, чем я когда-либо мог себе представить. Никогда не думал, что буду из тех, у кого есть лучший друг, не говоря уже о подруге.

Почему я должен был влюбиться в нее?

Кэт разрывает упаковку с острыми чипсами «Фламин» и запихивает их горстью в рот. Она запивает это своей отвратительной газировкой.

— У тебя самый отвратительный вкус в еде, — говорю я ей.

— Нет, у меня превосходный вкус, — бормочет она между укусами.

Такер выходит из-за спины Кэт и сует руку в пакет с чипсами. Она смотрит на него через плечо и хмурится, забирая у него упаковку:

— Купите себе свои, — рычит она. — Разве я не могу поесть что-нибудь без того, чтобы кто-нибудь из вас это не украл?

— Кто-то не в настроении, — Тео корчит гримасу Кэт, чтобы подразнить ее, и крадет еще одну пригоршню из ее упаковки.

Прищурившись, Кэт делает глоток газировки. Между ними проходит мгновение, когда она пристально смотрит на мальчиков сверху вниз, прежде чем передать им закуску.

— Держите, братишки, — говорит Кэт с вызывающей ухмылкой.

Они благодарят ее быстрым объятием и уходят, засунув руки в чипсы.

— Ты за что-то злишься на близнецов?

Она качает головой:

— Нет, конечно, нет.

— Ну, они думают, что ты злишься на них. Я подумал, может быть, ты вымещала свой гнев на меня на своих братьях, когда не хотела разговаривать ни с кем из нас.

— Ты единственный ребенок в семье, Дин, — она поворачивается так, что мы оказываемся лицом к лицу, и смотрит мне в глаза, — представь, что рядом всегда четверо братьев, которые изводят тебя.

— Дьюк и Остин могут доставлять тебе неприятности, но они практически вырастили тебя. Они просто присматривают за тобой, и близнецы тоже.

— Да, знаю, но если есть что-то, чему я научилась за последние две недели, так это то, что я — тень своей знаменитой семьи. Мы стали друзьями благодаря моему отцу. Люди относятся ко мне по-другому из-за него и моих старших братьев. Даже в кампусе я сестра близнецов Болдуин, а не капитан женской хоккейной команды, которая привела свою команду к двум чемпионатам. И если бы мы были вместе...

— Ты была бы тенью еще одного хоккеиста, — я так смущен ее внезапной переменой в настроении. Я хочу протянуть руку и прикоснуться к ней, как обычно, но держу свои руки при себе. Последнее, что мне нужно — это чтобы она снова отвернулась от меня.

— Да, — говорит она себе под нос. — Если бы мы хотели вывести наши отношения на новый уровень, тогда я была бы девушкой Дина Кроуфорда. Не то чтобы это плохо. Ты понимаешь, что я пытаюсь сказать? Я хочу быть самой собой, а не продолжением кого-то другого.

Я никогда не переставал задумываться о том, как часто Кэт упускают из виду из-за ее семьи. Даже я совершил ту же ошибку, но это также причина, по которой мы стали друзьями.

— Помнишь тот день, когда мы встретились?

Она улыбается:

— Как я могу забыть? Ты думал, что ты такой ловелас.

Я наклоняюсь, чтобы прошептать ей на ушко:

— Это сработало, иначе тебя бы сейчас здесь со мной не было.

Она замирает на секунду и закрывает глаза:

— Ты все еще не изменился.

Я делаю шаг назад, чтобы заглянуть ей в глаза:

— Я уже не тот мужчина, которого ты встретила на первом курсе.

— Тогда ты был мальчиком, а не мужчиной, — она доедает остатки «Читос» и запивает их газировкой «Загадка». Затем выбрасывает мусор в урну в нескольких футах от нас, возвращается и проводит ладонями по моим рукам.

— Ну же, Кэт, — я убираю ее жирные руки со своей черной рубашки «Стрикленд Сенаторз», которую она покрыла оранжевыми пятнышками. — Иди и вытри руки о близнецов.

— Это единственное, что в тебе не изменилось. Ты по-прежнему помешан на чистоте.

Я пытаюсь стряхнуть крошки со своей рубашки, бросая на нее злобный взгляд: — Нет ничего плохого в том, чтобы любить чистоту и определенный порядок.

Ее лицо искажается чем-то похожим на отвращение, хотя не уверен, почему ее должно ужасать то, что я такой, какой есть. Она прикрывает рот рукой, бормочет:

— Скоро вернусь, — и уходит от меня.

Сбитый с толку, я стою секунду, гадая, что только что произошло, пока не вижу, как она открывает дверь туалета и заходит внутрь. Я следую за ней, собираясь приоткрыть дверь, когда две блондинки, выходя, чуть не сбивают меня с ног.

— Это дамская комната, — говорит одна из них с важным видом.

— Мужской туалет вон там, — говорит другая, указывая на противоположный конец коридора от нас.

— Да, знаю. Спасибо, — я закатываю глаза, когда они проходят мимо, и прислоняюсь спиной к стене за дверью туалета. Я подумываю о том, чтобы зайти за Кэт, но вместо этого жду еще пять минут, пока она выйдет.

— Что ты здесь делаешь? — она вытирает рот салфеткой, которую держит в руке, и сморкается.

Я инстинктивно протягиваю руку и хватаю ее за бедро, оттаскивая от двери и ставя перед собой:

— Ты плакала?

— Нет, я плохо себя почувствовала. Наверное, мой желудок не любитель острых «Читос».

— Все это отвратительно, как и твоя газировка. Фруктовый пунш, Спрайт, Доктор Пеппер и Кока-кола вместе взятые вызвали бы тошноту у любого.

— Говори за себя. Так уж получилось, что мне это нравится. Но «Читос» были слишком острыми, — она достает из кармана мобильный телефон, чтобы проверить время. — Я в твоём распоряжении еще на десять минут.

Будильник, который я установил на своем телефоне, жужжит у меня в кармане. Часа с Кэт, после стольких дней разлуки, было недостаточно. Но пока придется обойтись и этим.

Я обнимаю ее за спину и веду в комнату отдыха, чтобы попрощаться с близнецами и остальными моими товарищами по команде. Тео и Такер все еще заняты своим матчем по аэрохоккею, а ребята вокруг них скандируют и подбадривают их.

— Давай просто уйдем, — говорит Кэт, подталкивая меня локтем. — Я могу поговорить с ними позже.

— Ты должна поужинать с нами сегодня вечером. Мы встречаемся со всеми в кафетерии.

— Спасибо за предложение, но после того, как меня стошнило чипсами в грязном туалете, у меня вроде как пропал аппетит. Мне все равно нужно учиться.

— Я могу зайти попозже и помочь тебе с учебой. Если хочешь, — на данный момент я бы сделал все, что угодно, чтобы провести с Кэт еще хотя бы час или два.

— Нет, все в порядке. Я пообещала Бекке, что подготовлюсь с ней к выпускному экзамену. У нас одни и те же занятия и конспекты, так что будет проще, если мы сравним наши ответы.

Как только наши ноги касаются тротуара, мой желудок сжимается в узел. Короткой прогулки до общежития недостаточно, чтобы наверстать упущенное время.

— Знаешь, нам не обязательно усложнять все между нами, Котенок. Мы можем вернуться к тому, как все было раньше. Я чувствую, что ты ускользаешь от меня.

Она переплетает свои пальцы с моими:

— Я прямо здесь, Дин.

— Тогда почему мне кажется, что ты нарочно отталкиваешь меня? Ты никогда не позволяла экзаменам или чему-то еще встать между нами. Я помогал тебе готовиться к большинству тестов, а не Бекка.

— Ты ревнуешь меня к Бекке? Если это так, то тебе не стоит.

— Нет, — раздраженно бурчу я. — Но я хочу быть там ради тебя, а ты мне не позволяешь.

Она останавливается, как только мы доходим до библиотеки, и поворачивается ко мне лицом:

— Ты хочешь, чтобы я солгала и сказала тебе, что все осталось по-прежнему? Ты же знаешь, что это не так. Дин, ты хоть представляешь, каково мне было прятаться в твоём шкафу, пока ты разговаривал с моим братом обо мне, как о какой-то хоккейной зайке?

— Мы уже обсуждали это, Кэт. Я извинился. Что ты хотела, чтобы я сделал? Я запаниковал. Никто из нас не хотел, чтобы твои братья узнали о той ночи.

— Именно это я и хочу сказать, — бормочет она. — Если нам придется держать наши отношения в секрете, тогда мы никогда не сможем быть большим, чем друзьями, по крайней мере, на публике.

— Но все уже предполагают, что мы трахаемся за закрытыми дверями, — указываю я. — Так почему бы не доказать их правоту и не делать это?

Она хмурится:

— Потому что я не хочу быть какой-то девчонкой, которую ты трахаешь втихушку. Я хочу быть девушкой, которой ты сможешь похвастаться перед всем миром. Я хочу быть частью твоей жизни, а не просто твоим другом.

— Что ты хочешь этим сказать? — я кладу руки ей на бедра, чтобы удержать ее на месте. — Что теперь мы даже не можем быть друзьями?

— У нас есть еще две недели до выпуска. Как думаешь, как часто мы будем видеться после него? Я уезжаю в Чикаго на стажировку. Ты вернешься домой к своей маме и в конце концов уйдешь в команду НХЛ.

— Я не приму этого, Кэт. Мы можем провести оставшееся у нас время вместе. Это не

обязательно должно быть так.

— Это к лучшему, — говорит она, глядя себе под ноги. После стольких лет дружбы она даже не может посмотреть мне в глаза, когда сообщает худшую новость, которую я когда-либо слышал. — Нет смысла настраивать себя на неудачу. Мы хотим разных вещей.

— Я хочу тебя, — признаюсь я. — Я хочу, чтобы ты была моей девушкой. Я больше всего сожалею о том, что не сказал этого раньше. Это всегда была только ты, Котенок.

Я подношу руку к ее лицу, и одинокая слезинка падает из ее глаза на мою кожу. — Если бы только это было возможно, — она говорит так тихо, что ее слова звучат несколько приглушенно. — Думаю, только время покажет.

— В смысле, что именно?

— Если по какой-то случайности ты окажешься в Чикаго, тогда у нас, возможно, будет шанс стать больше, чем друзьями.

— Я хочу, чтобы в моей жизни была только ты. Подруга или возлюбленная, для меня это не имеет значения.

— В этом-то и проблема, — говорит она. — Ты так боишься потерять меня, что тебе все равно, какие у нас отношения, но мне не все равно.

— Я сделаю все, что ты захочешь, Котенок. Пожалуйста, перестань так себя вести.

Она прижимается к моему плечу, чтобы поцеловать меня в щеку, и говорит:

— Мне жаль.

Затем она убегает по улице, оставляя мое сердце и меня самого разбитыми вдребезги. Все мое тело дрожит от тревоги, которая разливается по моим венам, адреналин подпитывает меня. Хоть я бы никогда не пожалел о том, что полюбил Кэт, я лишь жалею, что не сделал этого раньше, чтобы у нас было достаточно времени изучить другую сторону наших отношений.

Теперь уже слишком поздно. Одна ночь страсти могла стоить мне моего лучшего друга, моего Котенка.

Четвертый Курс

Кэт

Я оттолкнула Дина, и все потому, что он хочет быть больше, чем друзьями. Но я не уверена, что он видит во мне кого-то другого, кроме своей лучшей подруги. Он хочет большего только потому, что ему нужно, чтобы я вернулась в его жизнь. Он тоже мне нужен. Но я еще не выяснила, в качестве кого, и мне слишком больно думать о том, что я потеряю его после окончания учебы.

То, что я считала последней отчаянной попыткой удержать его в своей жизни, оказалось глупым планом. *Это твой шанс* — сказала я себе. В течение многих лет я задавалась вопросом, сможет ли Дин когда-нибудь связать себя со мной обязательствами и стоит ли вообще из-за этого разрушать нашу дружбу. Ответ — нет. Жаль, что я заставила нас обоих пройти через всю эту боль только для того, чтобы узнать это.

После того, как я выхожу из ванной, Бекка, моя соседка по комнате, протягивает мне бутылку воды:

— Ты уверена, что с тобой все в порядке?

Я отвинчиваю крышку и делаю глоток воды:

— Не беспокойся обо мне. У меня слабый желудок. Я к этому привыкла.

— Да, но в последнее время тебе часто плохо. Может, у тебя аллергия на глютен.

— Целиакия (*прим. болезнь, которая развивается у лиц предрасположенных к непереносимости глютена*)? Не-а, сомневаюсь, — я плюхаюсь на кровать и смотрю на Бекку, все еще чувствуя тошноту в желудке. — Это пройдет.

— Если бы это длилось несколько дней, я бы сказала, что все в порядке, но прошла по меньшей мере неделя, как ты выbleвываешь почти каждый прием пищи.

— Не могли бы ты передать мне мой учебник? — я указываю на книгу по деловой этике, которую мне нужно прочитать, если я все еще хочу получить диплом с отличием.

Бекка кладёт его на кровать рядом со мной и садится:

— Тебе нужно обратиться к врачу. Позволь мне записать тебя, а пока перестань есть так много продуктов с содержанием глютена. С тех пор как наш сезон закончился, ты съедаешь тонну углеводов.

— Я сегодня даже ничего не ела.

Она придвигается ближе ко мне и изучает мое лицо:

— Пожалуйста, сходи. Тебе нужно сдать анализы, чтобы понять, происходит ли с тобой что-то серьезное. Рвота при приеме большинства блюд не является здоровой или нормальной. У моей сестры целиакия. Это может быть болезненно и отстойно, если её не лечить.

— Все, что мне нужно сделать, это перестать есть глютен, — говорю я ей, открывая учебник у себя на коленях. — Ну вот и всё, проблема решена.

— Перестань быть такой упрямой и сходи к врачу. Тебе лучше узнать об этом сейчас, чтобы ты могла уберечь себя от болезней на всю оставшуюся жизнь.

— Спасибо, мамочка, — говорю я с улыбкой и подмигиваю.

— Эй, делай, что хочешь. Я говорю по опыту со своей сестрой. Будет только хуже, если ты не сдашь анализы.

Я беру с кровати свой телефон и набираю номер медицинского центра в кампусе. Через пять минут у меня назначена встреча на конец недели. Это достаточно удовлетворяет Бекку, чтобы мы могли вернуться к работе.

Она хватается свои книги, ручки и блокноты и разбрасывает их по полу между нашими двумя односпальными кроватями. Мы живем в одной комнате с первого курса. Университет объединил девочек из женской хоккейной команды, и с тех пор, как я попросила Бекку в соседки, а она меня, мы вместе. Она потрясающая хоккеистка и прикрывала меня с тех пор, как мы были детьми.

Я опускаю взгляд на практический тест, засунутый в мою тетрадь:

— Хорошо, так какой ответ ты получила на первый вопрос?

Она покусывает кончик ручки и смотрит на меня так, словно озадачена:

— Я не ответила на него.

Я наклоняюсь в сторону, хватаю свою подушку и бросаю ей в голову:

— Ты самый худший партнер по учебе на свете.

— Эй, — кричит Бекка, вскидывая руки в воздух. — Я не знала ответа.

— Учитывая, что это самый простой вопрос во всем тесте, это пугает.

— Ну, умница-разумница, мы все не можем быть идеальными.

Я смеюсь:

— Я далека от совершенства. Я так сильно облажалась, что даже не знаю, как это исправить.

— С Дином? — она придвигается ближе ко мне и роняет ручку в свою тетрадь. — Ты так и не сказала мне, что между вами двумя происходит. Он вел себя так же странно, как и ты.

Я пожимаю плечами и откидываюсь на кровать, опустошенная:

— Не знаю. Все очень сложно.

При мысли о нашем последнем разговоре мне снова хочется блевать. Моя вина и сожаление, вероятно, являются истинной причиной моего слабого желудка. Я никогда не могла справиться со стрессом.

— Он что-то сделал? Я могу надрать ему задницу, если хочешь.

Мы обе смеемся над ее глупостью.

— Даже не думай об этом, — предупреждаю я. — Дин ничего не сделал. Это я. Я облажалась.

— Ты сама собираешься мне рассказать, или мне придется вытягивать?

Расстроенная, я выпустила струю воздуха, сдувая волосы с лица:

— Мы переспали.

— В смысле, у тебя был секс с Дином? — ее глаза и рот расширяются от шока. — Да ладно. Вы наконец-то сделали это.

Я отворачиваюсь от нее, чтобы посмотреть в окно в дальнем углу нашей комнаты:

— Это было ошибкой.

— Серьезно? Как секс с Дином мог быть ошибкой? К настоящему времени весь универ, вероятно, видел его голым, и ты лучше меня знаешь, что он...

Я поднимаю руку, чтобы заставить ее замолчать:

— Пожалуйста, не заканчивай эту мысль. И да, он... Ну, он же Дин. Мы можем оставить эту тему?

Она дергает меня за плечо, заставляя посмотреть ей в глаза:

— Не могла бы ты, по крайней мере, сообщить мне некоторые подробности? Ох, секс с Динном Кроуфордом, должно быть, стоит на первом месте в списке желаний большинства девушек в этом кампусе.

— Ну я могу вычеркнуть это из своего, — я криво улыбаюсь ей, чтобы поднять настроение, хотя внутри чувствую себя дерьмово.

— Да ладно тебе, Кэт. Дай мне хоть каких-нибудь подробностей.

— Окей, — я закатываю глаза, глядя на Бекку. — Он был потрясающим.

— Что изменилось?

— Не сердись, но мы занимаемся сексом с прошлого года. Я попросила Дина лишиться меня девственности, и он это сделал. Тот факт, что я не рассказала об этом ни одному из своих самых близких друзей, только доказывает, что у нас никогда бы ничего не получилось.

— Так, почему у вас, ребята, не может с ничего получиться? Я не понимаю?

— Я отказываюсь быть его тайной подружкой. Думала, что смогу это сделать, но я хочу большего, чем то, что он может мне предложить. Дин хочет, чтобы я была его девушкой, но мои братья не должны об этом знать, так в чем смысл? У нас долгое время получалось вернуться к нормальной жизни, пока мне не пришлось спросить его, можем ли мы быть чем-то большим. Следующее утро изменило все, по крайней мере для меня. Когда реальность обрушилась на меня, и я поняла, что у нас никогда ничего не получится, я поняла, что мы должны вернуться к тому, чтобы быть друзьями.

— Но вы же даже больше не друзья. Так ведь? Ты избегаешь его большую часть времени, когда видишь его в кампусе, и игнорируешь его звонки.

— Думаю, мне нужно время. После того, что Дин сделал на следующий день, я уже не чувствую себя прежней.

— Не держи это в себе. Что он сделал?

— Он заставил меня залезть в его шкаф, пока разговаривал с Тео обо мне, как будто я был хоккейной зайкой. Это было ужасно. Пока я сидела на полу рядом с вонючей сумкой «Бауэр», до меня дошло, что мы совершили ошибку. Дин пытался доказать мне, что это не так, но я не разделяю его мнения.

— Но вы, ребят, дружите уже много лет, и он практически привязан к близнецам.

— Близнецы — еще одна причина, по которой это никогда не получится. Мои братья все эти годы доверяли ему присматривать за мной. Конечно, Дьюк всегда думал, что между Динном и мной было нечто большее, но близнецы так не считают.

— Итак, ты собираешься отрицать свои чувства к Дину из-за своих братьев? Для такой умной девушки ты ведешь себя как идиотка, Кэт. С Динном у тебя была бы распланирована вся твоя жизнь.

— Это еще одна причина, по которой мы не можем быть вместе. Мы выпускаемся на следующей неделе, а потом я уезжаю в Чикаго на стажировку. Дин вернется домой, чтобы помогать своей маме до драфта НХЛ. Мы не можем встречаться, когда живем в двух тысячах миль друг от друга.

— Ну, он ведь будет останавливаться в Чикаго на матчи, и я уверена, что вы, ребята, могли бы как-нибудь справиться на расстоянии.

— Моим родителям приходилось справляться с этим в течение многих лет. Еще до того, как моя мама заболела, Дьюк сказал, что ей было тяжело подолгу не видеть моего отца. Дьюк и Остин составляли ей компанию и помогали ухаживать за ней, когда она стала слишком больна, чтобы что-то делать самостоятельно. У моего отца не было выбора. Если

он хотел иметь возможность позволить себе лечение, в котором нуждалась моя мама, он должен был сосредоточиться на своей карьере. Я не хочу оказаться в таком же положении.

— Перестань заикливаться на негативе, — говорит Бекка, скрещивая ноги перед собой. — Ты не должна вычеркивать Дина из своей жизни из-за того, что случилось с твоими родителями.

— Я не хочу закончить жизнь в одиночестве, ожидая кого-то, кого почти никогда нет дома. Если бы ты выросла так же, как я, ты бы поняла. Мои братья для меня как родители, и это все усложняет.

Бекка хлопает меня по колену и улыбается:

— Я понимаю, поверь мне, понимаю. Но мы говорим о Дине. Он сделает для тебя все что угодно.

Я киваю. Бекка права насчет Дина. В течение многих лет он был моей опорой. Я должна исправить всё между нами, пока не стало слишком поздно.

По дороге в медицинский центр я сталкиваюсь с Дином. Он одет в черные баскетбольные шорты и обрезанную рубашку, которая подчеркивает все достоинства его рук. Трудно не хотеть его, когда он так хорошо выглядит, но я пообещала себе, что мы могли бы снова стать друзьями. И я планирую придерживаться этого обещания.

Обхватив меня рукой за спину, Дин притягивает меня к себе. Хотя это нормально, его жест все равно ощущается как нечто такое, что мужчина сделал бы со своей девушкой. Мы делали это задолго до того, как занялись сексом, из-за чего мне было еще труднее различать его действия.

— Я рад, что ты наконец-то перестала вести себя как девчонка, — говорит Дин со смехом в голосе.

Я поднимаю на него взгляд и ухмыляюсь:

— Должна ли я напоминать тебе, что я девочка, глупый ты мальчишка?

Он шевелит бровями, глядя на меня, и это так чертовски мило, что мне хочется поцеловать его за это:

— О, я знаю, что ты девочка, Котенок.

— Давай не будем делать все более странным, — говорю я ему, боясь, что наш разговор примет еще один плохой оборот.

До того, как мы переспали, разговоры о сексе были именно такими. Я никогда не тратила много времени на то, чтобы обдумывать что-либо, поскольку никогда не думала, что Дин хоть отдаленно интересуется мной. Теперь, когда я заметила перемену в его поведении, я тщательно анализирую все, что говорит и делает Дин. Я ненавижу себя за то, что делаю это, но мне трудно отделить эти мысли, когда мы вместе.

— Никаких странностей, — говорит он, открывая передо мной дверь в клинику. — После тебя, Котенок.

Мы идем по длинному коридору в молчании, которое раньше никогда никого из нас не беспокоило. Теперь мне кажется, что мы понятия не имеем, что сказать друг другу. Дин аккуратно ступает рядом со мной. Могу сказать, что он боится, что сделает что-то не так, что заставит меня снова оттолкнуть его. Я чувствую себя ужасно из-за всего, через что заставила его пройти.

Мы останавливаемся перед стойкой регистрации и ждем, пока женщина, сидящая за ней, оглянется через плечо и обратит на нас внимание.

— Надеюсь, у тебя нет этой штуки с целиакией, — говорит Дин так, чтобы только я могла его слышать. — Я погуглил вчера вечером. Звучит так, будто это полный отстой. Ты бы больше не смогла есть пиццу во фритюре.

Я улыбаюсь его словам:

— Ничто не помешает мне съесть пиццу, когда я вернусь домой. Я с нетерпением ждала этого с тех самых пор, как закончился мой сезон.

— Хочу заехать в гости после драфта. Я должен посмотреть, стоит ли эта пиццерия всех тех похвал.

— О, это того стоит, более чем.

Медсестра разворачивает свой стул лицом к нам, ее лицо ничего не выражает: — Имя, пожалуйста.

Я прижимаю ладони к стойке и наклоняюсь вперед:

— Кэтрин Болдуин. Я здесь, чтобы поговорить с доктором Грейди о результатах моих анализов.

Она прокручивает компьютер и нажимает несколько кнопок:

— Ваша медицинская страховка осталась прежней?

— Я была здесь всего четыре дня назад.

Она серьезно смотрит на меня:

— Да или нет?

Дин кашляет, чтобы сдержать смех.

Я толкаю его под руку, сохраняя зрительный контакт с сестрой Рэтчед:

— Да, все осталось прежним.

— Отлично. Присаживайтесь, — затем она отворачивается, как будто нас никогда и не было.

Мы отходим от стойки регистрации и находим место поближе к входной двери. До окончания учебы осталось всего несколько дней, и медицинский центр опустел. Жуткая тишина в комнате делает неловкость между мной и Дином еще более заметной.

Почему я не могу отбросить свои девичьи чувства в сторону и снова стать его лучшей подругой? До того, как мы занялись сексом, у меня никогда не было проблем с тем, чтобы находиться рядом с Дином. Мы везде ходили и все делали вместе. Никогда не было такого момента, когда мне было бы некомфортно разговаривать с ним. Я даже говорила с ним о спазмах при месячных и прочем глупом девчачьем дерьме. Его никогда не волновало, о чем именно мы говорим, пока я была в его жизни.

Дин держит мою руку у себя на коленях, пока мы ждем, что другая медсестра, одетая в светло-голубую форму, войдет в дверь.

— Кэтрин Болдуин, — говорит она, уставившись на карту в своих руках.

Я высвобождаю свои пальцы из пальцев Дина и встаю со стула. Он повторяет мои движения и кладет руку мне на спину, чтобы поддержать меня.

— Это я, — говорю я медсестре.

— Хочешь, чтобы я пошел с тобой?

Я встречаюсь взглядом с Дином и качаю головой:

— Нет, со мной все будет в порядке. Мне потребуется всего несколько минут, чтобы поговорить с доктором.

— Я подожду тебя здесь, — он хватается за мое бедро, притягивая достаточно близко, чтобы поцеловать в лоб. — Удачи, Котенок.

Я улыбаюсь в знак признательности, прежде чем пройти рядом с медсестрой в заднюю часть клиники. После того, как медсестра измеряет мои жизненные показатели, она заносит информацию в мою карту, не говоря мне ни единого слова. Нервная энергия пронесется по моему телу, разжигая огонь под моей кожей. Я всегда ненавидела врачей, главным образом потому, что росла, когда они приходили и уходили из моего дома.

Может быть, мне следовало привести сюда Дина, чтобы он составил мне компанию. Он бы знал, что нужно сказать, чтобы успокоить меня.

— Привет, Кэтрин, — говорит доктор Грейди с озабоченным выражением на своем увядшем лице. — Как вы себя сегодня чувствуете?

— Хуже, чем несколько дней назад. Мой желудок сводит меня с ума. Я чувствую это, знаю, что со мной что-то не так. У меня целиакия? Я перестала есть глютен несколько дней назад.

Он качает головой и садится на табурет рядом со мной:

— Ваши анализы отрицательны на целиакию. Однако я попросил лабораторию провести еще несколько тестов, чтобы исключить другие возможности, — он закрывает мед. карту и кладет ее на стол рядом со мной. — Вы знали, что беременны?

Мое сердце учащается до ненормальной частоты, которую не могут контролировать даже мои обычные дыхательные упражнения:

— Как я могу быть беременна? — держась за живот, я наклоняюсь вперед и давлюсь своими словами. — Это невозможно.

— Боюсь, тесты не лгут.

— Но как? — у меня проблемы с дыханием. Воздух выходит из моих легких, когда я пытаюсь заговорить.

— Мы взяли образец вашей крови, Кэтрин.

— Кэт, — напоминаю я ему.

Он кивает.

— Послушай, Кэт, у тебя есть варианты. Я знаю, это была не та новость, которую ты хотела услышать перед выпуском.

— Нет, даже близко не та, — я закрываю лицо руками и вздыхаю.

Как это случилось?

— Когда вы в последний раз были сексуально активны?

Я смотрю на него сквозь пальцы:

— В прошлом месяце.

— Вы на небольшом сроке, — говорит он, вырывая листок бумаги из блокнота в кармане. — Вот список женских консультаций в этом районе. Выберите тот, который вам понравится, и я могу отправить им направление вместе с копией вашей карты.

Я беру листок у него из рук:

— Я возвращаюсь в Чикаго. Вы случайно там никого не знаете?

— Боюсь, что нет. Позвоните в свою страховую компанию. Они должны быть в состоянии помочь вам найти кого-нибудь, — он встает со стула, и я изо всех сил стараюсь не расплакаться у него на глазах.

— Спасибо, доктор, — я протягиваю ему для пожатия свою дрожащую руку.

Он сжимает мои пальцы своей крепкой хваткой:

— Берегите себя, Кэт.

Всякий раз, когда у меня возникает проблема, я бегу к Дину, за исключением того, что

теперь он — часть проблемы. *Что мне делать?* Рождение ребенка может все испортить. Как будто для нас все и так было недостаточно плохо, ребенок мог вбить между нами еще больший клин.

Должна ли я сказать ему? *Блядь.* Я не хочу разрушать его будущее из-за ошибки, которая была моей идеей. Теперь я должна принять решение, которое может навсегда изменить наши жизни.

Четвертый Курс

Дин

Мое сердце падает в желудок, как только я вижу выражение лица Кэт, когда она входит в комнату ожидания. Она одаривает меня фальшивой улыбкой, но я знаю ее достаточно хорошо, чтобы понять: что-то не так. Я встаю со стула, за считанные секунды сокращая пространство между нами.

Обхватив Кэт рукой за спину, я прижимаю ее к своей груди:

— Что сказал доктор?

Она подносит руки к лицу, начинает всхлипывать и кладет голову мне на плечо.

Я баюкаю ее голову и целую в волосы:

— Почему ты плачешь? У тебя целиакия? Поговори со мной, Котенок.

Мои слова только заставляют ее плакать еще сильнее. Она не отвечает, поэтому я шепчу ей на ухо, что все будет хорошо. В кои-то веки я понятия не имею, что сказать. Наши отношения были настолько напряженными, что я не нахожу слов.

Через несколько минут ее тело перестает биться в конвульсиях, и она отрывает лицо от моего плеча. Моя рубашка промокла от ее слез.

Я убираю волосы с ее влажных щек и вытираю слезы большими пальцами:

— Все в порядке, Котенок. Аллергия на глютен — это еще не конец света. Я помогу тебе разобраться, каких продуктов следует избегать. Тебе все равно не следует есть углеводы.

Комментарий об углеводах вызывает у Кэт легкую улыбку:

— Думаю, тебе все-таки не нужна та пицца во фритюре.

— Я могу делать исключения, — говорю я, подмигивая.

— Ты всегда знаешь, что сказать правильного, когда мне нужно это услышать.

— По крайней мере, ты улыбаешься, — я провожу большим пальцем по ее нижней губе, выражение моего лица повторяет ее. — Все наладится, Котенок. Как всегда.

— Спасибо, Дин, — она переплетает свои пальцы с моими. — Давай убираться отсюда. Мне нужно вернуться в общежитие и собрать вещи.

— Не могу поверить, что завтра мы заканчиваем учебу. Я буду скучать по тебе этим летом.

— Я тоже буду по тебе скучать, — говорит она себе под нос.

Ведя ее через вестибюль к выходу из здания, я цепляюсь за нее изо всех сил. От осознания необратимости завтрашнего дня у меня сжимается желудок, и мне трудно думать о чем-либо, кроме наших последних прощаний. Может быть, некоторое расстояние пойдет нам на пользу. Это, казалось, помогло Кэт прийти в себя. Но маленькая часть меня боится, что я потеряю ее навсегда, как только наши пути разойдутся.

К тому времени, как я провожаю Кэт в ее комнату, ее слезы высохли, сменившись угрюмым выражением на прекрасном лице. Меня убивает, когда я вижу ее такой.

Кэт падает на свою кровать и тянет меня за собой:

— Ты нужен мне, Дин. Обнимай меня, пока я сплю, — она переворачивается на бок, повернувшись ко мне спиной.

Я устраиваюсь поудобнее рядом с Кэт и обхватываю рукой ее живот. Она просовывает

свои пальцы между моими и прижимает мою руку к своей коже. Мы не были так близки друг к другу с того утра, когда все развалилось на части. Если бы только я мог повернуть время вспять и нажать кнопку сброса.

— Я бы хотел провести с тобой все лето, Котенок. Кто обнимет тебя, когда я уйду?

Она прижимается плечами к моей груди:

— Остин или Дьюк полежат со мной, как они это делают всегда. Мы все равно обычно засыпаем, смотря вместе «Нетфликс».

— У вас, Болдуинов, какие-то странные привычки, — говорю я.

— Для тебя, может быть, и так, но для нас наши ритуалы — это нормально. Если бы у тебя были братья, ты бы это понял. Поскольку я была единственной девушкой, все всегда было по-другому. Дьюк и Остин нянчились со мной до смерти и присматривали за мной так, словно я вот-вот переломлюсь пополам. Они все еще это делают.

— Дьюк немного гиперопекающий.

— Я напоминаю ему нашу маму, а он был очень близок с ней. Он пообещал ей, что присмотрит за мной.

— Он такой не только из чувства долга перед твоей мамой.

— Думаю, нет, но знаю, что это как-то связано с тем, почему он лезет мне в задницу по любому поводу. Дьюк беспокоится обо мне. Как и Остин.

— Тео и Такер тоже. Они все время говорят о тебе. Последние несколько недель они беспокоились о тебе. Они поклялись, что я был причиной того, что тебя не было рядом, и что я сделал что-то, что причинило тебе боль. Однажды вечером мы даже поссорились, когда слишком много выпили.

— Извини за это, — она сжимает мою руку. — Мне нужно было время, чтобы все обдумать.

— Я так и думал. Вот почему я дал тебе немного пространства. Но я все это время безумно скучал по тебе.

— То же самое. Теперь, когда завтра мы заканчиваем учебу и возвращаемся домой, я жалею, что создала эту пропасть между нами. Мы должны были провести наши последние несколько недель вместе, а не порознь.

— Обещаю приехать в Чикаго и побыть с тобой после драфта НХЛ, даже если это всего на несколько дней или неделю. Моей маме нужна моя помощь по дому. Не хочу оставлять ее одну слишком надолго, когда мне и так весь год приходилось заниматься этим из-за учебы,

— Нет ничего важнее семьи, — говорит она. — Я полностью понимаю.

— Надеюсь, что какая-нибудь команда меня выберет, — признаюсь я.

— Ты один из лучших центровых, которых когда-либо найдет НХЛ. Дело не в том, чтобы получить место в команде; дело в том, где ты окажешься в конечном итоге.

— Я бы хотел быть как можно ближе к тебе.

— Ты ненавидишь «Блэкхокс». Смог бы ты играть за мою домашнюю команду? — она смеется и откидывается назад настолько, что прижимается попкой к моему бедру, напоминая мне о нашей ночи вместе.

Трудно не думать о Кэт в таком ключе после того, как побывал внутри нее. Я тоже скучаю по этой части наших отношений. Но то, что у нас было, было не просто сексом. Это было нечто гораздо большее. По крайней мере, так было для меня.

— Я бы играл за любую команду, которая захочет меня. Моя профессиональная карьера не имеет ничего общего с моими личными чувствами.

— Если бы ты мог выбрать любую команду в лиге, мы оба знаем, что ты бы выбрал «Тампа-Бэй».

— Это моя родная команда. Конечно, я бы их и выбрал.

Она вздыхает:

— Флорида кажется такой далекой от Чикаго.

— Это всего лишь полет на самолете, — говорю я ей, поглаживая ее по волосам. — Неважно, куда я поеду или какая команда меня выберет, я все равно буду там ради тебя.

— Я знаю, Дин, — она преувеличенно вздыхает. — Я должна тебе кое-что сказать, прежде чем мы завтра покинем кампус.

— Что? — ее слова заставляют мой желудок скручиваться от беспокойства, которое нарастает изнутри.

— Я... — она колеблется, еще несколько раз давясь словами, прежде чем сказать. — Я...

— Все в порядке, Котенок. Тебе не нужно нервничать рядом со мной.

— Я не уверена, как это сказать, — бормочет она. — Я... — она снова останавливает себя, но на этот раз начинает плакать.

Ее рыдания тихие, и когда я крепче прижимаю Кэт к себе, ее тело дрожит от того, как сильно она плачет. Я закрываю глаза и молюсь, чтобы «Блэкхокс» выбрали меня на драфте НХЛ. Кэт нуждается во мне так же сильно, как я нуждаюсь в ней.

Я наскреб достаточно денег, работая в пиццерии, чтобы привезти маму в Филадельфию на мой выпускной. Улыбка на ее лице, когда я держал в руке диплом, стоила того, чтобы потратить последние четыре года. Все, чем она пожертвовала, чтобы привести меня к этому моменту, наконец-то завершило полный круг.

После того, как я нахожу Кэт, которая сидела на нескольких рядов впереди меня, мы направляемся на лужайку перед центром мероприятий Университета Стрикленда. Гости расходятся волнами, из-за огромного количества людей ничего невозможно разглядеть в толпе.

Кэт прислала моей маме светло-розовый сарафан, который на ней надет, чтобы нам было легче ее заметить. У мамы в руке выпускная программа, а на запястье — фотоаппарат. Я окликаю ее, чтобы привлечь внимание, и она подносит руку ко лбу, чтобы заслонить глаза от солнца. Она улыбается, как только замечает нас, и я подхожу ближе, чтобы сократить расстояние между нами.

— Дин, — говорит она, обхватывая меня руками за талию. — Я так горжусь тобой, детка, — она на несколько секунд кладет голову мне на грудь, прежде чем я отпускаю ее.

— Ничего из этого не было бы возможно без тебя, мама, — я целую ее в щеку. — Спасибо тебе. За все.

Она обхватывает мое лицо ладонью:

— Не стоит меня благодарить. Все это было частью моей работы.

— Ты проделала потрясающую работу, — я подмигиваю и еще раз целую маму, прежде чем выпустить ее из своих объятий.

Несколько громких голосов заглушают следующие слова моей матери, привлекая мое внимание к мужчинам позади нас. Я оглядываюсь через плечо, собираясь сказать им заткнуться, когда замечаю, как Дьюк и Остин поднимают Кэт с земли. Они сажают ее себе на плечи.

Кэт закрывает лицо руками, когда они начинают водить ее по лужайке, напевая что-то, чего я даже не могу разобрать из-за криков Кэт на них. У Болдуинов самые странные традиции. Должно быть, это еще одна из них. Ее отец присоединяется к их победному танцу в сопровождении Тео и Такера.

— Мы должны пойти спасти Кэт, — говорю я маме.

Она улыбается мне:

— Давай, детка. Я пойду за тобой.

— Я не оставлю тебя, чтобы тебя тут растоптали, — я переплетаю свои пальцы с ее и тащу маму за собой, чтобы догнать Кэт и ее семью.

Как только Ник замечает нас с мамой, он говорит мальчикам, чтобы они перестали приставать к Кэт, и подходит к нам.

— Эмма, — говорит он, с улыбкой дотрагиваясь до плеча моей матери. — Как ты? — она наклоняется, чтобы обнять отца Кэт.

Я видел Ника перед церемонией, поэтому я ухожу от них, пока они обмениваются любезностями, чтобы попрощаться с Кэт. Мой желудок сжимается, когда я подхожу к ней. Я боялся этого момента всю неделю. Что произойдет, когда Кэт вернется домой? Нам обоим придется работать, хотя Кэт и не нуждается в деньгах.

Когда мы встречаемся взглядами, Кэт отходит от своих братьев и подходит ко мне, бросаясь в мои объятия.

— Я буду скучать по тебе, — шепчет она мне в шею.

— Сомневаюсь, что будешь скучать так же сильно, как и я, Котенок.

Кэт отрывает лицо от моей шеи и смотрит на меня с улыбкой:

— Ненавижу прощания.

— Я тоже, но это не прощание.

Она кивает:

— Хорошо, увидимся через два месяца.

— Драфт пройдет в кратчайшие сроки.

— И мы все будем там, чтобы подбодрить тебя, — Кэт обращается к своей семье, которая будет присутствовать на драфте НХЛ.

Поднеся руку к моему лицу, она наклоняется, как будто собирается поцеловать меня в губы. Все мое тело замирает из-за людей, наблюдающих за нами вокруг. Но она отодвигается влево от моего рта и целует меня в щеку.

— Береги себя, Дин. Скоро увидимся, — ее слова звучат приглушенно, как будто она пытается скрыть свои слезы.

В течение последних нескольких лет мы повторяли одно и то же прощание на лужайке перед домом. Но на этот раз все по-другому. В этом прощании есть осязаемая окончательность. Наша студенческая жизнь закончилась теперь, когда мы на шаг приблизились к продолжению наших карьер.

Я убираю волосы с ее лица и целую в лоб:

— Позвони, когда доберешься до дома. Хорошо?

Ее глаза остекленели, но слезы еще не потекли по лицу. Может быть, было и к лучшему, что мы сделали это на публике, потому что мы оба были бы сейчас в полном беспорядке, если бы были одни. У меня не хватило бы сил отпустить ее, если бы мы занялись этим в одной из наших спален. Кэт была моим миром так долго, что не иметь ее частью моей повседневной жизни будет тяжело.

— Позвоню тебе, как только мой самолет приземлится, — говорит она.

— Как насчет вечера вместо этого? Я пообещал маме, что приглашу ее на ужин, когда мы вернемся домой. Она уже давно не ела ничего вкусного, кроме еды из закусочной.

— Конечно. Повеселись со своей мамой. Мы можем поговорить перед сном.

Мысль о Кэт в постели заставляет меня вспомнить, как она выглядела в моей. Мы никогда не сможем стереть то, что мы сделали в прошлом. Какая-то часть меня всегда будет думать о Кэт с романтической стороны, особенно после того, как я поделился с ней этой частью себя. Для меня это был не просто секс, хотя, на долгое время я заставил Кэт поверить, что так и было. Может быть, это была моя ошибка, с которой мне придется жить вечно.

— Напиши мне, когда приземлишься, и я сделаю то же самое.

Она заставляет себя улыбнуться, чтобы скрыть боль, повторяя выражение моего лица.

— Это не прощание, Котенок, запомни это.

В то время как мои слова говорят одно, ее лицо говорит совсем другое. Для Кэт это прощание. Я должен показать ей, что наша история еще не закончилась. Все изменится к лучшему, если НХЛ задрафтует меня. Наличие достаточного количества денег, чтобы заботиться о моей маме и передвигаться по стране, позволит мне чаще видеться с Кэт. Это также даст нам шанс стать больше, чем друзьями.

Лето после выпуска

Кэт

Когда весь клан Болдуинов приехал домой на лето, мы жили у бассейна, пили и устраивали вечеринки, за исключением того, что мне пришлось заменить мохито на ароматизированную воду. Слишком занятые загаром и пьянством, мои братья до сих пор не осознали того факта, что я не употребляла никакого алкоголя. И я до сих пор не осмелилась рассказать Дину о ребенке.

Сидя в шезлонге у бассейна, я читаю книгу, не обращая внимания на своих братьев, которые вместе играют в водную игру.

Дьюк подплывает ко мне и брызгает мне на ноги:

— Эй, Кит-Кэт, тащи сюда свою задницу. Нам нужен еще один игрок.

Я поднимаю взгляд от своей книги и одариваю Дьюка озорной ухмылкой:

— Ребята, я вам не нужна. Команды равны.

— Тео — читер. Ты нужна мне в моей команде. А теперь иди сюда, пока мне не пришлось подняться и закинуть тебя сюда.

— Там слишком жарко, а мне нравится тень, — я указываю на зонт у себя над головой.

— Неважно. С тобой больше не весело, — ворчит Дьюк.

Последние несколько недель из-за жары у меня сводит желудок. Даже сидеть на улице и наблюдать за моими братьями было в некотором роде изнурительная задача. Но я не хочу, чтобы они заподозрили что-то неладное. По крайней мере, до тех пор, пока мне не придется признать правду о своем положении.

Ненавижу себя за то, что называю ребенка, который растет внутри меня, *своим положением*. Я все еще не смирилась со всем этим. Это я была слишком пьяна, чтобы сказать Дину воспользоваться презервативом. Он так привык к тому, что я принимаю противозачаточные, что даже не подумал об этом. Но я прекратила принимать таблетки за несколько месяцев до того, как мы занялись сексом, и все потому, что они вызывали у меня ужасные мигрени, которые врач мог приписать только таблеткам.

Не то чтобы я занималась сексом с Дином каждую неделю или даже каждый месяц. Несколько раз после того, как он лишил меня девственности, были пьяные поцелуи, которые переросли в нечто большее. Я не планировала, что это повторится.

В любом случае, я совершила ошибку, и, учитывая финансовые трудности его семьи, я не хотела добавлять еще одну сложность. С тех пор как Дин вернулся к своей маме во Флориду, он не занимается ничем, кроме работы. По ночам он разносит пиццу, а днем занимается физическим трудом в сантехнической компании. Я чертовски уважаю его за упорный труд.

Когда дело доходит до семьи, я не понаслышке знаю, что Дин стал бы замечательным отцом и добытчиком. Но я чувствую себя виноватой, и не желаю возлагать это на его плечи. Предполагается, что НХЛ — это его новый старт, его шанс чего-то добиться. Я не могу быть той, кто разрушит его жизнь. После того, как он получит какие-нибудь хорошие новости, я расскажу ему о нашем ребенке.

— Не нянчись с ней, — говорит Остин, выходя из-за спины Дьюка. — Иди сюда, Кэт.

Из всех моих братьев Остин — тот, с кем я общаюсь больше всего. В то время как Дьюк

был в моей жизни скорее фигурой отца, со всеми его правилами и организацией, Остин был веселым братом, который помогал мне с домашним заданием и водил меня в кафе за мороженым. Кроме того, между нами меньше разницы в возрасте.

Остин знает, что я бы никогда не сказала ему «нет». *Черт бы его побрал.*

Я прижимаю руку к животу и встаю с шезлонга. Я делаю это с тех пор как мой живот начал расти. Это привычка или, может быть, материнский инстинкт? Не знаю, но я должна прекратить. Если кто-нибудь из моих братьев заметит это, когда я стану больше, они зададут мне жару за то, что я им не рассказала. Они также относились бы ко мне иначе, чем сейчас, и я не хочу еще более особенного отношения, чем то, которое уже получаю от них.

Никто не должен знать о ребенке. Что ж, в какой-то момент я не смогу этого скрыть. А до тех пор я хочу держать это при себе. Я прочитала в интернете, что следует подождать двенадцать недель, прежде чем рассказывать кому-либо, просто чтобы быть уверенной. Я уже почти на этом сроке, а это значит, что скоро мне придется рассказать Дину. Но я не хочу портить его важный момент. Он заслуживает того, чтобы отпраздновать один из лучших дней в своей жизни без того, чтобы я его расстроила.

Я дергаю за шов слишком большой рубашки, прикрывающей мой купальник, отворачиваясь от своих братьев. Даже если они этого не заметили, клянусь, мой живот с каждым днем становится все заметнее. Может быть, у меня просто паранойя из-за того, что кто-то раскроет мой секрет прежде, чем у меня будет шанс рассказать ему.

Прежде чем я натягиваю футболку через голову, чтобы залезть в бассейн, звонит мой сотовый. Я наклоняюсь вперед, чтобы увидеть имя вызывающего абонента, и с улыбкой беру его со стола. Я прижимаю телефон к уху и прижимаю его к шее:

— Привет, Дин.

— Привет, Котенок. Хотел позвонить тебе во время обеденного перерыва, чтобы сообщить информацию о своем рейсе.

— Положи трубку, Кит-Кэт, — кричит Дьюк у меня за спиной.

— С кем она разговаривает? — говорит Тео Дьюку.

— А ты как думаешь, с кем? Со своим парнем, — невозмутимо отвечает Дьюк.

Я разворачиваюсь, чтобы показать Дьюку свой лучший сучий взгляд.

— Дин, — растерянно произносит Тео. Близнецы никогда не рассматривали мою связь с Дином как нечто большее, чем дружбу, что странно, учитывая, что они так близки. — Дай мне поговорить с ним.

Дин неразборчиво сообщает мне информацию о своем рейсе, которую я пропускаю из-за того, что мои братья что-то кричат в мою сторону.

Я прикрываю трубку рукой:

— Можете помолчать? Все. Я разговариваю по телефону, — затем я убираю руку, чтобы извиниться перед Дином.

— Если тебе нужно с ними разобраться, — говорит Дин, — я могу перезвонить позже.

— Нет, все в порядке. Я с ними на весь день, они могут подождать.

— Ну и дела, спасибо, — говорит Тео, притворяясь, что злится на меня.

— Скажи Тео, что я позвоню ему позже, — говорит Дин.

— Дин позвонит тебе позже. А теперь отойдите, чтобы я могла его слышать, — я выставляю руку перед собой, чтобы прогнать их.

Удивительно, но они слушаются меня и плывут обратно в глубокий конец бассейна. Я сажусь на шезлонг и возвращаюсь под зонт, пот стекает по моему лицу.

— Извини за это, — говорю я Дину. — Иногда они такие надоедливые.

— Они заботятся о тебе, Котенок. В этом нет ничего плохого.

Я вздыхаю:

— Ага. Итак, расскажи мне, чем ты занимался на этой неделе. У меня было не так уж много времени. Парни всегда лезут ко мне, а ты работал как безумный.

— Бригадир попросил меня поработать сверхурочно. Сегодня днем нам пришлось все утро копать канавы, чтобы проложить канализационные трубы, а там внизу около миллиона градусов.

— Во Флориде для меня слишком влажно. Не знаю, как ты можешь выполнять всю эту работу на солнце.

— Легко, — говорит он, смеясь, — они мне платят. Я должен смириться с этим и делать все, что они попросят. Деньги за сверхурочную работу — это хорошо, и моей маме они бы не помешали.

— Ненавижу, что тебе приходится так много работать, пока я лежу у бассейна и загораю. Это так несправедливо.

— Жизнь несправедлива, но каждый должен делать то, что приходится, — его глубокий голос успокаивает меня, заставляя закрыть глаза.

— Ты должен отдыхать на барбекю, а не надрывать задницу.

— Что есть, то есть, — говорит он. — Они платят за сверхурочную работу, которую здесь трудно достать. Я возьму все, что дадут.

От его слов у меня щемит сердце. Дин — именно тот мужчина, с которым мне следовало бы быть, но я отстранилась от него, когда мы еще были в кампусе. Мужчина, который заморил бы себя до смерти, чтобы заработать денег и прокормить семью, является отцом, который нужен нашему ребенку. Так почему же так трудно сказать ему об этом? Я открываю рот, чтобы попробовать в миллионный раз, но ничего не выходит. Даже не пискнула.

Между нами проходит мгновение, прежде чем он говорит:

— Скоро все изменится.

— Еще неделя, — говорю я ему, улыбаясь как дурочка. — Тебе больше не придется так много работать.

Он смеется:

— Нет, мне придется работать еще больше. Даже если я получу место в команде НХЛ, это не значит, что моя жизнь станет легкой. Я должен заслужить право остаться в команде.

— Да, это правда, но все наладится, как только тебя задрафтуют. Посмотри, что это сделало с моим отцом и братьями.

— Иду, — кричит Дин, убирая телефон ото рта. — Эй, Котенок. Я должен идти. Обед закончился, и мне нужно возвращаться к работе.

— Береги себя, Дин.

— Обязательно.

Затем связь обрывается, оставляя меня с тем же сожалением и стыдом, которые я испытываю каждый раз, когда мы разговариваем. Я должна рассказать Дину о ребенке, когда он приедет сюда в гости. Он должен знать правду.

Поскольку драфт НХЛ проводился в «Юнайтед-Центр», я потратила всего пару минут на дорогу до Чикаго, чтобы посмотреть, как в финале Дин поднялся на сцену и занял свое

место в команде «Филадельфия Флайерз».

Мое сердце наполнилось гордостью за его достижение. Но у меня также защемило внутри, когда я поняла, что мы будем так далеко друг от друга.

Какое-то время в новостях создавалось впечатление, что «Блэкхокс» выберут Дина в первом раунде, вот почему я сказала ему подождать и посмотреть, чем закончится драфт, прежде чем мы будем строить какие-либо планы. Судьба нам не друг. Я думаю, судьба свела нас вместе только для того, чтобы разлучить.

После того, как мой отец и братья поздравили Дина, радуясь за его вступление в лигу, он с важным видом направляется ко мне с кепкой «Флайерз» в руке. Он обхватывает меня руками, приподнимая в процессе.

— Я так горжусь тобой, Дин, — я обвиваю руками его шею и наклоняюсь вперед, чтобы поцеловать в щеку. — Я знала, что ты справишься и в этом раунде. Ты взволнован возвращением в Филадельфию?

Он пожимает плечами:

— Думаю да. По крайней мере, я знаю город, и Тео с Такером будут рядом, чтобы потусить, когда я буду дома.

— Странно слышать, как ты говоришь «дома», говоря о Филадельфии.

— Последние четыре года это был наш дом для обоих из нас.

— Кстати, о доме, ты готов к неделе с Болдуинами? Такер и Тео планировали твой визит всю неделю.

Он с любопытством приподнимает брови:

— Это хорошо или плохо?

— Думаю, это зависит от того, нравятся ли тебе их сюрпризы.

Дин хохочет, и его смех так заразителен.

После того, как мы возвращаемся ко мне домой, Тео и Такер крадут у меня Дина, чтобы поиграть в бильярд в комнате отдыха, а затем в боулинг. Я чувствую себя такой претенциозной задницей из-за того, что у нас в подвале есть боулинг с шестью дорожками. Мой отец построил его так, чтобы у каждого из нас была своя дорожка, что делает его еще более нелепым.

Кроме Бекки, Дин — единственный человек, которого я когда-либо приглашала в это чудовище, которое мы называем домом. Будучи мега-фанатом моего отца, Дин с самого начала знал, что мы богаты. Просто пригласив его поиграть в боулинг в нашем подвале, я чувствую себя так, словно мы тыкаем ему этим в лицо. Все лето Дин убивал себя физическим трудом, а у нас на участке есть все, что только можно себе представить.

Близнецы уговорили нас на ночной марафон по боулингу, полный пьянства и нездоровой пищи. Учитывая, насколько я была голодна в последнее время, я съела тонну закусок, заменив свое пиво имбирным элем.

Тео разворачивается после очередного удара и скользит к нам в своих ботинках для боулинга. Они не похожи на дурацкие клоунские ботинки, которые можно увидеть в боулинге, они больше похожи на обувь профессионалов со сменной подошвой. И все же мы все выглядим в них глупо. По какой-то причине мои теперь слишком тесные, из-за чего в них труднее ходить.

— Твоя очередь, Кит-Кэт, — кричит Тео, прижимая ладони ко рту.

— Я слышу тебя и без всех этих криков, — возражаю я, вставая со стула.

Дин пристально смотрит на то, как я кладу руку на живот, как будто может понять, что я немного прибавила в весе. *Дерьмо*. Запаниковав, я быстро опускаю руку и подхожу, чтобы занять свою очередь. Я ищу свой шар и засовываю пальцы в захваты. Остин просверлил все наши шары этими дурацкими вставками. Он клянется, что они помогают мячу лучше вращаться, пока он надирает нам задницы.

Прекрасно понимая, что Дин наблюдает за мной, я подтягиваю локти, надеясь скрыть свой живот от посторонних глаз, и двигаюсь по дорожке, чтобы бросить шар. Он слетает с кончиков моих пальцев, вращаясь по направлению к кеглям, и слегка поворачивает влево, оставляя позади три кегли.

— Ты не победишь нас такими ударами, — говорит Такер, как только я оборачиваюсь. Он допивает остатки своего пива и рыгает мне в ухо, когда я прохожу мимо него.

— Спасибо, идиот, — я прикрываю рукой ухо и хмуро смотрю на него.

— Давай, Кэт, — Такер обнимает меня, удерживая на месте. — Перестань быть такой занудой.

Тео подходит к нам сзади и со всей силы сжимает нас, будто хочет выдавить из меня свою жизнь. Как только они выпускают меня из своих объятий, Такер хватает со стола пиво и протягивает его мне. Даже если бы я могла пить, Такер налил его мне перед началом игры. Одна только его температура вызвала бы у меня тошноту.

Я выставляю руку перед собой и качаю головой.

— Нет, все в порядке. Я все еще пью то, что у меня, — *стакан, который я опустошила и наполнила имбирным элем*.

Я прокралась за стойку, пока они были заняты спором о счете, и заменила пиво содовой. По внешнему виду выглядит достаточно похоже. Но из-за отсутствия пены я большую часть игры не притрагивалась к своему напитку, боясь привлечь внимание.

— Ты будешь тянуть его до смерти, — Тео снова пытается передать мне пиво. — Пей.

Я отказываю ему еще раз:

— Мой желудок все еще беспокоит меня, ясно?

— Ты все время это говоришь, — добавляет Тео.

Дин встает со своего стула и приходит мне на помощь:

— Ребята, вы просто злитесь, что мы вытираем о вас ноги.

Тео выдыхает струю воздуха, попутно выплевывая на нас немного своего пива. — Чушь собачья. Вы опережаете нас на двенадцать очков. Мы сможем наверстать упущенное к концу игры.

— Это не просто так зовется пьяный боулинг, — Такер указывает на меня пальцем. — Кэт жульничает.

— Нам не нужно быть трезвыми, чтобы победить вас, — Дин обхватывает меня рукой за спину и притягивает к себе.

— Как скажешь, — Тео отхлебывает пиво, которое он протянул мне. — Твоя очередь, братан, — говорит он Такеру.

После того, как Такер допивает очередную кружку теплого пива, он с грохотом ставит ее на стол и подходит к шару. Я сажусь рядом с Дином и кладу голову ему на плечо, как будто ничего и не менялось.

— Все еще ешь безглютеновую пищу?

Слова Дина заставляют меня на мгновение замереть.

Я ненавижу себя за то, что лгала ему и всем остальным о своей поддельной аллергии на

глютен. Я даже попросила нашего шеф-повара начать готовить мне блюда без глютена, и все это время тайком проносила закуски с большим количеством углеводов к себе в спальню.

Это было лучшее, что я смогла придумать после того, как Бекка упомянула об этом. Тогда я думала, что, возможно, у меня аллергия, но оказалось, что мое положение такое же постоянное. Теперь я вынуждена лгать людям, которых люблю, потому что я слишком труслива, чтобы сказать им правду. Мой отец даже пожертвовал деньги фонду борьбы с целиакией, что заставило меня чувствовать себя еще хуже из-за лжи. По крайней мере, моя ложь могла бы помочь организации найти лекарство.

И все же, я должна признаться во всем, особенно пока Дин здесь. Но, возможно, это стало бы еще худшей идеей. Что бы Дьюк сделал с Дином, если бы узнал об этом таким образом? Даже не хочу думать об этом. К тому же, это испортило бы поездку Дина. Единственные каникулы, которые у него когда-либо были, были те, когда я заплатила за то, чтобы отвезти его к себе домой. Ему нужен этот перерыв и нормальная жизнь так же сильно, как он нужен мне здесь по эгоистичным причинам.

— Да, а что? Хочешь попробовать что-нибудь из моей еды? — шучу я, подталкивая Дина локтем в плечо. — Это вкусно.

— Я никогда не был таким большим любителем углеводов, как ты, — говорит он, — но я думал, тебе должно было стать лучше после того, как ты перестанешь есть вредную пищу.

Я пожимаю плечами. Мое чувство вины заставляет желчь подниматься из желудка, удушая меня.

— Думаю, требуется время, чтобы все вышло из моего организма.

— Я беспокоюсь о тебе, Котенок. Ты всегда ставишь всех остальных превыше себя.

Я провожу рукой по его бедру:

— Я в порядке.

Он опускает взгляд на мою руку, и, клянусь, он делает глубокий вдох. Наша близость заставляет меня слишком остро осознавать ту реакцию, которую я испытываю на Дина, и ту, которую он испытывает на меня. Дин пригвозждает меня к месту своим пристальным взглядом. На этот раз я та, кто задерживает дыхание.

Независимо от того, как сильно я пытаюсь избавиться от этого чувства внизу живота, мне это не удастся. После того, как мы отправились в неизведанные воды, мой лучший друг всегда будет оказывать на меня такое влияние. Мы никогда не будем прежними. И наш ребенок меняет все. Если бы только я могла набраться смелости сказать ему об этом.

Неделя после драфта в НХЛ

Дин

После изнурительного лета мне нужна была эта неделя отдыха от моей жизни, чтобы пообщаться с Кэт и ее братьями. Но завтра мой отпуск заканчивается. В ближайшие несколько месяцев наша жизнь кардинально изменится. Я надеялся, что драфт приведет меня в Чикаго, чтобы я мог быть ближе к Кэт, но нам либо не повезло, либо мы выбрали дерьмовое время. Может быть, немного и того и другого.

Уставившись в потолок гостевой комнаты, я лежу на спине и думаю о Кэт. На этой неделе мы провели большую часть нашего времени с близнецами, почти не оставаясь наедине. Мне нужно выскользнуть из своей спальни, чтобы увидеть Кэт. С близнецами в соседних спальнях я далеко не уйду.

Два дня назад я попытался увидеться с Кэт, но столкнулся с Тео в туалете в холле. Каждую ночь до этого было что-то, что мешало нам побыть вместе. Но не сегодня вечером. У меня есть целых шесть часов до того, как я сяду в самолет, и я отказываюсь проводить их без Кэт.

Я смотрю на часы на прикроватном столике и надеюсь, что близнецы спят. То, что я больше часа не слышал ни звука, ничего не значит, когда речь заходит о близнецах. Тео выпил столько пива, что хватило бы двум взрослым мужикам. Такер последовал его примеру. Кэт больше не пила, так что я последовал ее примеру и выпил содовой. Я бы предпочел, чтобы мы оба были трезвыми те несколько часов, что нам осталось провести вместе.

Дверь скрипит, когда я открываю ее, заставляя меня подождать несколько секунд, прежде чем шагнуть в темный коридор. В кои-то веки в доме стало тихо. Я закрываю за собой дверь и на цыпочках направляюсь в комнату Кэт, скрестив пальцы, чтобы никто не проснулся. У ее отца и старших братьев комнаты этажом выше, что облегчает задачу, но Такер и Тео спят чутко. Даже малейший скрип мог привести их в коридор.

Должно быть, на этот раз удача на нашей стороне, потому что я добираюсь до комнаты Кэт незамеченным. Я поворачиваю ручку и проталкиваюсь в комнату, запирая за собой дверь.

Кэт включает лампу рядом со своей кроватью, и мягкий свет освещает ее лицо. Она трет глаза тыльной стороной ладони.

— Ты спала? — шепчу я и подхожу к ней.

— Нет, я пыталась, но все, что я делала, это ворочалась с боку на бок, — она хлопывает по месту на матрасе рядом с собой. — Иди сюда и обними меня. Может быть, я немного посплю с тобой рядом.

Я заползаю рядом с Кэт и переворачиваюсь на бок, глядя на нее сверху вниз, просовывая руку ей под голову:

— Я должен тебе кое-что сказать, прежде чем уеду.

— Я тоже, — говорит она себе под нос. — Начинай первым.

Я наклоняюсь так, что мое дыхание касается ее губ, и говорю:

— Я люблю тебя, Котенок. Я просто хотел, чтобы ты это знала.

— Я тоже люблю тебя, Дин, — она протягивает руку, чтобы коснуться моего лица.

— Я имею в виду, что люблю тебя больше, чем подругу. Я хочу, чтобы у нас все получилось.

Она склоняет голову набок и прикусывает губу:

— У нас был этот разговор несколько месяцев назад. Я не понимаю, как мы можем это сделать, если ты живешь в Филадельфии, а я в Чикаго.

Я провожу рукой по ее животу и бедру, заставляя ее посмотреть на меня:

— Мы можем сделать так, чтобы это сработало, у нас всегда получалось.

— Несколько месяцев не видеться друг с другом во время летних каникул в университете — это не одно и то же, Дин. Тебе придется жить в другом городе и путешествовать большую часть года. Я прохожу через это со своим отцом и братьями. Мне трудно не видеть их. С тобой было бы еще хуже.

— Это лучше, чем не видеть меня вообще. Ты нужна мне в моей жизни, Котенок.

— Ты мой лучший друг, Дин. Разве этого недостаточно?

Я качаю головой:

— Больше нет.

— Тогда я не уверена, что нам есть о чем говорить.

— Что это значит? Что ты даже не хочешь быть друзьями? Ты знаешь, как мне трудно излить тебе свое сердце, и теперь тебе больше нечего мне сказать?

— Мне жаль, Дин. Я бы хотела, чтобы все было по-другому. На данный момент все, чем мы можем быть — это друзьями. Разве ты этого не видишь? Мы бы только обрекли себя на неудачу. Ты бы проводил все свое время, скучая по мне, а я по тебе, и это отвлекающий фактор, который тебе не нужен.

— Ты никогда не станешь для меня отвлечением, — признаюсь я. — Я влюблен в тебя, Котенок. Моя жизнь неполна без тебя.

— Как насчет того, чтобы попробовать быть «друзьями с привилегиями» и посмотреть, что из этого выйдет?

— Серьезно?

Кэт кивает:

— Да, я вроде как скучаю по тебе, но не думаю, что отношения подходят нам. По крайней мере, не сейчас. Ты единственный мужчина, с которым я когда-либо была. Я хочу чтобы мне было что вспомнить, прежде чем наши пути снова разойдутся, — она убирает мою руку со своего бедра и просовывает ее себе между бедер. И на ней нет нижнего белья. — Я хочу провести остаток времени, которое у нас есть, вместе в этой постели.

— Но что насчет...

Она обрывает меня прежде, чем я успеваю закончить свою мысль.

— Как насчет того, чтобы я заключила с тобой сделку?

— Что у тебя на уме?

— В последний раз, когда мы были вместе, мы оба были пьяны. Не помогло и то, что мне пришлось прятаться на полу в твоём шкафу, пока ты рассказывал обо мне моему брату.

— Я все еще сожалею об этом, — говорю я ей, поглаживая большим пальцем ее подбородок. — Хотел бы я изменить все, что произошло в то утро.

— Что я хотела сказать, так это то, что, возможно, нам нужно все переделать, — Кэт берет мой палец и проводит им по своим гладким складочкам.

Я делаю глубокий вдох.

— Может быть, нам стоит попробовать еще раз.

— Я должен убедить тебя сексом? — я смеюсь над этой идеей. — А я-то думал, что уже сделал это.

Она стонет, когда я, наконец, беру инициативу в свои руки и засовываю в нее пальцы.

— Это то, чего ты хочешь, Котенок? — я ускоряю темп и наклоняюсь над ней.

Она закрывает глаза и мурлычет:

— Угу.

— Хорошо, потому что я хочу, чтобы ты кончила для меня.

— Я начинаю любить Плохиша Дина гораздо больше, чем раньше, — она говорит это с улыбкой.

Ее губы приоткрываются для меня, когда я целую ее, начиная медленно и страстно, интенсивность растет с каждым толчком внутри нее. Кэт обхватывает ладонями мой затылок, чтобы углубить поцелуй, медленно спускаясь вниз по моей спине.

Она проводит ладонью по моим шести кубикам и просовывает руку мне под боксеры, чтобы погладить мой член. Я пытаюсь сосредоточиться на чем-нибудь другом, кроме того, как приятно чувствовать ее теплую руку, обхватывающую меня. Звуки, срывающиеся с ее губ, только усиливают мое желание снять напряжение с моего тела.

Когда Кэт кончает для меня, я заглушаю ее стоны своим ртом, целуя до тех пор, пока ее тело не перестает биться в конвульсиях. Я хватаю ее за руку, приказывая остановиться, чтобы я мог стянуть боксеры с бедер. Устраиваясь между ее ног, я смотрю вниз на свою лучшую подругу, моего Котенка, единственную девушку, которую я когда-либо любил. Она прекрасно выглядит со своими светлыми волосами, рассыпавшимися веером вокруг головы. Насколько я знаю, это может быть наша последняя ночь вместе. Я хочу, чтобы каждая секунда была на счету.

Я закидываю ее ногу себе на плечо, располагаясь у входа, прежде чем на дюйм погрузиться в ее влагу. Я наклоняюсь вперед, чтобы пососать ее нижнюю губу, и просовываю язык ей в рот. С каждым поцелуем наша дружба и границы, которые мы уже пересекли, становятся еще более размытыми. Но ничто еще никогда не казалось мне таким правильным.

Животная страсть, которую я испытываю к Кэт, поглощает меня, умоляя вырваться на свободу. Она прикрывает рот подушкой, как только я закидываю ее вторую ногу себе на плечо. Нас объединяет глубокая связь, которую я никогда не испытывал ни к кому, кроме Кэт. У нас другой уровень близости. Мой мир начинается и заканчивается Кэт. За все время, что я ее знаю, ни одна другая женщина и близко не сравнивалась с ней.

Когда я набираю темп, ее глаза расширяются, и она впивается зубами в подушку. Когда ее глаза устремлены на меня, выражение чистого экстаза в них заставляет меня входить в нее сильнее, быстрее. Ее тело снова сотрясается в конвульсиях, хватка, которую она сжимает на мне, усиливается. Хотя ее крик и приглушен тканью, он разносится в безмолвном воздухе.

На мгновение меня охватывает паника. Я не хочу, чтобы это заканчивалось, но мысль о братьях Болдуин, выламывающих дверь, чтобы помешать нам, заставляет меня двигаться быстрее.

Она испускает последний вздох, наблюдая за мной, пока я нахожу свое освобождение. Я падаю на нее сверху и целую в губы, прежде чем перекатиться на матрас рядом с ней.

Убедил ли я ее, что у нас могло бы быть большее? Я надеюсь на это, потому что моя любовь к Кэт искренна. После того, как мы в последний раз занимались сексом, я был сбит с толку и не знал, как разделить свои чувства. После нескольких месяцев разлуки то, что я

чувствовал к ней еще в универе, стало только сильнее. Но как бы это сработало? Она права насчет того, что мы бы не виделись большую часть года.

Я подкладываю подушку под голову, и Кэт сворачивается калачиком рядом со мной, кладя голову мне на грудь:

— Почему тебя не могли выбрать «Блэкхокс» вместо «Флайерз»?

Я смеюсь и целую ее в лоб:

— Потому что мне не везет.

Она проводит пальцем по моему подбородку и улыбается:

— Я бы хотела, чтобы мы нашли способ заставить это сработать.

Ее слова как удар под дых.

— Мы можем, — говорю я ей. — Я найду способ.

— Думаю, мы можем посмотреть, что произойдет. Может быть, нам улыбнется удача.

— Даже если этого не произойдет, я сделаю все, что в моих силах, чтобы быть с тобой,

Котенок.

Она улыбается:

— Нам нужно немного поспать. Твой рейс вылетает через несколько часов.

— Я могу поспать и в самолете, — я хватаю ее за бедра и притягиваю к себе. Ее тело стало более округлым, чем раньше. Даже грудь у нее стала больше.

Взглянув вниз на мой член, она облизывает губы:

— У тебя снова встал.

— Я с тобой еще не закончил, — я приподнимаю ее ровно настолько, чтобы усадить на себя, осторожно, чтобы не заполнить ее всю сразу.

Она наклоняется вперед, прижимает ладони к моей груди и шепчет мое имя. Я смотрю на нее снизу вверх, надеясь, что это значит для нее так же много, как и для меня. Влюбиться в свою лучшую подругу было последним, чего я хотел. Но это произошло. Теперь нам нужно выяснить, как строить наши отношения дальше.

Четыре месяца после драфта в НХЛ

Дин

Катайся на коньках, тренируйся, практикуйся, повторяй. Таков был мой график большую часть лета и на протяжении всего предсезонного периода. Теперь вся моя жизнь вращается вокруг хоккея. Я продолжаю говорить себе, что это именно то, чего я хотел. Но, добившись всего этого успеха, я чувствую себя по-другому, когда мне приходится делать это в одиночку.

Несмотря на то, что я получил неплохую зарплату за первый год, которая позволила моей матери уволиться со всех её работ, я хотел бы, чтобы она приняла мое предложение пожить со мной в Филадельфии, но ей слишком нравится погода во Флориде. А ещё, есть Кэт, у которой стажировка и вся ее жизнь в Чикаго. Обеим моим девочкам кажется, что они находятся за тридевять земель, хотя от меня их отделяет всего несколько минут полета на самолете.

С каждой неделей и месяцем становится все труднее найти время, чтобы поговорить с Кэт. Все между нами пошло прахом после драфта. У меня никогда не бывает времени. Наши расписания всегда противоречат друг другу.

По дороге в клуб я нажал кнопку на руле, набирая номер Кэт. На ее линии раздается несколько гудков, прежде чем я получаю ее голосовое сообщение. Она закончила работу два часа назад. К этому времени Кэт уже должна была быть дома и смотреть телевизор перед сном. В последнее время она уставала из-за своей стажировки и часто рано отключается, что еще больше затрудняет нам общение.

Я скачаю по ней как сумасшедший. Совсем скоро моя команда будет в Чикаго играть с «Блэкхокс», и я наконец-то проведу ночь наедине со своей девочкой. Если она не начнет ненавидеть меня за все пропущенные разговоры. Я дал ей обещание, которое планировал сдерживать. Но наша разница во времени и расписания делают из меня лжеца.

Добравшись до «Забей гол», я заезжаю на переполненную парковку и с удивлением обнаруживаю стриптиз-клуб. Мои новые товарищи по команде, Лиам Уэст и Шейн Мёрфи, предложили мне встретиться с ними и выпить, но я предположил, что это спортивный бар. Если бы я не был с Кэт, Плохиш Дин вышел бы поиграть сегодня вечером. Но Кэт делает меня лучше. Несмотря на отсутствие секса в последние несколько месяцев, я должен вести себя наилучшим образом.

Чувство вины за то, что я нахожусь здесь без ведома Кэт, выводит меня из себя. Сейчас, больше, чем когда-либо, я хочу, чтобы она ответила на этот чертов звонок. Я набираю ее номер еще раз и получаю тот же результат. Я не хочу оставлять сообщение на ее голосовой почте о стриптиз-клубе. Сомневаюсь, что Кэт оценила бы это.

Когда я выхожу из машины и подхожу к зданию, Лиам и Шейн уже ждут меня у боковой двери, засунув руки в карманы зимних курток. Из всех моих товарищей по команде только Лиам и Шейн были рады мне. Паркер, Кейн и Донован — все они были придурками. На самом деле, Тайлер Кейн даже зашел так далеко, что попросил нашего тренера оставить меня на скамейке запасных. Он думает, что я играю грязно и что я не командный игрок.

Кейн может думать все, что ему заблагорассудится. Я привел свою команду универа к трехкратному званию чемпионов, не потому что использовал уловки и сомнительную

тактику, чтобы добиться этого. Первые несколько недель с «Флайерз» были тяжелыми. По крайней мере, у меня есть Лиам и Шейн. Они помогают снять напряжение в раздевалке и на льду.

— Как раз вовремя, — говорит Лиам. — Думали, ты снова собираешься нас кинуть.

— Нет, не в этот раз. Сегодня вечером вы застряли со мной.

— Давайте начнем эту вечеринку, — говорит Шейн, нажимая на кнопку звонка рядом с дверью.

Через несколько секунд красивая брюнетка в обтягивающей мини-юбке с улыбкой открывает дверь.

— С возвращением, — говорит она, обнимая Шейна за спину.

— Привет, Дреа, — он запечатлевает поцелуй на ее щеке, который она стирает с глупой ухмылкой.

— И тебе привет, Шейн, — она наклоняется к нему, демонстрируя впечатляющую грудь, по большей части покрытую шелковистыми темными волнами волос.

— У нас новый товарищ по команде, и нам нужно, чтобы ты ввела его в курс дела, — говорит Лиам Дреа. — Покажи ему VIP-обслуживание.

Дреа с улыбкой протягивает мне ладонь:

— Как тебя зовут, красавчик?

— Дин.

Дреа ведет меня в полутемный клуб в сопровождении Лиама и Шейна.

— О, я много слышала о тебе. Дин Кроуфорд, верно?

Я киваю:

— Он самый.

— Вживую ты выглядишь еще лучше.

— Думаю, спасибо.

Внутри заведение выглядит как типичный стриптиз-клуб — неоновые огни, зеркальные стены, кожаные диваны, столы со стульями, три сцены впереди и масса парней, которые толпятся вокруг девушек. Но пахнет приятно. Аромат трав и специй витает в воздухе вместо обычного запаха сигарет, отчаяния и секса.

Дреа ведет меня в отдельную комнату с такими же цветными светильниками и кожаными диванами, как и во всем остальном заведении. Полы из темного мрамора придают им блеск. С центра зеркального потолка свисает небольшая люстра. Куда бы я ни посмотрел, я вижу свое отражение, смотрящее на меня в ответ.

За небольшим баром справа от меня нас ждет блондинка топлес. Она сверкает сексуальной улыбкой и приветствует нас. Ее сиськи покачиваются, когда она поднимает бутылку водки, выглядя как обычная девчонка. Хуже всего то, что она напоминает мне Кэт. Я должен позвонить ей еще раз. Может быть, это заставило бы меня чувствовать себя менее виноватым за то, что я приехал сюда.

Дреа протягивает руку и указывает на диваны:

— Джентльмены, располагайтесь поудобнее. Я приведу девочек. Дин, у тебя есть какие-то предпочтения?

— Неа, — бормочу я.

— Ты уже знаешь, что нам нравится, — говорит Лиам.

— Да, конечно знает, — говорит Шейн, уставившись на девушку, разносящую напитки. Он облизывает губы и направляется к бару, игнорируя нас.

Дреа кивает и выходит из комнаты.

Шейн возвращается с барменшей. В руках у нее три рюмки. Я беру у нее рюмку и залпом осушаю её. Водка обжигает по пути вниз. Прошло несколько месяцев с тех пор, как я пил в последний раз. Мой последний раз был, когда я напился с Кэт и близнецами у бассейна. Чего бы я только не отдал, чтобы вернуться в универ, даже всего на несколько дней.

Лиам стряхивает руку барменши со своей и направляется ко мне:

— Можешь мне не поверить, но в этом заведении лучшая итальянская кухня в городе.

Я закатываю глаза, глядя на него:

— Ты издеваешься надо мной, да? Мы в стриптиз-клубе.

— Ни хрена подобного, — говорит он. — Я серьезно. Ты должен попробовать эту еду.

При мысли о еде в стриптиз-клубе меня тошнит. После очередной интенсивной тренировки с нашим тренером у меня слишком сильно болит живот, чтобы я мог игнорировать голодные боли. Что скажет Кэт о том, что я ем в стриптиз-клубе? Она, наверное, рассмеялась бы, а потом сказала бы мне, что я отвратителен.

Я следую за Лиамом и Шейном к буфету, установленному в задней части зала. Молодая девушка в черной майке стоит за столом с тарелкой в руке и готова обслужить нас.

Лиам проводит рукой по своим лохматым каштановым волосам и дарит ей одну из своих мальчишеских улыбок:

— Мне всего понемногу, — он бросает на меня взгляд через плечо. — Чего ты хочешь?

Я смотрю на девушку за столом:

— То же что и ему.

Мне все равно, что мы будем есть, лишь бы еда была вкусной. И все же мысль о том, чтобы поесть в стриптиз-клубе, заставляет меня внутренне смеяться. Это просто смешно. Шейн и Лиам настаивали на том, что приход сюда был правом одобрения для новых игроков. Думаю, это мое посвящение. Учитывая ситуацию, Кэт должна простить меня. Я сам бы сюда не пришел.

После того, как официантка подает нам наши тарелки, мы садимся на диваны и приступаем к еде. Я отправляю в рот лазанью, курицу и бог знает что еще и дочиста вылизываю тарелку. К тому времени, как Дреа снова появляется с кучкой девушек, у нас уже стоят вторые тарелки.

По просьбе Шейна, одна из девушек ставит поднос с рюмками на стол перед нами. Я не собираюсь выпивать свою долю из них. Нам нужно рано вставать на тренировку. К тому же, мне нужно вернуться в свою квартиру и быть хотя бы немного трезвым.

Откинувшись на кожаную спинку, я делаю несколько глотков, прежде чем блондинка запрыгивает ко мне на колени, полностью обнаженная, как будто я и так недостаточно чувствую себя виноватым. Из страха, что я буду выглядеть слабаком перед своими товарищами по команде, я терплю приватный танец.

Лиам обнимает рукой брюнетку со стикини на сосках (прим. стикини — наклейки на соски), в то время как у Шейна две девушки, по одной на каждом из его бедер, и его лицо засунуто между их грудей.

Шейн протягивает руку через девушку справа от себя и толкает меня локтем.

— Ты можешь улыбаться, когда других парней из команды нет рядом. Это тебя не убьет, Кроуфорд.

Я бросаю взгляд на Шейна и смеюсь:

— Тебе легко говорить.

— Мы все через это проходили, — говорит Лиам. — Не позволяй Кейну действовать тебе на нервы. Он как ребенок. Если ты продолжишь реагировать на его ерунду, он будет продолжать побъебывать тебя.

— Он поступает так с каждым новичком?

Шейн пожимает плечами:

— Почти. Не принимай это близко к сердцу. Это его способ ввести тебя в команду.

Я выпиваю янтарную жидкость из своей рюмки и наклоняюсь вперед, чтобы поставить ее на стол:

— У него забавный способ показать это.

— Большинство парней соглашаются со всем, что говорит Кейн. Игнорируй их. Играй усердно, продолжай приходить на тренировки вовремя и не высывайся. Если будешь делать это в течение нескольких месяцев и добавишь в процессе несколько очков, они перестанут доставлять тебе неприятности.

Лиам кивает в знак признательности и выпивает рюмку виски.

Разговор с моими товарищами по команде был приятным отвлечением от девушки у меня на коленях. Я притворяюсь заинтересованным. При других обстоятельствах я был бы в худшем состоянии, чем Шейн и Лиам. Откинув голову на подушку, я закрываю глаза, думая о Кэт. Весь день она поглощает мои мысли.

Еще пять песен — говорю я себе. Тогда мне нужно убраться отсюда и еще раз позвонить Кэт, прежде чем она ляжет спать.

Несколько песен быстро превратились в еще три часа. Каким-то образом Шейну и Лиаму удалось убедить меня остаться. Это было не из-за того, что я недостаточно старался. После того, как я, пошатываясь, добираюсь до своей машины и проскальзываю внутрь, я проверяю время на приборной панели и еще раз звоню Кэт.

— Привет, — ее голос звучит отстраненно, как будто она наполовину спит. Звук ее голоса успокаивает меня.

— Я разбудил тебя, Котенок?

— Да, но все в порядке. Я завалилась спать сразу после ужина. Уже встала. Как прошел твой день?

— Тяжело. Странно. А как насчет тебя?

Она смеется:

— У меня все в порядке, ничего особенного. Я работала над репортажем для прессы для одного из наших крупных клиентов. Это было почти все волнение, которое я испытал сегодня. Твой день был странным. Почему же так?

— Полная информация: я думал, что встречаюсь с Лиамом и Шейном, чтобы выпить в спорт-баре, а они повели меня в стриптиз-клуб. Пожалуйста, не сердись на меня.

Она вздыхает в трубку:

— Я не злюсь, Дин. По крайней мере, ты сказал мне это, вместо того чтобы скрывать.

— Я скучаю по тебе, — говорю я, сжимая руль.

— Я тоже скучаю по тебе, Дин. Больше, чем ты думаешь.

— Становится все труднее из-за того, что мы живем в разных городах. Я бы хотел, чтобы ты обдумала мое предложение переехать жить ко мне. Тебе бы понравилась моя новая квартира. Оттуда открывается вид на город, и она находится недалеко от всех ресторанов,

которые ты любишь.

— Я бы хотела переехать, но стажировка и вся моя жизнь в Чикаго.

— Ты могла бы заниматься тем же самым в Филадельфии. Уверен, что твой папа знает кого-нибудь из отдела спортивного вещания или коммуникаций в городе.

— Мы говорили об этом десятки раз, Дин. Я хочу закончить свою стажировку и посмотреть, предложат ли мне работу на полный рабочий день, прежде чем принимать какие-либо решения относительно нас. Хорошо?

— Ладно, — говорю я разочарованно. — Мне нужно тебя увидеть. От одного только звука твоего голоса у меня встает. Прилетай сюда на выходные, или я могу приехать в Чикаго.

— У тебя стояк? — она мурлычет эти слова в трубку.

Я хватаю себя за джинсы:

— Да и я бы хотел, чтобы ты была здесь и позаботилась обо мне.

— Ты все еще в стриптиз-клубе?

— На парковке.

— Мерзость, — то, как она это говорит, заставляет меня смеяться. — Позвони мне, когда вернешься домой, и мы поговорим с тобой о твоей проблеме.

— Секс по телефону, вот теперь это хороший разговор, Котенок. Ты должна позвонить мне по ФейсТайму, чтобы я мог подрочить на твои сиськи. Клянусь, они становятся все больше.

— Привет, Плохиш Дин, — говорит она, смеясь.

— Ну что? Я мужчина, и мне нравятся твои сиськи. Они чертовски идеальны.

— Каким-то странным образом этот разговор заставляет меня скучать по тебе еще больше, — говорит она.

— Я знаю, что ты имеешь в виду. Я скучаю по нам и по тому, как все было, когда мы учились в универе. Тогда жизнь была намного проще. Нам следовало сделать это давным-давно, вместо того чтобы ждать. То, что я не сказал тебе о своих чувствах ранее, всегда будет моим самым большим сожалением.

— Со мной тоже самое, — признается она. — Если бы только у нас было больше времени вместе. Быть взрослым — полный отстой.

— Расскажи мне об этом. Попробуй поиграть за команду, которая ненавидит тебя до глубины души.

— Они не ненавидят тебя. Перестань так драматизировать.

— Я серьезно. Это не то же самое, что играть за «Сенаторз».

— Тогда ты был большой рыбой в маленьком пруду. Теперь ты маленькая рыбка в океане. Ты должен заслужить уважение старших игроков. Они не дадут тебе его просто так. Дай им время. Даже у Дьюка, если можешь в это поверить, были проблемы с товарищами по команде в его дебютный год. Держись, и все наладится. Как только они увидят, насколько ты удивительно талантлив, они перестанут доставлять тебе столько хлопот.

— Спасибо, Котенок. А теперь, что насчет секса по телефону?

— Ох, Дин, — шипит она. — Позвони мне, когда вернешься домой, и ты тоже сможешь помочь мне снять напряжение.

— Хорошо, что я живу всего в десяти минутах езды отсюда.

— Будь осторожен, пожалуйста. Я знаю, что ты выпил. Веди машину осторожно.

— Да, мам, — отвечаю я невозмутимо.

Она хихикает:

— Позвони, когда будешь в постели и готов для меня.

— Я позвоню. Убедись, что не уснешь.

— Обещаю.

Через несколько секунд мы вешаем трубку. Все, о чем я могу думать — это как можно быстрее вернуться домой, чтобы провести так необходимое время наедине с Кэт. Я возьму все, что смогу получить.

Пять месяцев после драфта в НХЛ

Кэт

Встревоженная, я достаю свой сотовый телефон из сумки и просматриваю уведомления. Хмурюсь, когда до меня доходит, что ни одно из них не от Дина. Снова. Если бы я не хотела, чтобы эта стажировка превратилась в полноценную работу, я бы собрала свои вещи и отправилась домой на весь день. Но я не из тех, кто сдается, как бы сильно мне ни хотелось сдаться.

Мое настроение мгновенно меняется от счастливого к грустному. Даже мне надоело находиться рядом с самой собой, не говоря уже о моих братьях, которые были счастливы уехать учиться в университет и вернуться к занятиям по хоккею. Большую часть лета я была разъяренной сукой, особенно после отъезда Дина.

Бекка, моя бывшая соседка по комнате, а ныне коллега, хлопает меня по плечу, заставляя оторваться от мобильного телефона:

— Какие-нибудь новости от твоего парня?

Я качаю головой и кладу телефон на столик рядом с собой:

— Он не мой парень.

Она пожимает плечами:

— Ты же знаешь, что я имею в виду.

— Нет, от него ничего не слышно.

Несмотря на то, что прошло четыре месяца с тех пор, как я в последний раз видела Дина, мы либо разговариваем, либо переписываемся каждый день. За исключением последних трех дней. *Чем он занят?* Мне следовало бы написать ему, но я не хочу его отвлекать. Не то чтобы Дин ответил, так как он все равно должен быть на тренировке.

Пройдя через это со своей семьей, я попыталась сказать Дину, что отношения будут тяжелыми для нас обоих. Если то, что у нас есть, вообще можно еще назвать отношениями. Несмотря на свое здравомыслие, я сказала Дину, что попробую это сделать. Но боль от постоянного одиночества убивает меня, разрывает на части изнутри.

Из-за того, что мои гормоны не в порядке, мне еще труднее подолгу не получать вестей от Дина. Я до сих пор не рассказала ему о ребенке, потому что думала, что у нас будет больше времени вместе. Он должен услышать эту новость лично. Но с каждым днем это кажется все менее вероятным. В большинстве случаев мне везет, если я успеваю поговорить с ним десять минут, прежде чем он вешает трубку.

— Как ты себя чувствуешь? — Бекка наклоняет голову к моему животу. — Ты уже рассказала своему папе?

— Нет, я не уверена, как ему сказать.

— Позвони ему по телефону и скажи, что я беременна, а потом положи трубку, — она смеется. — Шучу, но, если говорить серьезно, это может быть проще, чем то, что ты делаешь.

— Я так редко вижу со своим папой, что, знаешь ли, не нашла подходящего времени. Я его единственная дочь. Чувствую себя его огромным разочарованием.

Она откидывается на спинку стула и оглядывает столовую:

— Все еще не могу поверить, что чтобы рассказать мне, потребовалось так много

времени, что уже живот начал показываться. Я думала, мы кореша.

Я смеюсь:

— Ты первый и единственный человек, которому я рассказала. Считай себя частью моего ближайшего окружения.

— А как насчет папочки твоего малыша?

Я качаю головой из стороны в сторону:

— Нет, думаю, так будет лучше.

Я стала таким человеком, которого сама ненавижу — лжецом. Теперь все, что я делаю — это лгу людям, которые мне небезразличны, и все потому, что я не хочу никому рассказывать о ребенке. Он появится на свет, планирую я это или нет, но я продолжаю откладывать то, чтобы рассказать всем.

— У твоего сына должен быть отец.

— Легче сказать, чем сделать, Бек. Я пыталась сказать ему миллион раз, но не могу этого сделать. Ничего не выходит. Я коченею.

— Ты должна сказать Дину.

Я прочищаю горло, поперхнувшись содовой:

— Нет.

— Раньше ты ему все рассказывала. Что с вами случилось, ребята?

Всё. Слишком многое. Ребенок.

— Мы отдаляемся друг от друга, — признаюсь я, опечаленная переменой в наших отношениях. — У Дина — хоккей. У меня — этот ребенок и стажировка.

— Я всегда думала, что вы двое в конечном итоге будете вместе, особенно после того, как вы, ребята, переспали.

— Мы выбрали неподходящее время и слишком большое расстояние между нами.

— Вы двое были бы милой парой.

Я улыбаюсь, чтобы скрыть внутреннюю боль.

Большую часть своей жизни я держала все в себе из страха побеспокоить кого-нибудь своими проблемами. Поскольку моим старшим братьям приходилось растить близнецов и меня, у них было и так достаточно забот, когда мы были детьми. Мой отец едва мог функционировать, кроме игры в хоккей после смерти моей мамы. Мы наконец-то двигаемся дальше по нашей жизни. Последнее, что я хочу делать — это кинуть еще одну проблему в их жизни. Но я должна во всем признаться.

— День благодарения в следующем месяце. Ты должна рассказать всем, прежде чем сядешь ужинать, готовая вот-вот родить ребенка.

— У меня есть еще немного времени после Дня благодарения.

— Не так уж много, — она тянет меня за руку. — Перестань быть такой упрямой и расскажи хоть кому-нибудь, кроме меня. Весь этот стресс не может быть полезен ребенку.

— Ты права. Врач сказал, что у меня было немного учащенное сердцебиение, когда я в последний раз проходила обследование.

— Ты лишаешь своего ребенка отца. У него должна быть возможность увидеть своего сына. Тебе следует отправить ему копию сонограммы.

— У него день рождения на следующей неделе, — шучу я, хотя это правда. В следующий вторник Дину исполнится двадцать три. — Не думаю, что Дин был бы в восторге от моего сюрприза.

— Разве день рождения Дина не около Хэллоуина?

— Прямо на Хэллоуин. Разве ты не помнишь все вечеринки, которые он устраивал, чтобы отпраздновать это событие?

Она хихикает:

— Вот так и родился Плохиш Дин. Я уже скучаю по тем вечеринкам. Реальная жизнь — отстой.

— Расскажи мне об этом. Чего бы я только не отдала, чтобы повернуть время вспять и вернуться в универ еще на месяц.

— Не верится, что Дин — отец ребенка, — она наклоняется вперед и кладет локти на стол, удерживая меня взглядом.

Пристыженная, я отвожу от нее взгляд.

Она понижает голос до шепота:

— Не унывай, Кэт. Дин Кроуфорд — папа твоего ребенка. Ты точно знаешь, кого следует выбирать.

Я подношу палец ко рту, поворачиваясь в ее сторону:

— Тссс...

— Что? Я же никому об этом рассказала.

— Мы работаем на спортивный журнал. Никто не должен знать об этом, хорошо?

— Так вот почему ты была так молчалива по поводу сложившейся ситуации.

— Да. Я не хочу, чтобы моя личная жизнь влияла на эту стажировку.

— Рано или поздно кто-нибудь узнает, тебе не кажется? Ребенок — это непростой секрет, который легко сохранить. Как только он родится, люди начнут задавать много вопросов.

— Что ж, в этом преимущество того, что у тебя нет большого живота и ты живешь в холодном городе. Мне сойдет с рук множество объемных свитеров и одежды оверсайз.

— Я все еще не могу поверить, что твой отец этого не заметил. Вы живете в одном доме.

— Он бывает дома только раз в неделю, и когда мы тусуемся вместе, он не пялится на мой живот. Даже если бы он заметил, что я прибавила в весе, он бы никогда и слова не сказал.

— Но ты же записана в его страховке. Разве он не видит счета от врача?

— Нет, они идут к его бухгалтеру, чтобы он их оплатил.

— И все же, я думаю, тебе следует сказать ему. И Дину, — она качает головой. — Не могу поверить, что Дин — отец ребенка. После стольких лет, когда вы двое были просто друзьями, ты забеременела от него. Этот ребенок будет красавчиком. Уверена, что он вскружит всем голову точно так же, как его папочка.

Я улыбаюсь при мысли о Дине и его красивом лице:

— Я скучаю по нему, — выдыхаю я, изо всех сил стараясь сдержать слезы. — Я должна была сказать Дину, когда он был здесь этим летом. Я слишком боялась потерять его, хотя он был тем, кто хотел большего.

— Я бы дала ему все, что бы он ни захотел, — говорит Бекка со смехом в голосе. — Дин — тот еще горяченький хоккеист.

— Уж мне ли не знать, — уголки моего рта слегка приподнимаются. — Я скучаю по тому, что он в моей жизни. Мне было тяжело без него.

— Почему бы тебе не навестить его?

— Это сложно.

— Ну, тогда не усложняй. Если хочешь быть с Дином и хочешь, чтобы он сыграл определенную роль в жизни твоего ребенка, тогда тебе нужно сделать следующий шаг.

— Во-первых, мне нужно рассказать моему отцу и братьям о ребенке. Я хочу посмотреть, как они отреагируют, прежде чем я расскажу Дину. Может быть, я слетаю в Филадельфию и сделаю ему сюрприз на день рождения.

— На этот раз ты должна рассказать ему. Не беспокойся о том, как он отреагирует. Если тебе нужно будет написать это на его поздравительной открытке, тогда сделай это. Даже это будет лучше, чем не говорить ему вообще.

— Спасибо, Бек. Думаю, все, что мне было нужно — это пинок под зад.

Она одаривает меня озорной ухмылкой:

— Я с радостью надеру тебе задницу. Наклонись и прими нужное положение.

Я смеюсь:

— Я чувствую себя намного лучше, делаясь с тобой, вместо того чтобы держать все это внутри.

— Могу только догадываться. Ты почувствуешь себя в миллион раз лучше, как только расскажешь об этом своей семье и Дину. Иди закажи билет на самолет и запланируй телефонный разговор со своими братьями.

— Я бы хотела, чтобы мне не пришлось делать это по телефону, — я вздыхаю. — Дьюка хватит удар, когда я ему расскажу.

Бекка похлопывает меня по плечу:

— Удачи. У Дьюка чертовски вспыльчивый характер. Я бы не хотела это видеть, если бы была Дином.

— Ему нравится Дин, даже несмотря на то, что он достает его. Всем моим братьям он нравится. Мой папа обожает его.

— Да, но как они к нему отнесутся, когда узнают, что ты забеременела от него, а потом он уехал играть в хоккей в другой город?

— Это не его вина. Я ведь не говорила ему.

— Верно, но посмотри на это с точки зрения твоего отца и братьев. Они предположат, что он знал, поскольку Дин — твой лучший друг.

— Это будет выглядеть так, будто он бросил меня, — бормочу я, сдувшись.

— Угу.

— Но Дин никогда бы этого не сделал.

Бекка встает со своего стула и берет наши подносы с обедом:

— Мы то это знаем, но знают ли твои братья?

— Да, думаю да.

Когда она отходит от нашего столика, чтобы вынести мусор, я задаюсь вопросом, права ли она. Моя семья, возможно, смотрит на вещи иначе, чем я. Близнецы будут чувствовать себя преданными Дином. Дьюк разозлится, что я доказала его правоту. Остин расстроится из-за того, что я слишком боялась сказать ему. Но мой папа будет разочарован больше всех.

Смогу ли я это сделать? Хватит ли у меня сил? Я не просто так откладывала принятие этого решения. Но была ли от этого вообще польза? Думаю, пришло время поступить правильно.

Поскольку вся моя семья жила в разных городах, у меня не было другого выбора, кроме как назначить с ними встречу по телефону. Когда я была младше, мы постоянно так делали.

Это был способ моего отца не отставать от нашей жизни, когда он был в разъездах.

Я сажусь на кровать, дрожащей рукой снимаю трубку и сначала звоню Остину, потому что его голос успокаивает меня. Как и Дин, Остин всегда знает, что сказать. Затем я общаюсь с Тео и Такером, которые кричат в трубку, за ними следуют Дьюк и мой папа. Я приберегла их напоследок, потому что рассказать им для меня страшнее всего. В некотором смысле я рассматриваю Дьюка как продолжение моего отца.

— Привет, милая, — кричит папа в трубку, как будто пытается перекричать толпу. — В чем дело? Я выхожу в эфир примерно через тридцать минут.

— Мне нужно сказать вам всем кое-что важное. Вы сидите?

— Что ты сделала? — Дьюк рычит.

— С чего ты взял, что я сделала что-то не так, Дэнни?

Он дует в трубку, раздраженный, потому что ему не нравится, что я использую его настоящее имя:

— Прости.

— То, что я хочу сказать вам, ребят, мне трудно произнести. Можете просто позволить мне снять с себя это бремя, не перебивая меня?

Они все согласны.

Я делаю глубокий вдох и выдыхаю. Нервная энергия волнами пробегает по моему телу, поджигая мою кожу. Бекка была права. Стресс вреден для ребенка. Чем больше я волнуюсь, тем чаще замечаю, что он пинает меня. Он как будто чувствует мое настроение и расстраивается вместе со мной.

— Я беременна, — выпаливаю я.

Теперь, когда я раскрыла свой секрет, меня охватывает облегчение.

— Ты что? — говорит папа. — Ты сказала, что беременна, Кэт?

— Да, папа. Я беременна. Я хотела сказать всем вам лично, но наши расписания никогда не совпадают.

— Ты уверена? Ты ходила к врачу? — спрашивает папа.

— Да, пап. У меня будет мальчик.

— Как давно ты знаешь?

— Семь месяцев, — признаюсь я.

— Милая, почему ты скрывала от нас что-то подобное? — он колеблется секунду, на этот раз с волнением в голосе. — У тебя будет мальчик? Я стану дедушкой.

Почему он на меня не сердится?

— Мне жаль, папа. Я должна была сказать тебе.

Он не отвечает, или, по крайней мере, я не могу расслышать из-за своих братьев.

— Я возвращаюсь домой, чтобы увидеть тебя, Кэт, — говорит Остин. — Я смогу возить тебя на приемы.

Это всегда было работой Остина. Чего бы я только не отдала, чтобы сейчас он был со мной дома. Всегда спокойный и уравновешенный, Остин — тот самый брат, которому я должна была рассказать еще летом. Но он никогда не стал бы хранить секрет от нашего отца. Это съело бы его заживо. Он всегда был ужасным лжецом.

— Кто отец ребенка? — говорит Дьюк со злостью в голосе. Он звучит как Брюс Бэннер, готовящийся превратиться в Халка.

— Да, а кто отец? — говорят близнецы в унисон.

— Ребят, обещаете, что не взбеситесь?

— Нет, — говорит Дьюк.

— Хорошо, — добавляют близнецы.

— Я ему еще не сказала.

— Кэт, кто отец ребенка? — говорит Остин. — Просто скажи нам. Мы не будем злиться.

— Дин, — говорю я. Мой голос звучит почти шепотом.

— Ты, блядь, издеваешься надо мной? — голос Дьюка звучит так, словно он скрежещет зубами, когда говорит. — Все это время ты пыталась убедить меня, что не трахалась с этим мудаком, а потом он обрюхатил тебя и оставил одну разбираться с ребенком?

— Он не бросал меня, Дэнни. Дин даже не знает.

— Ты и Дин? — голос Тео звучит озадаченно.

— Серьезно? — добавляет Такер. — Итак, вы, ребята, были вместе все это время?

— Вы двое что, настолько, блядь, безмозглые? — Дьюк кричит так громко, что у меня болят барабанные перепонки.

— Прекрати, Дьюк, — теперь папа разозлился. — Не разговаривай так со своей сестрой и братьями.

— Прости, пап, но это просто бред.

— Кэт, я буду дома через несколько дней, — говорит папа.

— Я тоже, — говорит Остин. — Я могу остаться на ночь в субботу.

— Пожалуйста, ничего не говори Дину. Все вы. У меня еще не было возможности сказать ему об этом.

— Я даже не хочу с ним разговаривать, — говорит Такер со злостью в голосе.

— И я тоже, — говорит Тео. — Я не могу поверить, что он сделал это с тобой. С нами. Чертов мудака.

— Он ничего никому из вас не сделал. Это касается только нас с Дином. Ладно? Просто позвольте мне разобраться с этим.

— Когда я увижу его в следующий раз — он будет мертв, — говорит Дьюк.

— Дэнни, пожалуйста, ничего не делай.

— Не могу пообещать этого прямо сейчас, Кэт.

Я откидываю голову на стопку подушек на своей кровати и закрываю глаза. Может быть, им просто нужно время, чтобы все обдумать. Мне потребовались месяцы, чтобы смириться со своей новой жизнью. Теперь же я должна набраться смелости и рассказать Дину.

Пять месяцев после драфта в НХЛ

Дин

В нашем первом матче против «Кэпиталз» я имею удовольствие сыграть против Дьюка Болдуина. Он громила, крупный парень и единственный игрок на льду, с которым вы не захотите связываться, если только у вас нет желания умереть. Известный всем в НХЛ как «Крушитель Болдуин», Дьюк заработал себе репутацию благодаря своим выдающимся нокаутам. Как силовик своей команды, Дьюк специализируется на драках.

Некоторые ребята из моей команды даже обсуждали свою стратегию игры против Дьюка. Я должен быть взволнован. Но это не так.

После того, как наш защитник перехватывает шайбу, он передает ее мне, и я бегу по льду. Прекрасно осознавая присутствие Дьюка и его близость, я качусь быстрее, оглядываясь через плечо, когда добираюсь до центра льда. Я перевожу шайбу на свой слабый фланг, держа ее подальше от клюшки Дьюка. Но у него прекрасно получается заставить меня делать то, что он хочет, потому что мои неудачные попытки увернуться от Дьюка приводят к тому, что мы врезаемся в борт.

Вместо того чтобы потянуться за шайбой, он стягивает с рук перчатки и бросает их на лед вместе с клюшкой. Его действия застают меня врасплох, выводя из моей стихии.

Он хочет подраться со мной?

Прежде чем я успеваю подготовиться, Дьюк хватает меня за воротник футболки.

— Теперь ты мой, придурок, — выдыхает он мне в щеку.

Я пытаюсь откатиться в сторону, все еще владея шайбой, прежде чем один из его товарищей по команде подходит сбоку и крадет ее у меня между ног. Присутствующие на «Кэпитал Уан Арена» встают, ожидая следующего хода Дьюка. Он притягивает все внимание, как рестлер, устраивающий шоу. Я вырываюсь из его хватки, но только на несколько секунд. Дьюк впечатывает меня в оргстекло, как будто я ничего не вешу, заставляя потерять равновесие.

Крепко схватив меня за воротник, Дьюк дергает так сильно, что я падаю назад, прямо ему на грудь. Я одариваю его едкой ухмылкой, на которую он отвечает, гневно сжав челюсти.

— Это за Кэт и Ноя, — рычит он мне на ухо. — Ты ебанный подонок.

— Кто такой Ной? — выдыхаю я, мое лицо искажается от гнева.

— Твой сын.

Мой сын?

— О чем ты говоришь?

— Ты знал. Не ври мне, блядь.

Джерси (прим. верхняя часть хоккейной формы) задирается у меня на спине, когда Дьюк сильнее ударяет меня лицом о плексиглас. Я разворачиваюсь, все еще пытаюсь вырваться из его хватки, когда Дьюк наносит мне хук правой в челюсть, за которым следует удар, который валит меня на землю. Но он не ослабляет хватки, ни на секунду.

— Кэт беременна твоим ребенком. Не делай вид, что ты не знал.

Склонившись надо мной, Дьюк наносит еще несколько ударов, от которых лед покрывается кровью, прежде чем два линейных судей хватают его за руки.

В шоке я опускаюсь на лед, испытывая боль от ударов, которые я получил от Дьюка, и оцепенение от новостей о Кэт. *Она беременна? Моим сыном?* Я не знаю, что болит сильнее — моя челюсть или предательство Кэт.

Одобрительные возгласы толпы становятся громче, когда Дьюк отбивается от судей локтем, и когда я меньше всего этого ожидаю, он бьет меня коленом в лицо. Удар в лицо заставляет мое тело обмякнуть, и я падаю навзничь на лед. Прежде чем мои глаза закрываются, я наблюдаю, как Дьюк вскидывает руки в знак победы, собираясь повернуться лицом к болельщикам, когда его кулак сталкивается с челюстью судььи позади него.

Врач команды подходит, чтобы проверить мои жизненные показатели и посветить мне в глаза. Некоторые из моих товарищей по команде кружат вокруг нас, надеясь нанести точный удар по Дьюку. Его товарищи по команде катаются вокруг них, чтобы заблокировать других игроков, хотя ему и не нужно, чтобы они прикрывали его. Последний игрок, ударивший судью, потерял месячную зарплату и заработал солидную дисквалификацию.

Надеюсь, порча моего лица того стоила, придурок.

Пока официальные представители уводят Дьюка со льда, мне помогают врач и мои товарищи по команде, которые поднимают меня с земли. Удар ниже пояса для моего первого года в лиге. Этот бой будет в каждом ролике в ближайшие недели. Но что меня больше всего беспокоит, так это то, что он сказал о Кэт... и нашем сыне.

Как она могла скрыть что-то подобное от меня, от всех остальных людей? Мы всем делимся друг с другом. Я хочу верить, что Дьюк неправильно все понял и он бредит. Кэт задолжала мне объяснений из-за моего лица, этой ссоры и нашего ребенка.

После того, как отёк на моем глазу спал и я смог видеть достаточно, чтобы вести машину, врач команды разрешил мне покинуть здание. Я несколько раз набирал номер Кэт, каждый раз попадая на голосовую почту. Я оставил ей несколько гневных сообщений, на которые она до сих пор не ответила.

Почему она избегает меня? Должно быть, в словах Дьюка есть доля правды. Держу пари, она даже посмотрела драку по телевизору. Она никогда не пропускает мои игры.

Когда я вхожу в отель, швейцар пристально смотрит мне в лицо и хлопает по плечу: — Хорошая игра, сынок. В следующий раз повезет больше.

Хотел бы я сказать что-нибудь умное, например, *тебе стоило бы посмотреть на другого парня*, но у меня не было никаких шансов против Дьюка. Он застал меня врасплох и ошеломил своими словами. Отсутствие реакции — причина того, что мое лицо выглядит так, словно Дьюк разбил его на мелкие кусочки.

Я киваю и выдаю улыбку с закрытыми губами. Мне слишком больно, чтобы делать какие-либо резкие движения.

Оказавшись внутри лифта, я делаю глубокий вдох и выдыхаю. Поездка на мой этаж усиливает головокружение, заставляя меня держаться за стену, пока двери не откроются. Я, пошатываясь, добираюсь до конца коридора и достаю из кармана пластиковый ключ от номера.

Несколько секунд спустя я толкаю дверь в свой номер и тащусь в ванную. Выложенные от пола до потолка белым мрамором, отели, подобные этому, становятся для меня нормой, хотя я и не в своей тарелке. Когда я был ребенком, у моей мамы почти никогда не было денег, чтобы взять нас в отпуск. Самое близкое, что у нас было к отдыху — это двухчасовая поездка на машине до пляжа.

Теперь я останавливаюсь в местах, где у меня под рукой есть все, о чем я когда-либо мог мечтать. Я достаю мочалку из корзины в центре двойной раковины и опускаю ее под холодную воду. На моей щеке несколько порезов, кожа уже начинает темнеть.

Как Кэт могла так поступить со мной? Я доверил ей свою жизнь. И она предала меня.
Почему она не отвечает на гребаный телефон?

Глядя в зеркало, я опираюсь ладонями о край раковины и внимательно рассматриваю свое лицо. Мне никогда не нравился Дьюк. Теперь у меня есть веская причина ненавидеть его. Он всегда был прав насчет Кэт и меня.

Я бросаю полотенце на стойку и еще раз проверяю свой мобильный телефон. Ничего. Четыре года дружбы должны дать мне право хотя бы на звонок из вежливости. Я снимаю с себя одежду и включаю душ, позволяя пару окутать мою голову, прежде чем забраться в огромную кабинку. Вода заставляет меня вздрагивать каждый раз, когда попадает на определенные синяки на моем лице, боль — постоянное напоминание о сегодняшнем вечере. Поэтому, я поворачиваюсь и позволяю ей стекать по моей спине.

Сомневаюсь, что вообще смогу заснуть после всего, что произошло на льду. Завтра вечером у нас еще одна игра. Все, что потребуется — это случайное давление, чтобы мои порезы снова открылись. Врач отказался отпускать меня, пока кровотечение не уменьшится до того уровня, который он считал разумным.

— Я хоккеист, — сказал я ему, — просто намажу их вазелином и вернусь на лед.

Доктор был не слишком в восторге от такого ответа. Мне было чертовски больно, когда я смеялся. Мой тренер тоже со мной не согласился. Итак, мне пришлось отсидеться до конца игры, и все из-за гребанного Дьюка Болдуина.

После того, как я наполняю всю ванную паром, я выключаю воду и выхожу, обернув полотенце вокруг талии. Раздается звонок, и звук разносится эхом по всему номеру.

В каком гостиничном номере есть дверной звонок?

Я смеюсь про себя, направляясь открывать дверь, но даже это, черт возьми, убивает меня. Малейшие движения моей челюсти вызывают дрожь в ушах.

Я хватаюсь за ручку и распахиваю дверь, забывая, что я все еще в полотенце, но мне на это наплевать.

— Привет, — говорит Кэт, прикусывая нижнюю губу. Она положила руки на живот.

Мой рот открывается от шока, заставляя меня поднять руку, чтобы прикрыть лицо от боли. Я недоверчиво качаю головой, глядя на нее:

— Это правда, — я с трудом выговариваю слова. — Как ты могла?

— Можно войти? Мне нужно с тобой поговорить.

— Не могу... — я делаю несколько шагов назад, комната кружится вокруг меня.

— Пожалуйста, Дин. Мне так жаль.

— За что? Послать за мной Майка Тайсона или прятать от меня нашего ребенка, — я пытаюсь захлопнуть дверь у нее перед носом, но Кэт проталкивается в комнату.

— Я не хотела, чтобы что-то из этого случилось.

Я поворачиваюсь к ней спиной и иду в гостиную:

— Убирайся, Кэт. Я не могу сделать это сегодня вечером.

— Но я же твоя лучшая подруга.

Я разворачиваюсь к ней лицом, мои зубы сжаты от гнева:

— Не используй эту фразу в отношении меня. Мы не... мы ничто, — у меня болит грудь от всего этого давления, нарастающего внутри. Недостаток кислорода в моей голове

вынуждает меня держаться за подлокотник дивана.

— Дин, ну же, — Кэт придвигается ко мне на дюйм. — Не веди себя так. Я крупно облажалась. Я знаю.

Вместо того чтобы смотреть на ее лицо, все, на чем я могу сосредоточиться — это на огромном округлившемся животе. Мой малыш. По мере того как моя кожа становится все горячее, напряжение в груди усиливается, сбивая меня с ног. Я погружаюсь в мягкую ткань и изо всех сил вцепляюсь в подушку. Я наклоняюсь вперед, надеясь, что это поможет мне отдышаться.

— Вызови врача, — говорю я ей, уставившись в пол.

Она подходит ко мне вплотную и сжимает мой бицепс своей крошечной ручкой: — У тебя паническая атака. Контролируй свое дыхание. Все будет хорошо, — Кэт опускается на пол передо мной, держась одной рукой за мою руку, а другой за свой живот.

Дьюк говорил правду. Чем больше я думаю о Кэт, ребенке и всей ее лжи, тем труднее мне слушать ее голос, когда она говорит мне сделать глубокий вдох.

Пять месяцев после драфта в НХЛ

Кэт

Когда я смотрела по телевизору, как Дьюк выбивает дерьмо из Дина, мне хотелось прыгнуть сквозь экран и убить своего брата. Я хотела сказать Дину лично. Дьюк знал, что я забронировала и подтвердила свой билет на самолет на эти выходные. *Какой ебанный придурок.* Даже близнецы держались на расстоянии от Дина, чтобы я могла первой рассказать ему об этом. Ну, думаю, близнецы злятся на Дина за то, что он не рассказал им о наших тайных отношениях. Им нужно больше времени, чтобы переварить новость о ребенке.

Не раздумывая, я вскочила на ближайший самолет из О'Хары и полетела напрямик в Вашингтон, округ Колумбия. Как только я приземлилась, я получила тонну гневных сообщений от Дина, но я проигнорировала их все с твердым намерением поговорить с глазу на глаз, что нам следовало сделать несколько месяцев назад.

Сказав Дину подышать в течение десяти минут, он, наконец, успокаивается, позволяя мне провести пальцами по его руке.

Он кладет руки мне на плечи и пристально смотрит в глаза, удерживая меня на месте.

— Почему, Котенок? Почему ты скрывала это от меня?

— Я не хотела разрушать твою жизнь. Тебе и твоей маме и так было достаточно тяжело. Ребенок — это еще одно осложнение, с которым тебе не нужно иметь дело.

— Ты говоришь о моем ребенке. Нашем ребенке. Я бы никогда не стал рассматривать его как некую проблему. Я — не мой отец.

— Я знаю это, Дин, — я выдохнула. — Я не это имела в виду. Все вышло неправильно. Видишь, именно поэтому я хотела поговорить об этом лично.

— Почему ты ждала так долго? Сколько уже месяцев?

Я встаю с пола и сажусь рядом с Дином на диван:

— Больше семи месяцев.

Его лицо искажается от гнева:

— Ты знала об этом семь месяцев и не подумала рассказать мне раньше? Я должен был это выяснить, когда твой придурок братец наносит мне удары.

— Ему не следовало этого делать. Мне так жаль.

— Ты права. Если бы ты сказала мне об этом несколько месяцев назад, этой драки вообще не было бы.

— Дьюка отстранят за это.

— Предполагаешь, что от этого я почувствую себя лучше?

Я пожимаю плечами:

— Нет, но подумала, что это поможет.

— Он напал на меня и нокаутировал судью. Ему повезет, если он снимет дисквалификацию хотя бы к концу сезона.

— Да, знаю. Мой отец в бешенстве. Ты бы видел его по телевизору, когда он пытался рассказать о том, что произошло между тобой и Дьюком. Он даже извинился в прямом эфире перед тобой и лигой за поведение Дьюка.

— Твой отец не виноват в том, что Дьюк мудака.

— У него проблемы с гневом, — я глажу Дина по плечу. — Мне жаль, что он выместил

его на тебе.

— Почему ты здесь, Кэт? — Дин откидывается на спинку стула и кладет голову на подушку, уставившись в потолок. — Дьюк уже разрушил твой секрет.

Меня убивает, что Дин даже не может посмотреть на меня. Я переплетаю свои пальцы с его и держу его руку в своей.

— Дин, пожалуйста, просто послушай меня минутку. Я ничего не могу сделать или сказать, что улучшило бы эту ситуацию, но мы можем постараться двигаться дальше. Нравится нам это или нет, но через два месяца у нас родится ребенок. Он будет здесь в мгновение ока. Я не хотела обременять тебя всем этим в течение твоего первого года в лиге.

— Дерьмовая причина скрывать это от меня. Я имел право знать о своем сыне.

— Знаю. Я не знаю, сколькими способами я могу извиниться. То, что я не сказала тебе, всегда будет моим самым большим сожалением.

— Ты знаешь, как я рос, Кэт. Моего отца никогда не было рядом. Я не видел его столько лет, что уже даже не могу вспомнить, как он выглядит. Он оставил мою маму с кучей счетов, которые нужно оплатить, и ребенком. Так, с чего ты вообще взяла, что я мог так поступить с тобой? Я хочу быть частью жизни моего сына.

— Конечно, — я сворачиваюсь калачиком рядом с Дином и глажу пальцами его ушибленную щеку. — Я тоже хочу, чтобы ты был частью его жизни. Мы можем сделать так, чтобы это сработало.

— Ты переезжаешь в Филадельфию, — говорит он, поднимая голову с дивана. Он морщится от боли, поворачиваясь ко мне лицом. — Даже слышать больше не хочу ни слова о твоей стажировке. Ты можешь получить другую.

— Но... — выдохнув, я даже не утруждаю себя спором.

— Никаких «но», Котенок. Ты переезжаешь жить ко мне. У нашего ребенка будут мать и отец.

— А что насчет нас?

Он прищуривает глаза, глядя на меня:

— А что насчет нас?

— Ты ненавидишь меня? — я прикусываю нижнюю губу, ожидая его ответа, и между нами проходит мгновение.

— Нет, я никогда не смог бы возненавидеть тебя. Я злюсь на тебя. Мне нужно, чтобы ты дала мне немного времени и пространства, чтобы все обдумать.

— Мы расстаемся?

— А мы когда-нибудь были вместе?

— Только потому, что ты зол, не значит, что ты должен вести себя как мудака.

Он стряхивает мою руку с себя и встает с дивана:

— Тебе следует вернуться в Чикаго и собрать свои вещи.

— Но у меня были для нас планы. Я хотела сводить тебя в какое-нибудь особенное место на твой день рождения.

— В чем смысл, Кэт? У меня нет праздничного настроения. Мое лицо выглядит так, будто я провел двенадцать раундов с Холифилдом (прим. американский боксер), и я даже не могу смотреть на тебя, не стиснув челюсти, что только усиливает боль.

— Оууу, — говорю я, поднимаясь с дивана и хватаясь за живот.

Дин подходит ко мне и хватается за руку:

— Ты в порядке, Котенок?

Я беру его руку и кладу себе на живот, глядя на Дина снизу вверх:

— Твой ребенок пинает меня. Думаю, он станет хоккеистом. Он агрессивен, совсем как его папа.

Впервые с тех пор, как я вошла в гостиничный номер, Дин улыбается мне. Он наклоняется передо мной, держась за мои бедра, и прижимается щекой к моему животу. Пораженный, он отступает, когда Ной снова пинает его.

— Привет, малыш, — шепчет он нашему сыну. — Я твой папа.

Я провожу пальцами по влажным волосам Дина. На нем все еще надето только полотенце после душа, что немного отвлекло меня на протяжении большей части нашего разговора. Прошло слишком много времени с тех пор, как мы в последний раз были вместе.

— Ты будешь замечательным отцом, Дин.

Он поднимает на меня взгляд:

— Ты так думаешь?

Я киваю.

— Я знаю это. Нашему сыну повезло, что у него такой отец, как ты.

— Ной. Так ты хочешь его назвать?

— Мне нравится это имя.

Он улыбается:

— Мне тоже. Ной Кроуфорд. Подожди, пока я расскажу маме о ее внуке. Он смог бы уговорить ее переехать из Флориды.

— Она могла бы быть нашей няней. Мне понадобится помощь с ним, когда ты будешь в дороге.

Он встает, все еще держась за мои бедра, и запечатлевает поцелуй на моей щеке. — Мы сделаем так, чтобы это сработало.

— Значит ли это, что ты больше не злишься на меня?

— Нет, я все еще зол на тебя, — он наклоняет голову набок и почесывает темную щетину на подбородке, как будто глубоко задумавшись. — Если ты на седьмом месяце беременности, значит, ты знала об этом еще до того, как мы закончили колледж, не так ли?

Чувствуя себя виноватой, я отворачиваю голову в сторону и прикусываю губу. — Да.

— Когда ты узнала? — он кладет руки мне на плечи. — Пожалуйста, не лги мне снова.

— Я узнала, когда пошла за результатами анализа на аллергию на глютен.

Он отступает от меня на шаг, и его рот широко открывается:

— Ты плакала в моих объятиях и лгала мне в лицо? У тебя вообще есть аллергия на глютен?

— Нет, у меня никогда её не было. Меня продолжало тошнить, потому что я была беременна Ноем.

— Ты могла сказать мне об этом в тот же день, но предпочла ждать до сих пор? — Дин отходит от меня и направляется в спальню.

— Я уже сказала, что сожалею, Дин. Что ты хочешь, чтобы я сделала? Я ничего не могу сказать или сделать, чтобы исправить это.

— Ты права. Никакие извинения в мире не смогут загладить всех секретов, которые ты скрывала от меня. Ты лгала мне прямо в лицо, Кэт. Этим летом ты провела со мной целую неделю. Почему ты ничего не сказала?

— Я была напугана, — удается мне выдать из себя. — Я не хотела тебя беспокоить, пока не буду уверена, что у меня действительно будет ребенок.

Он прищуривает глаза, глядя на меня с отвращением:

— Ты думала избавиться от нашего сына, не сказав мне?

— Нет, конечно, нет, — когда слезы текут по моему лицу, я вытираю их рукой. — Я хотела убедиться, что он здоров и что с ним ничего не случится, прежде чем я скажу тебе. Я подумала, что должна быть уверена, прежде чем говорить что-то хоть кому-то.

— И все же ты могла сказать мне. У тебя нет никаких причин лгать мне.

— Технически, я никогда не лгала о том, что беременна.

— Нет, ты солгал о своей поддельной аллергии на глютен. Так, конечно, намного лучше, — невозмутимо произносит Дин, закатывая глаза. — Раньше у нас никогда не было никаких секретов. Я пытался сказать тебе до того, как мы переспали, что это разрушит нашу дружбу, а ты все равно хотела пройти через это.

— Что ты хочешь этим сказать? Что ты сожалеешь о том, что был со мной?

Он вздыхает:

— Не знаю. Может быть. Нам следовало остаться друзьями.

Я касаюсь его руки:

— Мы друзья, Дин.

— Нет, это не так. Наша ситуация слишком сложна, чтобы снова быть друзьями.

— Итак, что же мы имеем в итоге?

Он пожимает плечами:

— Мы родители маленького мальчика.

— А как насчет нас?

— Я даже тебе не могу доверять, Кэт.

— Нет, можешь. Я все тот же человек.

— Пренная Кэт никогда бы мне не солгала. Ты мне все рассказывала. У нас не было секретов. У меня такое чувство, что я больше даже не знаю тебя.

— У нас все наладится, когда я перееду к тебе, — говорю я с надеждой.

— Может быть. Посмотрим, как все пойдет. Мой приоритет — Ной и твое здоровье.

— Мой тоже.

— По крайней мере, хоть в этом мы согласны, — он хватается подушку с кровати и проходит мимо меня. — Можешь занять кровать. Я буду спать на диване.

— Ты собираешься спать в полотенце?

Он снимает полотенце со своей талии и бросает его в моем направлении. Оно приземляется на пол у моих ног. Я делаю глубокий вдох, когда смотрю на его мускулистое тело.

— Ты сделал это нарочно, да?

Он ухмыляется мне:

— Спокойной ночи, Кэт

— Спокойной ночи, — бормочу я, слишком сосредоточенная на его подтянутой заднице, когда он уходит от меня.

Этот убудок сделал это просто для того, чтобы напомнить мне о том, чего мне не хватает. Что бы мне ни пришлось сделать, мы снова будем вместе. Дин увидит человека, которого любит. Ему нужно время. Нам обоим.

Семь месяцев после драфта в НХЛ

Дин

В мой день рождения Кэт переехала в мою роскошную квартиру с видом на набережную Камдена. Адаптация была нелегкой для нас обоих. Даже после двух месяцев совместной жизни наши отношения все еще настолько натянуты, что мы проходим мимо друг друга, как незнакомцы в метро. Но мы стараемся, ради нашего сына. Каждый раз, когда я злюсь на Кэт, я достаю из бумажника сонограмму и напоминаю себе, что Ной — мой главный приоритет.

— Ты хотя бы будешь смотреть на меня, когда я с тобой разговариваю? — спрашивает Кэт у меня за спиной.

Я поворачиваюсь к ней лицом, и мой взгляд падает на ее живот. Теперь живот трудно не заметить, когда она так близка к рождению Ноя. У нее есть еще осталось несколько дней, пока врач не начнет провоцировать роды.

— Ну же, Дин, — Кэт делает шаг вперед и хватается меня за запястья своими руками. — Можем ли мы, пожалуйста, вернуться к тому, как все было между нами раньше?

— Мы друзья. Разве это не то, чего ты хотела?

— К этому времени, я думала, что между нами будет нечто большее. Я люблю тебя, Дин.

— Я тоже люблю тебя, Котенок.

— Я имею в виду, что я влюблена в тебя. Я хочу снова быть с тобой.

Я высвобождаю свои руки из ее и запрыгиваю на кухонный стол:

— Мне нужно время. Я тебе это уже говорил. Мы не сможем устранить весь нанесенный ущерб за одну ночь.

— У тебя были месяцы, — она двигается между моих ног, и ее живот касается моих бедер. — Разве этого недостаточно, чтобы увидеть, что я все тот же человек, в которого ты влюбился?

Я глажу большим пальцем ее подбородок, и она прижимается лицом к моей руке.

— Ты мать моего ребенка, Котенок. Никто не может отнять это у тебя. Но если ты хочешь от меня большего, мне нужно время.

Она выпускает воздух из легких, который она задерживала:

— Может быть, мне стоит вернуться в Чикаго после рождения Ноя.

Я убираю руку с ее лица, мои зубы сжаты от гнева:

— Даже не думай об этом. Вы двое останетесь здесь, со мной. Если хочешь вернуться домой на лето, я поеду с тобой. А до тех пор мы будем жить в этой квартире всей семьей.

— Никогда не думала, что ты можешь быть таким холодным, — выплевывает она в ответ.

— А я никогда не думал, что ты будешь мне лгать. Считай, что мы квиты.

— Ненавижу тебя, — кричит она, шлепая меня по руке. — Ты сейчас такой мудака.

Я хватаю ее за руку, прежде чем она успевает снова ударить меня, и удерживаю ее на месте:

— Как бы сильно тебе ни хотелось ненавидеть меня, я знаю, что ты любишь меня. Это говорят твои гормоны.

Она качает головой, хмурясь:

— Нет, я больше не могу. Я думала, что переезжаю сюда, чтобы дать нашему сыну лучшую жизнь. Какая же у него будет жизнь, если все, что делают его родители — это ссорятся? Весь этот негатив вреден для Ноя.

— Послушай, Котенок, мне жаль. Я пытаюсь поступить правильно по отношению к тебе и Ною. Я хочу, чтобы у нас все получилось.

— Тогда почему ты не прикасаешься ко мне?

— Я прикасаюсь к тебе прямо сейчас.

— Ты знаешь, что я имею в виду. Секс, Дин, я хочу заняться с тобой сексом. Я так чертовски возбуждена, а ты продолжаешь все время разгуливать по квартире голышом.

Я приподнимаю брови, глядя на нее:

— Я думал, тебе нравится Плохиш Дин.

Она смеется, и ее улыбка отражается в ярко-голубых глазах:

— Только когда я могу с ним порезвиться.

— Это то, чего ты хочешь? — я отпускаю ее руки, чтобы взяться за свой ремень. — Трах из ненависти.

— Ты не ненавидишь меня, — воркует она, не давая мне снять ремень.

— Может, и нет, но я все еще зол. И я не хочу причинять Ною боль.

— Ты не можешь причинить ему боль, идиот, — она закатывает глаза, глядя на меня.

— Неважно. Подожди, пока Ной не родится, и тогда мы посмотрим, как пойдут дела.

Хорошо?

Кэт дергает за пряжку и расстегивает верхнюю пуговицу на моих джинсах:

— Позволь мне позаботиться о тебе, Дин. Это не обязательно должно быть так. Я могу заставить тебя почувствовать себя лучше.

— Не надо, — я накрываю ее руку своей.

— Почему нет? Когда у тебя в последний раз был секс?

— С тобой. Тем летом в твоём доме.

Она прищуривает глаза, глядя на меня:

— В самом деле? Ты ни с кем больше не спал?

— Почему тебя это удивляет? Если кто-то и должен знать, что я не такой подонок, каким все меня считают, то это ты. Разве не поэтому ты вообще хотела, чтобы я трахнул тебя без презерватива?

— Ты не должен быть таким грубым.

— Но это то, что мы сделали, — я наклоняюсь, чтобы коснуться губами мочки ее уха. — Ты хотела, чтобы я трахнул твою тугую киску. Хотела, чтобы я знал, как это хорошо — чувствовать тебя, чтобы я влюбился в тебя. Разве не это было частью твоего плана, Котенок?

— Дин, — шепчет она, закрывая глаза. — Пожалуйста. Перестань меня мучить.

Я прижимаюсь губами к ее шее и покрываю поцелуями ее кожу. Она замирает у меня между ног, делая глубокие вдохи, которые переходят в тихие стоны.

— Хочешь, чтобы я заставил тебя кончить, Котенок? Хочешь, чтобы я просунул руку тебе между ног и пальцами снял все напряжение с твоего тела?

— Да, — шипит она.

Я откидываюсь назад и кладу руки на бедра:

— Ну, мы не всегда можем получить то, чего хотим.

— Ты мудака, — кричит она. — Прекрати так со мной поступать.

— Ну вот, ты снова оскверняешь нашего сына своим грязным ртом, — я улыбаюсь Кэт,

просто чтобы подразнить ее. Мы так часто играем в эту игру, что я не могу остановиться. Она выносила мне мозг несколько месяцев. Может быть, я веду себя как незрелый мудака, поступая с ней так же, но часть меня чувствует, что она заслуживает моей враждебности.

Нашему сыну нужен отец. Это не дает Кэт права вступать со мной в сексуальные отношения. Однажды я сдамся, потому что я тоже хочу ее. Но я должен справиться со своим гневом, прежде чем смогу простить ее. Я это сделаю. Я никогда не мог долго злиться на Кэт.

— У тебя хватает наглости так ругаться в его присутствии, — она поворачивается ко мне спиной и наклоняется, чтобы залезть в холодильник.

Я наклоняюсь вперед, чтобы шлепнуть ее по упругой попке.

Она подпрыгивает, а затем оборачивается с двумя бутылками воды в руках:

— Ты не можешь трогать мою задницу, если не собираешься покувыркаться со мной.

Я соскальзываю со стойки, беру бутылки из ее рук и ставлю их позади себя.

— У меня тоже был от тебя секрет, — признаюсь я.

— Серьезно? Что же случилось с тем, чтобы признаваться друг другу во всем?

— Это не такой секрет, который ты скрывала от меня, — обхватив ее лицо ладонями, я смотрю ей в глаза. — Я думал о том, чтобы заняться с тобой сексом, поверь мне, думал. Но я не смогу довести это до конца.

Она бросает на меня страдальческий взгляд:

— Потому что я тебя больше не привлекаю?

— Нет, ничего подобного. Ты прекрасна. Мне нравится видеть тебя беременной и с моим ребенком внутри тебя. То, что я чувствую к тебе, никогда не изменится. Влечение никогда не было для меня проблемой.

— Перестань быть таким загадочным, Дин. Почему ты мучаешь меня?

— Потому что теперь я думаю о тебе по-другому.

Она опускает голову и вздыхает.

— Но это не то, о чем ты думаешь. Каждый раз, когда я думаю о том, чтобы оказаться внутри тебя, я не могу не думать о Ное.

Кэт смотрит на меня в замешательстве.

— В твоих словах нет никакого смысла.

— Ладно, не смейся надо мной, но я чувствую, что он наблюдает за нами.

Она смеется:

— Теперь я знаю, что ты сумасшедший.

— Я не так выразился. Что я хотел сказать, так это то, что заниматься с тобой сексом, пока Ной у тебя в животе, приводит меня в ужас. Я подумал, что может быть, я смог бы принять твое предложение насчет минета, из-за которого я умирал последние несколько месяцев. Но я все равно не могу этого сделать.

— Я не понимаю, что ты пытаешься сказать, Дин. Ты не можешь заняться со мной сексом, потому что думаешь, Ной видит то, что мы делаем? Я в этом сильно сомневаюсь.

— Вроде того, — я пожимаю плечами. — Просто это кажется странным, окей? И я не хочу делать ничего, что могло бы причинить ему боль.

Она прижимается животом к моей груди и дышит мне в губы.

— Сможешь ли ты довести это до конца после рождения Ноя?

Мои губы впиваются в ее. После нескольких месяцев борьбы со своими чувствами к Кэт мне нужно снова сблизиться с ней. Хотел я это признавать или нет, но я чертовски сильно по ней скучал. Она сжимает мои волосы пальцами, сильно дергая и притягивая меня ближе,

чтобы углубить поцелуй. Наша страсть друг к другу усиливается с каждой проходящей секундой.

Я погружаюсь так глубоко под ее кожу, что теряюсь внутри своего Котенка, позволяя нашим телам говорить самим за себя. Пока я не почувствовал, как жидкость хлынула мне на ноги. Я отрываю свои губы от ее, и Кэт подносит руку ко рту.

— Это были воды, — говорит она сквозь пальцы, прежде чем опустить руку. — Ну или, по крайней мере, я думаю, что у меня отошли воды.

Я улыбаюсь и прижимаюсь своим лбом к ее лбу на несколько секунд, прежде чем сделать шаг назад.

— Либо это, либо ты нассала мне на ботинки.

— Предполагалось, что у меня будет еще несколько дней, — она машет рукой перед лицом, будто обмахиваясь веером. — Я не готова к нему.

— Послушай меня, Котенок, — говорю я, хватая ее за руки. — Мы готовились к этому дню несколько месяцев. Ты можешь это сделать, хорошо? Ты справишься.

— Верно, — выдыхает она. — Я могу это сделать.

— Я здесь, если тебе понадобится помощь, — я подмигиваю, и она улыбается мне в ответ.

— Нет никого другого, с кем я хотела бы сделать это, кроме тебя, Дин, — она целует меня в щеку. — Я люблю тебя.

— Я тоже тебя люблю, — я выпускаю ее из своих объятий. — Нам нужно отвезти тебя в больницу.

— Сначала мне нужно принять душ.

— Ну конечно же, — отвечаю я невозмутимо.

— Я не хочу быть противной. Я вся покрыта жидкостью. Помоги мне принять душ, а потом мы можем ехать.

Смесь паники и возбуждения зарождается в моей груди, когда я веду Кэт в ванную. Мой сын почти здесь. Рождение ребенка в двадцать три года было последним, что я когда-либо планировал, но теперь, когда я вот-вот стану отцом, все недостающие детали в моей жизни встают на свои места.

После того, как я потратил месяцы на подготовку к встрече с Ноем, он почти здесь. Роды Ноя — полная противоположность тому, что я себе представлял. Стоя рядом с Кэт, пока она изо всех сил сжимает мою руку, я говорю ей дышать.

Она поднимает на меня взгляд, стиснув зубы то ли от боли, то ли от гнева. Трудно сказать, учитывая все те крики, которые она издавала с тех пор, как врач сказал ей начинать тужиться. Ее волосы в беспорядке, маленькие светлые пряди прилипли к лицу, а щеки и грудь покрылись пятнами.

— Почти все, — говорю я себе под нос, повторяя слова доктора. — Ты отлично справляешься, Котенок.

Проходит еще несколько минут, и проклятия вылетают у нее изо рта, как у моряка. Она может говорить мне все, что захочет, пока собирается произвести на свет моего малыша.

— Тужься, — говорит доктор, и Кэт сжимает мою руку с нечеловеческой силой, заставляя меня закрыть глаза.

Несколько секунд спустя комнату наполняют крики Ноя, и доктор Уолкотт объявляет:

— Это мальчик.

Мы уже знали это.

Я улыбаюсь, как дурачок, пока мой взгляд перемещается между Ноем и Кэт. Доктор Уолкотт поднимает Ноя, чтобы показать его нам, прежде чем передать его медсестре.

Медсестра спрашивает меня, не хочу ли я перерезать пуповину, и я нервно киваю. *Что, если я все испорчу?*

Я знаю, что не могу причинить боль Ною, но все равно, я в ужасе. После того, как врач и медсестра делают свои приготовления, медсестра протягивает мне ножницы, а я в панике стою над своим сыном. Он крошечный и красивый, мини-версия меня. Мои глаза наполняются слезами, которые я смагиваю.

Кэт лишила меня нескольких месяцев своей беременности, но подарила мне этот момент. Перерезать пуповину — это странно, все равно что перерезать толстую мокрую веревку. Но я чувствую себя более связанным с Ноем. Его мать должна выносить и взрастить его, но это то, что должен сделать я. Все моментально обрушивается на меня. У меня есть сын.

После того, как я заканчиваю, медсестра уводит Ноя, чтобы привести его в порядок, а я стою рядом с Кэт, мои руки все еще дрожат. Я убираю волосы с ее лба и наклоняюсь, чтобы поцеловать ее гладкую, соленую кожу, говоря ей, как сильно я ее люблю.

Я прослеживаю за ее взглядом до медсестры, которая держит на руках нашего ребенка.

— У нас получают милые дети, да? — спрашивает Кэт, не в силах отвести глаз.

— Он пошел в своего отца.

Она поворачивается ко мне лицом, ее улыбка достигает водянисто-голубых глаз, в которых стоят слезы радости.

— Это точно, — Кэт прижимает ладонь к моей щеке. — Не могу дождаться, когда заберу Ноя домой и создам с тобой семью.

Я целую ее пальцы, которые касаются моих губ.

— Я тоже, Котенок.

— Ты должен сообщить всем, что у нас все в порядке и что Ной здоров.

— Я не оставлю тебя.

Она наклоняет голову в сторону двери:

— Перестань странно себя вести. Иди. У нас все будет хорошо. Мой папа, братья и твоя мама, наверное, ужасно волнуются.

— Мне все еще не нравится Дьюк, — признаюсь я.

— Ты навсегда останешься человеком, который обрюхатил его младшую сестру, так что я бы сказала, что это чувство взаимно. Вы, ребята, теперь одна семья. Вам обоим придется отложить в сторону свои разногласия ради нас с Ноем.

Я подношу ее руку к своим губам и запечатлеваю поцелуй на ее нежной коже. — В последнее время я вел себя как придурок, но я бы сделал все для тебя и нашего сына.

— Я знаю это, Дин. А теперь иди. Пусть все знают, что они могут прийти навестить ребенка и меня.

Я отпускаю ее руку, не желая выходить из комнаты.

— Я быстро вернусь.

Когда я вхожу в зону ожидания, весь клан Болдуинов встает. Тео и Такер подбегают ко мне, с Остином и Дьюком на буксире. Ник помогает моей маме подняться со стула и берет ее под руку.

— Кэт родила? — спрашивает Тео, улыбаясь.

— Медсестры сейчас приводят его в порядок.

— Поздравляю, братан, — говорит Тео, хлопая меня по спине, за ним следует Такер.

— Спасибо.

— Думаю, это делает тебя официальным членом семьи, — говорит Такер.

Я смеюсь:

— Да, думаю это так.

— Теперь мы действительно можем называть тебя нашим братом, и это будет законно, — говорит Тео.

Я улыбаюсь его словам:

— Ребят, хотите увидеть Ноя?

— Да, — говорят они оба, взволнованные встречей со своим племянником.

После того, как стало известно о беременности Кэт, близнецам потребовалось некоторое время, прежде чем они начали говорить со мной по телефону. С тех пор мы постепенно восстанавливаем нашу дружбу. Остин, всегда самый дружелюбный и вежливый из братьев, протягивает мне руку для рукопожатия. Дьюк хмурится, глядя на меня, его сердитый взгляд медленно сменяется улыбкой с закрытыми губами. Он бормочет свои поздравления.

Моя мама — сплошное рыдающее месиво, поддерживаемая Ником, с его громоздким телосложением и сильными руками. Она обнимает меня и выдыхает:

— Поздравляю, детка. Не могу поверить, что у моего ребенка есть ребенок, а я теперь бабушка.

Я целую ее в щеку:

— Спасибо, мам. Ты удивительная мама. А теперь станешь еще и лучшей бабушкой. Ной будет любить тебя так же сильно, как и я.

Она улыбается:

— Думаю, мне пора переезжать из Флориды. Я нужна своим мальчикам.

Я киваю:

— Да.

Когда Ник обнимает меня и приветствует в своей семье, это ощущение нереально. Большую часть своей жизни я равнялся на Ника Болдуина. Он был кумиром моего детства, а теперь стал дедушкой моего ребенка. Реальность ситуации все еще нужно осознать, прежде чем я смогу принять все изменения.

Самое большое изменение — я стал отцом.

Шесть недель спустя

Кэт

Через шесть недель после родов Ноя врач, наконец, разрешил мне заниматься сексом. Такое долгое ожидание, чтобы снова быть с Динем, казалось вечностью. Небольшая часть меня нервничает, несмотря на то, что я делала это раньше. Тем не менее, прошло почти восемь месяцев с тех пор, как мы с Динем были вместе. Еще более странно думать, что мы занимались сексом всего несколько раз, а теперь у нас общий ребенок.

Несколько часов назад Дин ушел из квартиры на совещание команды с твердым намерением провести сегодняшнюю ночь в постели со мной. Итак, где же он, черт возьми? Я звонила несколько раз и оставляла ему сообщения, но все они остались без ответа. Он даже проигнорировал мои текстовые сообщения, что странно.

Мы преодолели свой гнев по отношению друг к другу несколько недель назад. Дин так сильно изменился с тех пор, как родился Ной, и все же он бросает меня в вечер, когда у нас есть планы. Я укачала Ноя, чтобы он заснул, больше часа назад, и сейчас он дремлет как новорожденный. Он никогда не спит больше нескольких часов, из-за чего я не могу закрыть глаза ни на минуту, прежде чем потащу свою задницу по коридору, чтобы покормить его.

Когда я слышу громкий стук во входную дверь, я вскакиваю с дивана. Дин, спотыкаясь, вваливается в гостиную, спотыкаясь о собственные ноги.

— Привет, Котенок, — невнятно произносит он, подходя ко мне. — Извините, опоздал.

— От тебя пахнет, как от пивоварни, Дин. Ты где был?

Он целует меня в щеку, медленно спускаясь к шее:

— Я встретился с Шейном и Лиамом. В «Макфаденн» был особый счастливый час.

— Я хотела, чтобы ты был трезвым. Сегодняшний вечер должен был быть особенным, Дин, — я отталкиваю его от себя. — Ты такой тупой.

— Я нервничал, ясно? — он обхватывает меня за талию. — Мне нужно было немного жидкой храбрости.

— Храбрость для чего? Чтобы заняться со мной сексом?

Он кивает:

— Да, я не хотел все испортить. Чем больше я думал об этом, тем больше нервничал.

— Что ж, ты чертовски хорошо справляешься с тем, чтобы все испортить. Так что это была просто потрясающая идея.

— Мне жаль, Котенок, — он переплетает свои пальцы с моими и тащит меня на кухню. — Вышей со мной.

Я бы не отказалась от пары кружек пива, чтобы снять напряжение.

Он открывает холодильник и откручивает крышки с двух бутылок пива, протягивая одну мне. Я чокаюсь к с ним и делаю глоток. Дин делает шаг вперед, прижимая меня к стойке своим телом, пристально глядя на меня из-под своих темных бровей. Протянув руку мне за спину, он ставит свое пиво на стойку и делает то же самое с моим.

— Уверена, что все зажило? Я не хочу причинить тебе боль, — говорит он, заправляя мои волосы за уши.

— Да, все хорошо. Может быть, для первого раза можешь быть помягче, просто на всякий случай.

— А я тут подумал, что получу тот ненавистный трах, который ты мне все еще должна, — он произносит эти слова со злой ухмылкой, от которой твердеют мои соски.

— Ты можешь трахнуть меня, как хочешь, — шепчу я ему в губы, — при условии, что сначала ты обо мне позаботишься.

Дин поднимает руки к моим волосам и, крепко сжав, притягивает меня к себе. Его мягкие губы скользят по моим.

— Я люблю тебя, Котенок, — выдыхает он.

— Я тоже люблю тебя. У нас есть примерно час или два, прежде чем Ной снова проснется.

— Меньше разговоров и больше секса, — говорит он, шевеля бровями в мою сторону. Мне нравится, когда он так делает. Это так чертовски мило, напоминает о первых днях наших отношений.

Я обвиваю руками его шею и наклоняюсь к нему, раздвигая его губы своим языком. Он отпускает мои волосы и хватается за задницу обеими руками. Его эрекция упирается мне в бедро. Жадная и изголодавшаяся по Дину, я задираю его рубашку и провожу ладонью по его мускулистому животу, исследуя пальцами каждый контур. Мы по очереди снимаем верх друг с друга, в конце концов добираясь до штанов.

Я каждый день ношу штаны для йоги с тех пор, как выписалась из больницы, так что Дину легко стянуть их мне по бедрам и спустить вниз по ногам. Я выхожу из них и отбрасываю штаны в сторону, возясь с пуговицей на его джинсах.

Он стонет, когда я просовываю руку в его боксеры и беру его член в ладонь. Массируя пальцами его гладкую кожу, я поглаживаю его член и наблюдаю, как он делает глубокий вдох. После нескольких месяцев желания сделать это, я присаживаюсь на корточки перед Дином и высовываю язык, чтобы провести им по его чувствительной коже.

Глядя на меня сверху вниз, Дин сжимает мои волосы в своих руках и наблюдает, как я беру его в рот. С каждым движением моего языка он стонет. Мои соки грозят пролиться по ноге от удовольствия, которое я получаю, заставляя Дина кончать.

Дин помогает мне подняться на ноги и хватается за бедра, приподнимая, чтобы опустить на кухонный стол. Он снимает остальную одежду, прежде чем наклониться вперед, чтобы прикоснуться своими губами к моим. Мое тело замирает, когда Дин берет в рот мою нижнюю губу и посасывает ее.

Он такой грубый и агрессивный, но в то же время мягкий и нежный. Каждое мгновение, которое привело нас к этому, того стоило. Наши тела сливаются воедино, и наша любовь сливается в единое целое. Когда наши языки сплетаются, я теряюсь в моменте и чистом удовольствии, которое получаю от Дина.

Я не хочу, чтобы его руки когда-либо покидали мое тело, а его язык прекращал делать то, что он делает, чтобы заставить ожить все нервные окончания одновременно. С каждым поцелуем наши отношения укрепляются. Наша связь становится все крепче. Животная страсть, которой мы оба жаждем, поглощает нас, поднимая нашу любовь на новые высоты.

Когда Дин скользит руками вверх по моим бедрам, жар волнами разливается по телу. Наши губы разделяются достаточно надолго, чтобы он опустил голову и пососал мой сосок, нежно потянув его зубами. Он обхватывает ладонями мои груди, по очереди касаясь каждой из них.

Зажав мой сосок между зубами, Дин смотрит на меня снизу вверх и в конце концов возвращается поцелуями к моим губам. Он смотрит на меня с таким голодом, что его

голубые глаза полностью завладевают мной. Раздвигая мои ноги шире, Дин обхватывает мои бедра и опускается между ними.

Он оставляет дорожку из поцелуев, пробираясь к моей пульсирующей сердцевине. Как и все остальное в нем, язык Дина обладает способностью владеть моим телом. И он делает это. Мой мужчина знает, как довести меня до предела, при этом вырывая крики из моего тела.

— Дин, — стону я и прижимаюсь бедрами к его рту, пропуская прядь его темных волос между пальцами.

Он останавливается достаточно надолго, чтобы поднять на меня взгляд и сказать:

— Вот и все, Котенок. Кончи для меня.

Все мое тело оживает, воспламеняясь с каждым движением языка Дина. Проходит совсем немного времени, прежде чем я нахожу свое освобождение, постоянно шепча при этом его имя. Он дает мне всего две секунды, чтобы открыть глаза и попытаться прийти в себя, прежде чем поднимает меня со стойки и перекидывает через плечо, как будто я ничего не вешу.

Он шлепает меня по заднице по пути в спальню, стараясь не производить слишком много шума. Пока Ной в своей спальне, у нас должно быть достаточно времени, прежде чем он проснется для следующего кормления. Надеюсь.

Дин опускает меня на матрас, проползает между моих ног и располагается у моего входа. Он трется своим членом о мои складочки, заставляя меня тихо застонать. Из всех сил стараясь не причинить мне боли, Дин скользит в меня, продвигаясь понемногу. Но он длинный и толстый, к чему мне требуется некоторое время, чтобы привыкнуть после столь долгого ожидания.

После того, как я приспособляюсь к его размеру, боль уменьшается, каждый толчок быстро превращается в удовольствие. Он наклоняется вперед, кладет локти по обе стороны от моей головы и целует меня в шею, прежде чем добраться до моих губ. Когда Дин набирает темп, он целует меня так же крепко. Мое тело расслабляется, и я растворяюсь в Дине, в конце концов работая в ритмичном движении вместе с его телом. Мое тело сотрясается в конвульсиях, хватка, которой я удерживаю его внутри, усиливается, когда волна удовольствия проходит сквозь меня.

Трудно поверить, что я продержалась восемь месяцев без этого. Дин поднимает меня на новые высоты каждый раз, когда мы вместе, и каждый раз это лучше, чем в прошлый. В конце концов, наши стоны сливаются в один, мы оба теряем контроль, обретая свое освобождение.

Он падает на меня сверху и целует в губы, прежде чем перекатиться на свою сторону матраса. Дин тянет меня за руку, чтобы притянуть к себе на грудь. Я сворачиваюсь калачиком в укромном уголке между его рукой и плечом и кладу голову ему на грудь.

— Ты должен показывать мне, как сильно любишь меня каждую ночь, — выдыхаю я. — Я почти забыла, как нам хорошо вместе.

Он сверкает одной из своих сексуальных ухмылок:

— Я был бы рад напомнить тебе еще разок.

Запыхавшись, я бормочу:

— И на этот раз не будь со мной снисходителен.

Он смеется:

— Я даже близко не закончил с тобой. Я мог бы завести с тобой еще десять детей,

Котенок.

— Не думаю, что смогла бы выдержать еще десять таких, как Ной.

Он приподнимает бровь, глядя на меня:

— В самом деле? Я думал, мы могли бы создать нашу собственную хоккейную команду.

— Убирайся отсюда, — я со смехом хлопаю его по руке. — Если тебе нужно так много детей, можешь попробовать выдавить их из себя сам.

— Насколько мне известно, прямо сейчас внутри тебя может расти еще один ребенок.

— Ты удивительный отец, Дин. Нашим детям повезло, что ты у них есть.

— Я всегда знал, что ты будешь хорошей мамой. Ты заботилась о близнецах и обо мне на протяжении всего обучения в универе.

Я смеюсь:

— Наверное, я была для вас, идиотов, чем-то вроде неофициальной матери. Кто-то же должен был держать ваши задницы в узде.

— Мне все еще нужно, чтобы ты не выпускала меня из под контроля, — он крепко прижимает меня к себе. — Ты делаешь меня лучше, Котенок.

— Из нас получилась хорошая команд, — признаюсь я.

Он кивает, потираясь подбородком о мою макушку. Затем берет мою руку и обхватывает ею свою растущую эрекцию.

Я поднимаю на него взгляд с улыбкой на губах:

— Значит ли это, что ты хочешь завести еще одного ребенка прямо сейчас?

— С тобой я хочу всего, Котенок.

Его слова звучат как музыка для моих ушей. После нескольких месяцев ожидания, пока Дин простит меня, Ной снова свел нас вместе. Дин по-прежнему мой лучший друг, за исключением того, что теперь он отец моего сына и любовь всей моей жизни.

Девять месяцев после рождения Ноя

Кэт

Я проскакиваю через дверь и врываюсь в спальню Ноя, имея в запасе несколько минут, до того как Дин закричит из гостиной, что он дома.

— Сюда, — говорю я, мои пальцы работают быстрее, чтобы натянуть на Ноя его новую рубашку. Я не хотела портить сюрприз. Еще несколько минут, и все мои планы полетели бы к чертям собачьим.

— Котенок, — Дин обнимает меня сзади, как раз в тот момент, когда я поднимаю Ноя с пеленального столика и крепко прижимаю его к груди. Он зарывается лицом мне в шею и протягивает руку, чтобы погладить Ноя по спине. — Я так скучал по вам двоим на этой неделе.

— Мы тоже скучали по тебе, папочка, — я поворачиваюсь лицом к Дину и запечатлеваю поцелуй на его губах.

Ной шевелится у меня на руках, издавая те милые детские звуки, которые я так люблю. Он дремал на протяжении всего моего приема и всей поездки на машине обратно в квартиру. Всю неделю Ной лишь ненадолго засыпал, лишая меня сна. Когда Дин в разъездах, Ной как будто чувствует, что его нет рядом. По крайней мере, Дин теперь дома, с нами, там, где ему самое место.

Мои веки отяжелели, но адреналин, который бежит по моим венам, не дает мне уснуть. Когда Дин обхватывает мое лицо ладонью, я наклоняюсь к его прикосновению и закрываю глаза. Дин раздвигает мои губы языком, заставляя меня желать большего, прежде чем наклониться и прижаться губами ко лбу Ноя.

— Привет, малыш. Ты оберегал свою мамочку от неприятностей?

Я смеюсь:

— Ной должен держать тебя в узде, а не я.

Дин забирает Ноя из моих рук и поднимает его, чтобы скорчить ему смешную рожицу. Ной хихикает над Дином.

— Ты обратил внимание на его рубашку?

Дин смотрит на меня в замешательстве:

— Она новая?

— Ты хотя бы потрудился прочитать, что написано?

Он бросает взгляд на рубашку Ноя, его глаза и рот расширяются от шока.

— Я стану старшим братом, — читает он вслух. Дин удерживает меня своим пристальным взглядом, на его губах появляется улыбка. — Ты беременна?

Я беру его руку и кладу себе на живот:

— Я хотела быть уверенной, прежде чем что-то говорить.

— Ты что, шутишь?

— Нет. Ты сказал, что хочешь создать свою собственную команду. Что ж, вот твой шанс. Потеряв дар речи, он недоверчиво качает головой:

— Не думал, что это произойдет так скоро.

— Я тоже, но так уж у нас получилось. Ты счастлив?

— Конечно, счастлив, Котенок. Наверное, я все еще в шоке.

— Хочешь посмотреть сонограмму?

— Да, — он протягивает мне свою ладонь. — На этот раз все будет по-другому. Я не пропущу ни одного приема у врача.

— К сожалению, ты уже пропустил его, но клянусь, что у меня не было от тебя секрета. Я заподозрила, что снова беременна, после того как пропустила пару месячных. Ной так загружает меня, что я даже не могу вспомнить свой цикл. Я подумала, что для тебя будет забавным сюрпризом, если Ной объявит, что ты снова станешь отцом.

Я достаю из заднего кармана распечатку сонограммы и кладу ему на ладонь. Он подносит его к лицу, чтобы изучить фотографию, ухмыляясь как дурак. С Ноем я так боялась разрушить жизнь Дина, что скрыла правду. Недооценка Дина была самой большой ошибкой, которую я когда-либо совершала.

— А что это за другая точка? — Дин указывает на листок, протягивая его мне.

— Твой ребенок.

Он поднимает на меня взгляд. Выражение его лица непроницаемо:

— У нас будут близнецы?

Я вздыхаю:

— Ага. Можешь ли ты представить себе еще двоих таких же, как Ной? Или как мои братья?

Дин смеется:

— Не знаю насчет еще двоих, таких как Тео и Такер, но я хочу больше таких детей, как Ной.

— Близнецы — это сущее наказание, я то знаю. Я так рада, что твоя мама наконец продала свой дом и переезжает сюда, чтобы помогать нам.

— Я тоже. Подожди, пока я ей не скажу. Она сойдет с ума, но в хорошем смысле, — перекладывая Ноя на левое бедро, Дин обхватывает меня рукой и притягивает к своей груди. — Ты готов стать старшим братом? — спрашивает Дин Ноя, и тот улыбается ему.

Я никогда не ожидала, что влюблюсь в своего лучшего друга. Когда я познакомилась с Дином на первом курсе колледжа, я подумала, что он еще один фанат моего отца. Это все еще правда, но он стал моим другом, единственным человеком, с которым я могла поговорить, когда больше всего в ком-то нуждалась. Теперь же мы — одна семья.

После ужина Дин предлагает присмотреть за Ноем, а я откидываюсь на диванные подушки и закрываю глаза. Дин ведет Ноя в его спальню, чтобы поиграть на полу с новыми игрушками, давая маме столь необходимую передышку. Сна не было с тех пор, как родился Ной. Я люблю его до смерти, но я понятия не имела, что никогда больше не сяду за стол и не смогу нормально выспаться ночью. Может быть, через несколько лет, говорила я себе — пока врач не подтвердил мою беременность.

Дин очень помогает, когда он дома. Жаль, что мы проводим много времени порознь из-за его хоккейного графика. И мне нужно выспаться. Теперь, когда у нас на подходе еще двое детей, я больше, чем когда-либо, с нетерпением ожидаю, когда мама Дина переедет жить к нам. Семья — это самое важное в нашей жизни.

Я уснула, клянусь, всего на пять минут, прежде чем слышу, как Дин разговаривает с Ноем своим детским голоском. Дин такой очаровательный, когда говорит с ним тоном, который приберегает только для нашего ребенка. Притворяясь спящей, я держу глаза закрытыми, но у Дина другие планы. Он опускается на пол рядом со мной и кладет Ноя мне

на живот.

Я поворачиваю голову, чтобы посмотреть на него.

— Дин, да ладно. Мне нужно еще несколько минут.

Крепко обхватив ребенка, он удерживает его на месте и наклоняется ближе.

— У Ноа есть кое-что, что он хочет тебе показать.

— Что ты хочешь показать мне, милый? — он понятия не имеет, о чем я говорю, но хихикает при звуке моего голоса. Я хватаю Ноа за маленькие пальчики. Шелковый мешочек выпадает из его руки мне на грудь.

Я смотрю на Дина со странной улыбкой на лице:

— Ты купил мне тот хоккейный брелок, который мы видели в торговом центре?

— Нет, у меня есть для тебя кое-что получше.

Я дергаю за крошечные завязочки, удерживающие мешочек закрытым, и обручальное кольцо с бриллиантом выскальзывает мне на ладонь. Мой рот раскрывается от шока, когда Дин забирает у меня кольцо.

— Я... — мне трудно выговаривать слова. — Мы? Ты?

Он кивает:

— Я спланировал идеальную помолвку еще до того, как ты рассказала мне о близнецах, но ты заставила меня понять, что нам не нужен грандиозный жест, чтобы показать друг другу, как сильно мы друг друга любим. Плюс, Ной должен быть здесь, когда я задам тебе самый важный вопрос, который я когда-либо спрошу у тебя.

— Полностью с тобой согласна, — я вытираю слезы, которые катятся по моим щекам.

Дин держит Ноа одной рукой, а кольцо — в другой, пристально глядя мне в глаза.

— Я хотел быть больше, чем твоим другом, после того, как мы впервые поцеловались. Я всегда знал, что ты та самая, но слишком боялся разрушить нашу дружбу.

— Если бы не Ной, кто знает, где бы мы сейчас были.

— Я бы сражался за тебя, Котенок. Я никогда не отказывался от тебя. Я никогда не отказывался от нас. Время — это все, что нам было нужно.

— А теперь посмотри на нас, — я улыбаюсь. — Можешь поверить, что нам всего по двадцать пять, и у нас вот-вот родятся еще двое детей? Совсем не так, я думала, сложится мое будущее.

— Верю, — шепчет он. — Мы были семьей задолго до того, как она у нас появилась. По крайней мере, теперь все это официально.

Я протягиваю руку, чтобы коснуться его щеки.

— Я люблю тебя, Дин.

Он проводит губами по моим пальцам, удерживая мой взгляд.

— Я тоже люблю тебя, Котенок, — Дин прочищает горло и садится прямее. — Ладно, начнем. Почему я так нервничаю?

— Не стоит, — говорю я ему, — это всего лишь я. Я все та же девушка, за которой ты следил на первом курсе.

Он смеется:

— Я не следил за тобой. Я наблюдал издали. Есть разница.

— Наблюдал. Следил. Одно и то же, — я одариваю его озорной ухмылкой. — Я рада, что ты нашел меня. Это был один из лучших дней в моей жизни.

— Мой тоже. Я думал, что встреча с дочерью Ника Болдуина это ближайшее, что я получу к встрече с кем-то знаменитым. Я никак не ожидал, что мы станем друзьями.

— А чего ты ожидал?

Он пожимает плечами:

— Я хотел посмотреть, есть ли у тебя какие-то его хоккейные навыки. И так оно и есть. Но это было не то, что меня заинтересовало. Ты прекрасна, даже в полной экипировке. Я не мог отвести от тебя глаз, как только увидел.

— Так ты солгал, — шучу я. — Дин, как ты мог?

— Эй, давай не будем думать о лжи. Все в порядке, женщина?

Я фыркаю, притворяясь раздраженной:

— В то время, я даже не думала, что ты видишь во мне кого-то другого, кроме одного из парней.

— Никогда, — признается он. — Мне лишь пришлось научиться думать о тебе как о друге. Вначале мне было трудно отделить свои чувства к тебе, но я слишком ценил твою дружбу, чтобы все испортить. Когда близнецы присоединились к нам на втором курсе, это стало еще большей причиной сохранить наши отношения платоническими.

— С ума сойти, сколько недопониманий было между нами в университете, — Дин сжимает кольцо кончиками пальцев, — но мы нашли дорогу друг к другу.

— Все это в прошлом, Дин. Теперь у нас есть наше будущее, на которое мы можем смотреть с нетерпением. Тебе, наверное, следует попросить меня выйти за тебя замуж, пока я не передумала, — говорю я, смеясь.

Он удивленно качает головой, глядя на меня.

— Кэтрин Болдуин, моя лучшая подруга, мой Котенок, любовь всей моей жизни и мать моих детей, ты выйдешь за меня замуж?

Я киваю, слезы текут по моему лицу на рубашку.

— Да, конечно, я выйду за тебя замуж, Дин, — я протягиваю руку, чтобы он надел кольцо мне на палец.

Ной поднимает руку в воздух, а затем хлопает ею по предплечью Дина, смеясь.

— Значит ли это, что ты одобряешь, Маленький человечек?

Ной снова хихикает.

— Он может нести наши кольца, — говорю я Дину, улыбаясь Ною. — Мы должны подождать, пока не родятся близнецы, чтобы они тоже смогли принять участие в свадьбе.

— Ты хочешь ждать так долго?

— Думаю да. А что? Что ты планировал?

— Я бы женился на тебе прямо на этом полу в спортивных штанах, если бы ты мне позволила.

— Ну, этого не случится. Ты, конечно, симпатичный, но не настолько, — я щиплю его за щеку. — Мой отец и братья убили бы тебя, если бы их не пригласили на нашу свадьбу. Как и твоя мама.

— Нет, ты права. Наши семьи должны быть там.

— Мой папа не пожалеет денег. Приготовься к тому, что каждый член «Зала хоккейной славы» будет присутствовать на нашей свадьбе.

Дин ухмыляется, как идиот:

— Одно это заставляет меня хотеть ускорить эту свадьбу.

Я закатываю глаза, глядя на него:

— Уверена, что так и есть. Когда ты начнешь вести себя так, будто ты важная персона? Ты стал новичком года. Однажды ты будешь там, на вершине, с моим папой и его друзьями.

— Это было бы здорово. Надеюсь на это.

— Я это знаю, — уверенно говорю я. — Я поняла это после того, как впервые увидела, как ты играешь.

Он на секунду проводит большим пальцем по моей челюсти и улыбается:

— Спасибо, Котенок.

Я приподнимаюсь, чтобы освободить место для Дина, который берет Ноя на руки и сажает к себе на колени, давая нам достаточно времени, чтобы украдкой быстро поцеловаться, прежде чем Ной снова потребует нашего внимания. У нас больше никогда не будет ни секунды наедине, но я бы не хотела, чтобы что-то было по-другому.

Три года спустя

Дин

— Не двигайся, — говорю я Кэт, которая морщится от боли и выдавливает жизнь из моей руки. — Все почти закончилось.

Она делает глубокий вдох:

— Это больнее, чем я думала, а я ведь родила троих детей.

Я поднимаю другую руку, чтобы показать Кэт обручальное кольцо, которое теперь нарисовано на моей коже. Поскольку хоккей свел нас вместе, мы хотели иметь символ, который напоминал бы нам о том, как мы влюбились друг в друга. Две хоккейные клюшки обхватывают наши безымянные пальцы и перекрещиваются друг с другом, теперь отмечая место, где когда-то было мое обручальное кольцо, клеймя нашу любовь друг к другу.

Верный моде Болдуина, отец Кэт настоял на том, чтобы мы сыграли свадьбу в его поместье за пределами Чикаго. Каждый хоккеист, которого я боготворил в детстве, присутствовал, чтобы подбодрить нас, наряду с некоторыми нынешними игроками лиги. По мнению всех спортивных журналов, это была свадьба года. И так оно и было. Ник не жалел никаких средств. В меню у нас были блюда, которые я до сих пор понятия не имею, как произносятся.

Братья Кэт и некоторые из моих товарищей по команде были одеты в свою форму и держали в руках хоккейные клюшки, образуя дорожку, ведущую к алтарю. Все в тот день было идеально. Наши сыновья были частью нашей свадьбы. Поскольку Ной был самым старшим, он нес наши кольца. Он начал ходить прямо перед церемонией, и моей маме было легче вести его к алтарю с нашими кольцами.

Ник держал Оуэна и Оливера в своих объятиях, пока мы произносили наши клятвы. Им было всего несколько месяцев, когда мы с Кэт поженились. Но, по крайней мере, они были на фотографиях и присутствовали в наш особенный день. Когда я сижу в тату-салоне, ожидая, пока Кэт закончат наносить татуировку, я понимаю, насколько бессмысленными стали наши обручальные кольца, хотя они по-прежнему имеют значение для нас обоих.

— Ауу, — произносит Кэт в последний раз, прежде чем татуировщик вынимает иглу из ее кожи и откатывает свой стул назад.

— Готово, — говорит художник, восхищаясь своей умелой работой. — Что думаете?

Кэт подносит руку к лицу, ее рот искривлен от боли.

— Она идеальна, — она смотрит на меня сквозь пальцы, пригвоздив к месту своими ярко-голубыми глазами. — Не могу поверить, что позволила тебе уговорить меня на это.

Я помогаю Кэт подняться со стула:

— Почему? Уже жалеешь об этом?

Она качает головой:

— Нет, конечно, нет. Я бы никогда не пожалела ни об одном решении, которое приняла вместе с тобой. Наши татуировки вечны. Навсегда.

Я целую ее в лоб:

— Прямо как наша любовь.

— Каким-то образом ты всегда знаешь, что сказать, — она склоняет голову мне на плечо с улыбкой на своем прекрасном лице. — Ты и наши сыновья — мои навеки.

— Навсегда, Котенок, — шепчу я ей на ухо.

Влюбленность в мою лучшую подругу привела к одним из самых тяжелых, изнурительных лет в моей жизни. Но, в конце концов, каждое мгновение, которое привело нас к этому, стоило того.